

ISSN 0235-2737

Парус

9/1988

**СТОИТ ЛИ СОВАТЬ НОС
ВО «ВЗРОСЛЫЕ» ДЕЛА!**

Разговор о школьном само-
управлении идет на стр. 28

Фотоконкурс

«Субъектив»

«Стиляги»

Фото Андрея
Кудрявцева,
г. Омск

Парус

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный иллюстрированный
журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Полымя»

Издается с июля 1972 г.

В номере

<i>Выбор</i>			
Леонид МИНДЛИН. Пешком до Луны, или Путь в министры	2	.	2
<i>По сути дела</i>	6	.	6
<i>«Трубка мира» за границей</i>			
Андрей МАКСИМОВ. «Линка доверу»	6	.	6
<i>Линия огня</i>			
Валентин МАСЛЮКОВ. Афганистан, Афганистан, Афганистан	8	.	8
<i>Час приема по острым вопросам</i>			
Лев ГУЩИН. «Там, вдали, за рекой?.. Это близко»	18	.	18
<i>Огденясь</i>			
Владимир БУЛЫЧЕВ. Кулачный бой	22	.	22
<i>Малая редколлегия</i>			
Виктория БРЮЛО. Счастливая 13-я	28	.	28
<i>Абзац</i>	30	.	30
<i>Ищу друга</i>	33	.	33
<i>Авторский лист</i>			
Юрий КОРОТКОВ. Авария. Киноповесть	34	.	34
<i>С жара по нотке</i>	49	.	49
«Вы подарили городу праздник!»	50	.	50
Олег ПОПОВ. Единственная охота	52	.	52
<i>Стихотворная тропа</i>			
Инна ДЕМЬЯНОВА	54	.	54
<i>Рост</i>			
Александр РОСИН. Сила «Бессилия»	56	.	56
<i>В перелет!</i>			
Эдуард ДУБРОВСКИЙ. Три правильных аккорда	61	.	61

Первую страницу обложки оформил Валерий РУЛЬКОВ.
Макет номера подготовили Валерий РУЛЬКОВ и Валентина ЖГУНЦОВА.

Здесь, на поле, напротив названий публикаций номера, по десятибалльной шкале поставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию.

А на обороте нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе:

имя и фамилия (это — если считаете нужным);
возраст;
где учитесь или работаете;
давно ли читаете наш журнал.

И последнее: если оценка публикаций в баллах кажется вам недостаточно красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями.

9 / 1988

9/1988

выбор

ПЕШКОМ

Когда рассказ о таллинском бюро «Майнор» был написан и, как у нас водится, «пошел по рукам» членов большой и Малой редколлегий, неожиданно выяснилось, что у многих он вызывает возражения.

Вот такие:

— хотеть стать начальником может только карьерист;

— сначала человек должен получить специальность, а уже потом думать о карьере; в статье об этом не говорится.

Кроме того:

— система отбора кандидатов «в руководящее кресло» пока несовершенная, ее рифы может обойти любой ловкач.

И, наконец:

— чего обманывать молодых — какие бы способности к руководящей работе они ни проявили, все решают «красивая» анкета и «лохматая лапа», протекция, блат.

Несколько ошарашенный автор, ознакомившись с этими доводами, понял, что опровергнуть их своими силами ему будет трудно. И решил обратиться за помощью к человеку, который наверняка знает о руководящей работе не понаслышке.

Юри Андреасович Крафт, министр легкой промышленности Эстонской ССР, прочитал выписанные на листок «резоны» редколлег и надолго задумался.

Начал он почему-то с ответа на последний довод.

— Мой отец — рыбак. Так что, сами понимаете, протекции он мне составить не мог.

О моей работе мы еще поговорим. Сейчас о карьере сыновей. Пока они студенты. Не думаю, что могут рассчитывать на высокий пост. Не уверен, что они хотят этого сами.

Тем не менее, хорошо известно, что до последнего времени даже на самые верхние этажи власти далеко не всегда поднимались самые достойные. В какой-то степени и этим объясняется нынешнее состояние нашей экономики: некомпетентный работник может натворить

немало бед. Сейчас, к счастью, ситуация меняется. Меняются и принципы подбора и назначения руководящих кадров. Демократизация — самый надежный барьер на пути плохого работника вверх.

— Опытный демагог может приспособиться к любой системе.

— Но не стать специалистом.

— Выходит, правы те, кто утверждает: сначала — специальность и только потом — мысли о карьере?

— Были бы правы, если б не одно обстоятельство. Руководить экономикой — значит руководить людьми. А для этого нужна масса разных качеств и знаний. Необходимо уметь — может, я неудачно выбрал русское слово — чувствовать человека, составить команду единомышленников, найти и «при-

крыть» людей, способных на эксперимент. Нужны сдержанность (ее мне, к сожалению, не хватает), контактность, тактичность. Нужно уметь рисковать, откликаться на новое. Нужны трудолюбие муравья и работоспособность вола. Нужны твердость и принципиальность. Нужны мягкость, гибкость и умение поступиться второстепенным ради главного... И так далее. Учиться всему этому, сесть в руководящее кресло, поздно. Эту науку, а вернее, науки, можно и необходимо постигать как можно раньше.

Что касается «юношеского карьеризма», то, вероятно, как только все поймут, что управление — это профессия, разговоры о карьеризме отпадут сами собой.

— Да, но как заблаговременно отсеять тех, кто попросту рвется в начальники, от тех, кто хочет и может стать специалистом — организатором производства?

— А вот это лучше узнать в «Майноре». Могу только сказать, что, выработав демократи-

ДО ЛУНЫ, ИЛИ ПУТЬ В МИНИСТРЫ

Карьера (итал.) — бег; жизненный путь; поприще.
«Мне и моим друзьям до министра, как пешком до Луны». (Из школьного сочинения)
(«Философский словарь»)

ческие принципы назначения руководителей, мы должны создать и механизм отбора кандидатов в управленцы.

На этом мы закончим наше непредвиденное, но, наверное, необходимое предисловие. И те-

перь автор со спокойной душой предлагает читателю перейти узкую таллинскую улочку и побывать в расположенном напротив Министерства проектно-конструкторском бюро систем управления «Майнор».

Рисунок Валерия рулькова

Деловая карьера Суйдо Саарметса начиналась в обстоятельствах чрезвычайных. При посадке на Луну промахнулся бортовой компьютер — между кораблем и базой лежали 320 километров каменистого бездорожья Моря Бурь. Выход был один — шагать, причем налегке. Из аварийной «сбойки» решили отобрать самое необходимое.

— Все добрались?

— Извините, не помню. Все-таки пять лет прошло. Я тогда на третьем курсе учился, — озабоченно морщит лоб Саарметс, заместитель начальника мехового цеха таллинского объединения «Линда». — Нас ведь человек тридцать было.

Та космическая команда давно разлетелась по Эстонии с дипломами политеха и кучей земных забот. Третьекурсники стали старшими инженерами, замами, завами... Но и лунные километры. — не пыль воспоминаний.

— О-о, «Поход по Луне» — игра серьезная. Учит сотрудничать, принимать решения. Нам так объяснили: будем маленький эксперимент делать, будем искать среди вас будущих руководителей.

«Мир тесен, как старый Таллин!» — изрекает сосед по гостиничному номеру, узнав, что меня тоже интересует это необычное ПКБ при Министерстве легкой промышленности Эстонии, которое вот уже девять лет проектирует и конструирует... руководителей. И точно, в гостеприимном доме по улице Кухльбарса я встретил симферопольскую социологиню, партийных работников из Ленинграда, номенклатурного алмаатинца, финских бизнесменов... «Все дороги ведут в «Майнор», — формулирует мой сосед, программист с уклоном в социальную психологию (в сложностях этого сочетания я и не пытался разобраться: принял как данность). — А ты спроси, спроси: почему?» И — бац очередную формулу: «Потому что самый большой дефицит сейчас — это компетентный

руководитель, организатор-профессионал».

«Менеджер!» — уточнил я.

«Он самый, — согласился программист-уклонист. — Но только учти, в бюро предпочитают другую терминологию. Осторожность в терминах — штука полезная».

И я снова вернулся в начало восьмидесятых, во времена, когда Суйдо Саарметс шагал через колдобины Моря Бурь. Административная Система со старческой подозрительностью относилась ко всяким новациям. И в маленькой экспериментальной группе таллинского политеха вполне могла усмотреть покушение на святая святых. Еще бы: вместо бдительной Анкеты — тесты, вместо Кадровика с военной выправкой — социолог и психолог, вместо магии Должности — стремление к действию, к результату... Впрочем, прибалтийским республикам время от времени разрешались небольшие вольности. Потому, не торопясь, с должной опаской, ПКБ проектировало и конструировало руководителей для грядущей перестройки.

И все-таки в «Майноре» до сих пор избегают термина «менеджер» — иностранное его происхождение вызывает иногда рецидивы бдительности. Но, как сказал поэт, слова и иллюзии уходят — дела остаются. И потому одна из дорог перестройки ведет в «Майнор»: нужны новые люди, для которых «действие — выше планирования, дело — выше размышления, конкретное — выше абстрактного». Цитата из конспектов Суйдо, может быть, чересчур категорична, но это — язык деловых людей.

— Управление — профессия. Лидером нужно родиться. Но этого мало, еще нужна учеба, индивидуальная программа развития...

Директор Юло Пярнитс формулирует кредо «Майнора».

— Мы должны найти управленческие таланты, помочь им реализовать себя. Между прочим, японцы на-

чинают замерять управленческий потенциал с трех лет, ищут лидеров в детсадах.

— Директор РАФа Виктор Боссерт писал в «Комсомолке», что заводские социологи тоже взяли под наблюдение дошколят. К восьмому классу будет составляться карта способностей ребят...

— Мы экспериментировали в школе. Но сразу получили ярлык: вы создаете элиту. Почему можно отбирать таланты математические, создавать музыкальные и спортивные школы, но не управленческие классы или группы? Разве в талантливых руководителях меньше нужда, чем в спортсменах, физиках или художниках? Можно спорить, с какого возраста начинать такой поиск. Но одно несомненно: ко второму-третьему курсу института нужно точно знать, «кто есть кто».

Как мы это узнаём? А вы сходите к нашим психологам и социологам из «Майнор-консультанта». Сами увидите.

«Майнор-консультант» — это родное дитя ПКБ. И, как водится в деловом мире, вполне самостоятельное. Полный хозрасчет, полная независимость.

Вспоминаю знаменитого английского сатирика Н. Паркинсона: «Психологи, психиатры, психопатологи, статистики и эксперты не хуже (хотя и не лучше) злых ведьм и добрых фей» — и отправляюсь по указанному адресу.

Не знаю, как прочие, но психолог бюро «Майнор-консультант» Тийна Пылд из фей экстра-класса. Ее волшебные палочки — тесты, видеотренинг, интервью «по душам».

— Тийна, но в тестах можно слукавить, попытаться «сделать вид»?

— Вот, смотрите, тест Кэттелла. Кстатк, только один из многих. 187 суждений. Вы должны высказать отношение к ним, согласиться или не согласиться. Очень просто. Но механизм опроса хитер, он все равно раскроет вас, мотивацию вашего вы-

бора. И мы узнаем, кто вы — прагматик или романтик, порог вашей эмоциональной устойчивости, ваши влечения, склонность к авантюрам... Мы должны нащупать узлы возможных конфликтов. И внутренних, и с окружающим миром. Потом мы постараемся научить вас управлять этими конфликтами.

Почему я не встретил вас раньше, психологи «Майнора»? И почему вообще вас так мало — в школах, на заводах, в институтах? В Штатах эти расчетливые бизнесмены не скупятся держать по психологу или социологу на триста работающих. Затраты окупаются сторицей. Впрочем, зачем искать примеры за океаном: «Майнор-консультант» — это наш, отечественный аргумент. У его руководителя Вэлло Валласта своя статистика:

— Наша цель — замерить управленческий потенциал всех молодых людей до 30 лет, имеющих высшее образование. В масштабах республики, естественно. Они должны знать свои способности и прогнозировать будущее. Ведь хороший руководитель приносит огромные дивиденды.

— Вэлло, смоделируйте руководителя по «Майнору»...

— Предприимчив, общителен, умеет принимать решения самостоятельно и коллегиально, уверен, что его организация — лучшая в мире, ориентирован на результат, знает свои возможности и умеет ими управлять.

— В семнадцать лет можно начинать такое «само моделирование»?

— Почему в семнадцать? Раньше!

— А как?

— Попробуйте прогнозировать, думать на несколько ходов вперед. Анализируйте свои действия, скажем, с помощью дневника. Идете в школу пешком — спланируйте жизнь на две пятилетки. Поставьте цель, пусть самую прагматичную, установите время для ее достижения и вперед. И обязательно спра-

шивайте, ищите добрый совет и советчиков. И, конечно, учитесь как минимум на «хорошо».

Юри Лосс — начальник отдела ПКБ — более либерален. Он дает шанс и троечникам: в его информационном банке немало доказательств в их пользу — от президента Кеннеди до директоров таллинских объединений.

И последнее интервью в «Майноре». Мой собеседник — директор по науке Петер Гросс. Это он начинал давний эксперимент в политехническом, собирал команду деловых ребят.

— Менеджмент — это искусство и наука управления людьми. С чего начинается его постижение?

— С элементарного: умения слушать, говорить, здороваться, молчать. Все это кирпичики общения, отношений. Те, кто приходит к нам, начинают с «Азбуки молодого руководителя». Важно, чтобы они поняли: ключ к успеху — отношения с людьми, а не автоматика, не капвложения.

(Американские социологи оценивали карьеру 57 высших администраторов. Удалась она тем, у кого отметка по человеческим отношениям была выше 80 по столбальной шкале. У тех, кто застрял на полпути, она дотянула в среднем лишь до 23... У наших социологов я таких исследований не нашел. Может быть, просто плохо искал?!)

— Петер, и несколько слов о высшей математике «Майнора»...

— Философия управления, его психология, должностная деятельность, социальное управление. Это для тех, кто прошел отбор, кто зачислен в резерв руководителей.

— Саарметс из вашей студенческой команды входит в резерв?

— Да, после его службы в армии мы продолжаем работу.

...После «Похода по Луне» их привезли на вполне земную базу отдыха. Первый

семинар-контакт с «Майнором». Специалисты учитывали все: кто первым подал идею насчет «протопить», кто первым взялся за колун, «прокачивали» на тренингах и в деловых играх, втягивали в дискуссии. Были тесты с сотнями неумолимых «да» и «нет». Был видеотренинг — телекамера учила слушать, говорить, убеждать, держаться...

Шел невидимый, но жесткий отбор. И будущее решали не протекция, не происхождение — только твой непонятный и неизвестный тебе доселе управленческий потенциал. «Майнор» представлял баллы, компьютеры просчитывали шансы...

А на дворе начинались восьмидесятые. Кто-то из команды скептически бросил: «В игрушки играем. Все равно будем гнать план и ныть, что не дают самостоятельности». Но будущее было чистым листом бумаги, и они чертили на нем линию своей жизни. Чертили — в буквальном смысле. Все, как положено: абсцисса — ордината, взлеты — падения.

Бумажный этот лист Суйдо хранит. Звезды с неба он хватать не заторопится: всему свое время. Кроме того, есть дела поважнее: спрос на воротники, шапки и шубы; качество песцовых и прочих шкур; мода на меха... Каждый рабочий день электричка возит его в Таллин — час туда, час назад. Дорогой можно вздремнуть, почитать, поразмышлять. А что, ему всего лишь двадцать пять, и маршалский жезл при нем, в скромненьком «дипломате». Карьера продолжается — только для Саарметса это не бег к должности, а жизненный путь, поприще. И лунные километры поэтому — не пыль воспоминаний. С них-то все и началось.

Леонид МИНДЛИН

Я хотела бы узнать, есть ли вузы, готовящие военных юристов? Если есть, то сможет ли девушка окончить этот вуз?

Елена Пукита,

Вологодская область

Специальность военного юриста можно получить в Военном институте Министерства обороны СССР (109033, г. Москва, Ж-33, ул. Волочаевская, 3/4).

В этот институт принимаются военнослужащие срочной и сверхсрочной службы, лица, отслужившие в рядах Советской Армии, а также выпускники средних школ, имеющие стаж работы не менее года.

Прием девушек в Военный институт ограничен. Однако это вовсе не означает, что девушки в принципе не имеют возможности стать военным юристом. Выпускникам юридических институтов или юрфаков университетов нередко предлагают работу в прокуратуре, судах и следственных органах Вооруженных Сил.

Не могли бы вы указать училища, где можно получить профессию реставратора или близкую ей?

И. Завадская,
Витебская область;
Т. Дмитриева,
г. Махачкала

Профессию эту никак нельзя назвать «массовой», поэтому, естественно и училищ, в которых готовят реставраторов, не так уж много, и набор в них невелик. Специальность «реставратор памятников деревянного зодчества, произведений из дерева» есть в СПТУ-49 и 88 Москвы. В СПТУ-14 Еревана готовят реставраторов керамических изделий; реставраторов по металлу, по живописи, по дереву; реставраторов-камнетесов.

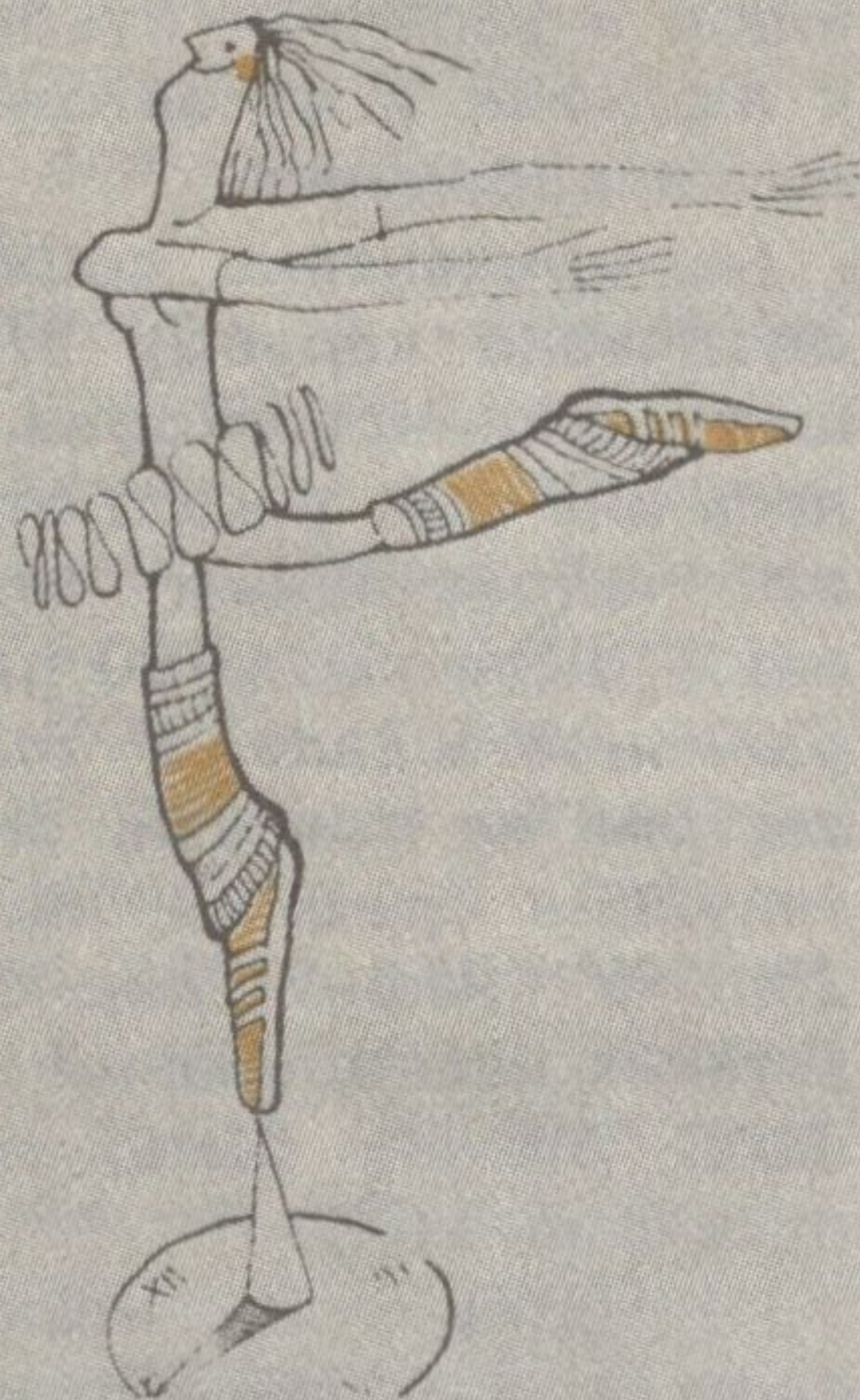
Аналогичные специальности есть в СПТУ-26 Ленинграда, СПТУ-11, СПТУ-18 Тбилиси и некоторых других училищах страны.

Кроме того, реставраторами могут работать художники росписи по дереву, резчики по дереву — инкрустаторщики (их готовят в СПТУ-15 Владимира), художники росписи по эмали, резчики по камню (СПТУ-58 Перми), живописцы (СПТУ-126 Гомеля и СПТУ-15 Бобруйска).

Мне 18 лет. Работаю танцовщицей в ритм-балете эстрадной группы. Хореографического образования у меня нет. Но я бы хотела его получить, как говорится, без отрыва от производства. Реально ли это?

Елена Книжник,
г. Махачкала

Нет, нереально. Больше того, и на очное отделение вы опоздали уже как минимум на восемь лет: в хореографические училища принимают десятилетних девочек и мальчиков.

Заочное отделение, на котором готовят режиссеров балета, есть в Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и в ГИТИСе имени А. В. Луначарского. Принимают туда — по направлениям профессиональных хореографических коллективов — танцовщиков, имеющих не менее трех лет стажа работы в балетном театре или эстрадном коллективе.

Эта же специальность есть практически во всех институтах культуры. Однако там готовят режиссеров балета для самодельных балетных и танцевальных коллективов.

— Кавичку! — певуче спрашивает сестра Филомена Юрикова, и я, заметив про себя, что, верно, дежурства у коллег менее напряженные, уверенно отвечаю:

— Ано!

Второй день в Братиславе — и такие успехи в словацком: «кавичка» — кофе, «ано» — да. Приятно чувствовать себя человеком не без способностей.

Специального телефона доверия для подростков в Чехословакии нет. Приходится пользоваться городскими «линками доверия» — линиями доверия. Доктор Марта Айбекова, которая дежурит сегодня вместе с сестрой Юриковой, говорит, что после обеда, когда кончаются занятия в школах, линия приобретает молодежную специализацию: редкий взрослый пробьется сквозь «школьный» шквал.

Отчет о командировке психолога - консультанта редакционного телефона доверия Андрея Антоновича МАКСИМОВА в Братиславу.

— Неужели у ваших ребят столько проблем?

— Скорее, переизбыток чувства юмора. Вы не поверите: до двадцати звонков-розыгрышей за дежурство! В них, правда, тоже бывает свой резон: если тринадцатилетняя школьница «шутит» со мной о несуществующей беременности, стараюсь «проиграть» с ней все возможные ситуации. Кто знает, будет ли ей до шуток и до звонков завтра? Ну, а есть, конечно, просто глупые розыгрыши, отнимающие драгоценное время у других абонентов, действительно нуждающихся в помощи психолога. А с «Трубкой мира» разве не балуются!

— За последние полтора года вроде ни одного пустого звонка.

— Да-а, у вас дела серьезнее...

В прошлом году абоненты братиславской «линии доверия» в возрасте от 15 до 24 лет составили 31 процент обращений — 435 человек, что на 123 абонента меньше, чем у «Трубки мира» за то же время. Эти две группы вполне подходят для сравнения общих и специфических проблем словацких и наших ребят и девушек.

Первое место в обеих группах — любовные переживания. Что ж, это проблема всех времен и народов.

На втором месте «линка» фиксирует трудности школьной жизни, а «Трубка мира» — конфликты с родителями. Думаю, так получается не потому, что словацкая школа хуже нашей, а потому, что их семьи — в чем-то лучше. Я не мог детально изучить этот вопрос, но серьезные выводы напрашиваются сами собой. Ни разу за десять дней не довелось услышать окрика или хотя бы несдержанной интонации, адресованной ребенку. Детям разрешают ходить по клумбам и по лужам, подпускают к собакам и к чужим мотоциклам. Не обращают внимания на вредничанья и капризы, считая их болезнями роста (и они действительно проходят «незамеченными» самими

емов общения сквозь поколения...

Четвертая по значимости проблема «линки» — нежелательная ранняя беременность. Это стало для меня неожиданностью, ведь в Чехословакии проблемы половой жизни открыто обсуждаются уже третье десятилетие. Однако, как оказывается, информированность — это необходимое, но не достаточное условие практического «владения вопросом».

— Нужно еще, чтобы у подростка было воспитано чувство ответственности за своего партнера и за свое собственное здоровье, — считает сестра Юрикова. — А пока получается, что заранее «теорией» интересуются те, кто вступает в половую жизнь в 20 лет и старше. А те, кто помладше, обращаются за советами уже в критическом положении.

обратиться в Дом малютки. У нас это не только детдом для грудничков, но и пансионат для незамужних матерей, не имеющих нормальных бытовых условий. Женщина может поселиться там за месяц до рождения ребенка, а в случаях, как с Петрой, — раньше, жить до тех пор, пока есть грудное молоко или до исполнения младенцу шести месяцев. Родители Петры приехали за ней, когда Душанку исполнилось четыре месяца. Теперь души не чают во внуке!

За те полтора часа, пока школьники еще были на занятиях, по «линке» позвонили пятеро:

1. Студентка консерватории оказалась в изоляции из-за того, что всегда говорит правду, невзирая на лица.

2. Пожилая женщина беспокоилась о своем 34-летнем сыне,

детьми). Детям, насколько я заметил, запрещены только три вещи: электроприборы, лекарства и спички. Ножи? Нет, ножи не под запретом, они на столах уже в детских садиках. Не запрещать, а помогать — вот стиль отношения родителей к детям в словацкой семье. Он здорово срабатывает в «переходном» возрасте, хотя требует от родителей изобретательности и терпения. Скажем, помочь подростку не курить гораздо труднее, чем запретить брать в рот сигарету. Труднее, но лучше для морального здоровья семьи, общего взаимопонимания.

— Эти бы слова да нашим предкам в уши! — прокомментировала мои педагогические заметки шестнадцатилетняя минчанка Татьяна. Я же, зная, что взрослых людей перевоспитать очень трудно, адресую приемы словацкого семейного воспитания именно Татьяне и ее сверстникам, — чтобы они смогли себя подготовить к предстоящей роли родителей. Увы, страдая от волюнтаризма пап и мам, многие впоследствии «отыгрываются» на своих детях, неся эстафету запрещенных при-

Кстати замечу, что самое популярное в ЧССР противозачаточное средство — презервативы. Их продают не в аптеках, а во всех магазинах хозяйственных товаров, подчеркивая этим их законное место в домашнем обиходе.

На пятом месте у «линки» — трудности общения в коллективе сверстников. На шестом — нарко- и токсикомания...

Время нашего совместного дежурства с доктором Айбековой и сестрой Юриковой подошло к концу. Их, психолога и социолога, пришел сменить врач-сексопатолог. Завтра и послезавтра у телефона будут дежурить психиатр и юрист.

Позавидовал я тому, что у доктора Марты Айбековой есть Счастливый абонент. (Я его звонка жду не дождусь уже два года).

— Мой Счастливый абонент — пятнадцатилетняя Петра. Год назад ее родителям открылось, что дочь на пятом месяце беременности, и они выгнали Петру из дому. Отец будущего ребенка исчез с горизонта... Петра позвонила по «линке доверю» из автомата у моста через Дунай... Мне удалось уговорить ее

отце двоих детей, собравшемся разводиться из-за увлечения молодой незамужней особой.

3. Семиклассница вчера получила по химии и пению «пятки» (5 — низшая оценка в словацкой школе), не ночевала дома.

4. Отец 27-летней женщины, овдовевшей год назад, обеспокоен ее угнетенным состоянием.

5. 23-летний юноша опасается, что для его невесты главный стимул брака — начальственное положение будущего свекра, а не личные качества самого жениха.

Обратил внимание на то, что два звонка из пяти — от родителей. Для сравнения — за два года существования «Трубки мира» к нам позвонили всего шесть мам и трое пап.

**Андрей Антонович
МАКСИМОВ,
психолог-консультант
«Паруса»**

Напоминаем, что редакционный телефон доверия работает по понедельникам (кроме праздников) с 17.00 до 20.00. Номер: 20-41-30

«ЛИНКА ДОВЕРУ»

Афганистан: афганские события как будто близятся к концу. Завершится вывод наших войск, и все, что девять лет стояло для нас за этим словом, вроде бы отойдет в историю.

Но эти заметки — не исторические.

И не только потому, что написаны они по личным впечатлениям от двухнедельного пребывания в стране и, следовательно, на многое не претендуют. И не по той очевидной причине, что рано нам и не время со спокойствием постороннего подводить некие умозрительные итоги военного десятилетия. Заметки эти — репортаж, а не исследование; не взвешенный обзор событий, а пристрастный и беглый взгляд, потому что с выводом наших войск ничего на самом деле не кончилось, не кончится, не отойдет, не станет...

Будут терзающие страну противоречия, останется борьба,

поиски компромисса, примирение вчерашних врагов и новые вспышки непримиримости. Думать, что с вводом наших войск в Афганистане «все» началось, а с их выводом «все» закончится, значит, впасть в грех самомнения. Я в Афганистане слышал однажды замечание с таким примерно смыслом: пишете, мол, о наших ребятах, о тех, кто здесь ежедневно рискует, кто подрывается, гибнет, получает увечья, тащит на себе тяжелейший воз войны, а о местных, о самих афганцах, не обязательно, это, мол, не наша забота.

Мысль об уважении к нашим ребятам ясна, однако в замечании, на коротком отрезке фразы от «ребят» до «афганцев», уместилось противоречие, которое может быть, хотя и не самым очевидным образом, но совершенно реально, снимало уважение к «ребятам». Потому что это уважение, если оно сознательное, уже само в себе включает

интерес к афганской стране, к ее людям, к тому, как, с кем, во имя чего и кого воюют наши ребята. Без этого и уважение, и самоуважение вряд ли возможны. И недаром в Союзе, когда я вернулся из командировки, любой, самый случайный, собеседник, узнавший, откуда я вернулся, неизменно после общего «ну, как там?» спрашивал: «как там к нам относятся!»

Увы, двух недель, проведенных в разъятой противоречиями стране, чудовищно мало для того, чтобы иметь право на категорические умозаключения. У меня самого вопросов больше, чем ответов. Именно потому я и начал с предупреждения: эти заметки, где вперемишку все, что видел, и многое из того, что слышал, где и про наших, и про афганцев, и про настоящее, и про будущее, и про прошлое, эти заметки — не исследование, не итог, а повод для размышлений.

линия огня

АФГАНИСТАН, АФГАНИСТАН,

В ШТАБЕ СОВЕТСКОГО КОНТИНГЕНТА

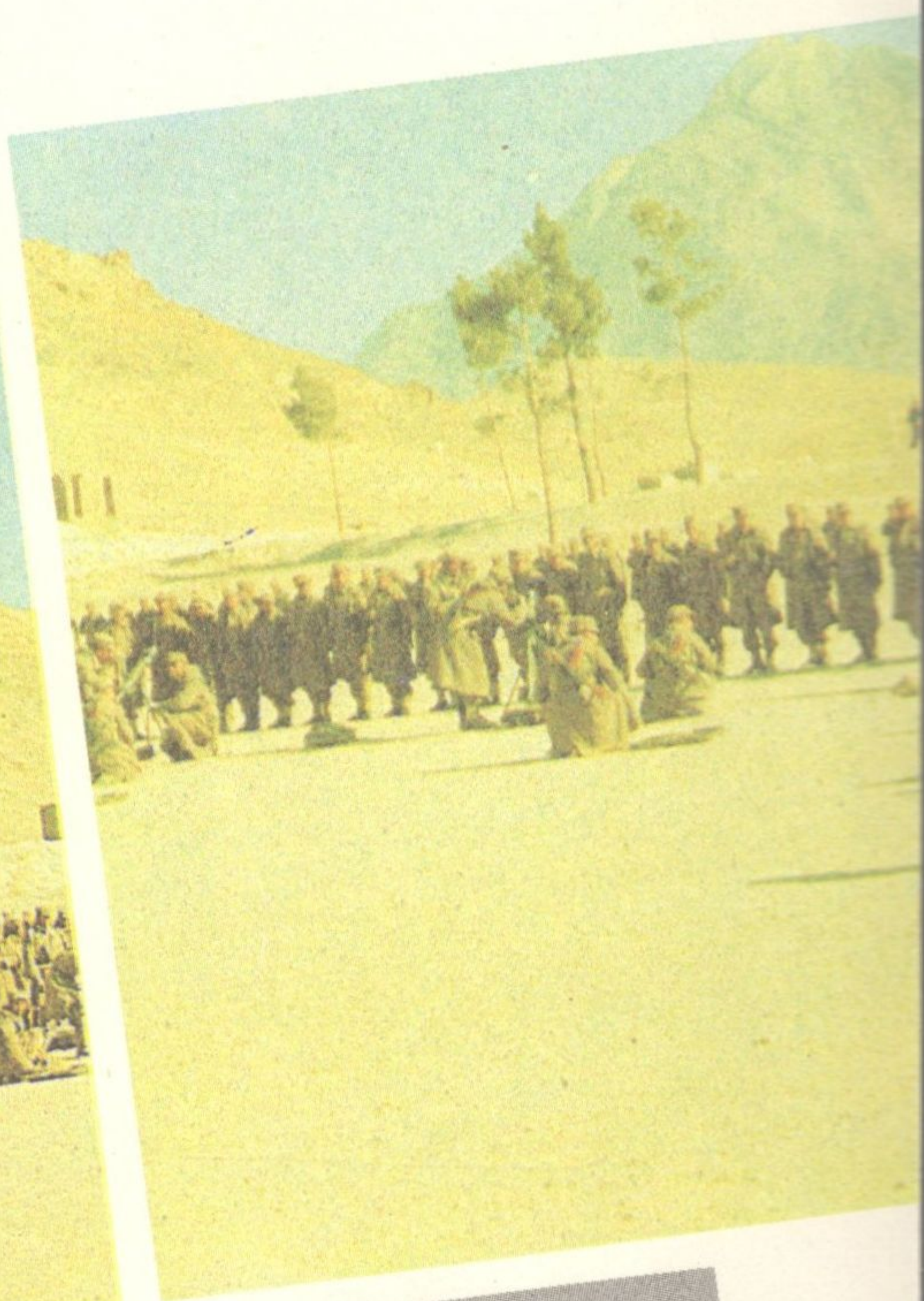
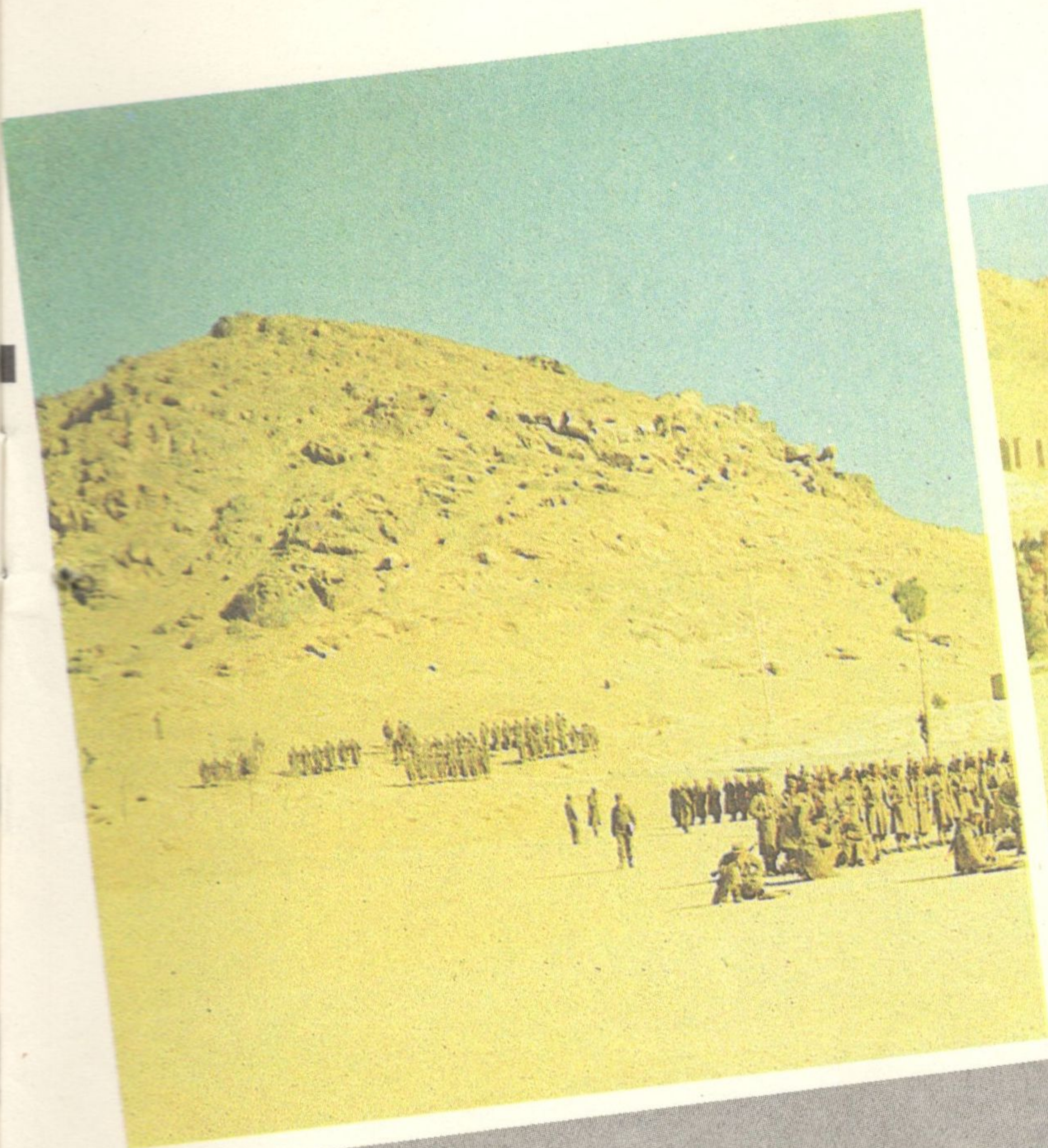
Я оказался в Афганистане с группой журналистов из тридцати человек. В группу попали работники местных и республиканских газет, студий телевидения, представители центральной прессы. Поездку такого отряда пишущих и снимающих Центральный Комитет ВЛКСМ организовал впервые, это был ответ на многочисленные просьбы журналистов. Знаю, например, что Нина Чайка, тележурналистка из Минска, искала возможность побывать в Афганистане в течение нескольких лет. Ее сын (Нина с вызовом говорит везде и всюду: «Мой ребенок») отслужил там в десантной части полный

срок, награжден двумя орденами Красной Звезды. И с тех пор, с того самого дня, когда Нина Чайка узнала, что сын в Афганистане, когда сердце стиснулось страхом и начался отсчет ожидания, с тех пор и навсегда Афганистан стал ее личной болью. И после того, как сын вернулся и Нина с новой остротой переживала все, казалось бы, уже пережитое, переживала теперь в незнакомых чертах, интонациях своего «ребенка», в ночных кошмарах, в пронзительных, со слезами, встречах с боевыми товарищами, эта боль не утихла. Интерес общественный, выразителем которого журналист становится в силу профессии, тесно переплетается с личным у Селги

Аматы, журналистки из Риги, сын которой заканчивал десятый класс и подходил к тому рубежу, на котором он из призывника должен был стать солдатом. Многие из нас писали об Афганистане, встречались с прошедшими войну парнями. Для каждого из тридцати участников поездки командировка в эту страну была событием не рядовым.

До войны мы не доехали, не доехали тот небольшой, не четко обозначенный остаток пути, который отделяет тыл, даже армейский, от передовой; на войне мы не были, были около.

Военные, которые принимали нас в Афганистане, оказались в положении довольно противо-

АФГАНИСТАН...

Валентин МАСЛЮКОВ
Фото автора

речивом. Понятно было их стремление благополучно возвратиться всех на Родину, а значит, не пустить далеко, повезти туда, где потише. Тем более, что стремление это подкреплялось совершенно недвусмысленными указаниями начальства. Однако военные — люди, для которых Афганистан значит намного больше, чем очередное место службы, — нуждались в журналистах как в свидетелях, посредниках со всем мирным, гражданским Союзом, оставшимся «за рекой». И чем дальше человек отстоял от начальства, тем заметнее в нем была готовность поделиться с тобой не только воспоминаниями, но и собственным риском. Готовность, основанная на

очень простой, хотя, может быть, как раз в силу своей предельной очевидности не всегда осознаваемой истине: жизнь военного, солдата или офицера ничуть, ни на гран не дешевле, чем жизнь гражданского. Если страна прислала сюда с автоматом в руках вчерашнего школьника, то приехавший, чтобы рассказать об этом вчерашнем школьнике, журналист должен быть с ним на равных и в опасности, и в безопасности; хотя бы временно, хотя бы на те несколько дней, пока он здесь. В противном случае есть в их взаимном положении и во всей общественной ситуации что-то изначально ущербное.

Однако военные на то и воен-

ные, чтобы выполнять приказания: что бы ни думал и как бы ни относился к нам тот конкретный офицер, с которым сводили нас случай и заранее разработанная программа поездки, лично он сделать ничего не мог, дальше штабов и полупустых казарм с трафаретной табличкой на дверях «рота на боевых» нас не пустили.

Вскоре по приезде в Кабул журналистов приняли в штабе контингента советских войск в Афганистане. Энергичный, едва еще только начинающий сесть генерал рассказывал, что такое Афганистан в его жизни. Собственно, говорил он о молодых ребятах, «границы характера которых сияют великолепием»,

сравнивал нынешнее поколение с поколением воевавших в Великую Отечественную войну, но из всего повествования со множеством отступлений, с эпизодами, каждый из которых заслуживал отдельного рассказа, вырисовывался все-таки характер самого генерала, то его восприятие происходящего, которое он хотел передать нам. «Я здесь в ребят просто влюблен. Больше, чем влюблен был первый раз в девушку», — говорил генерал.

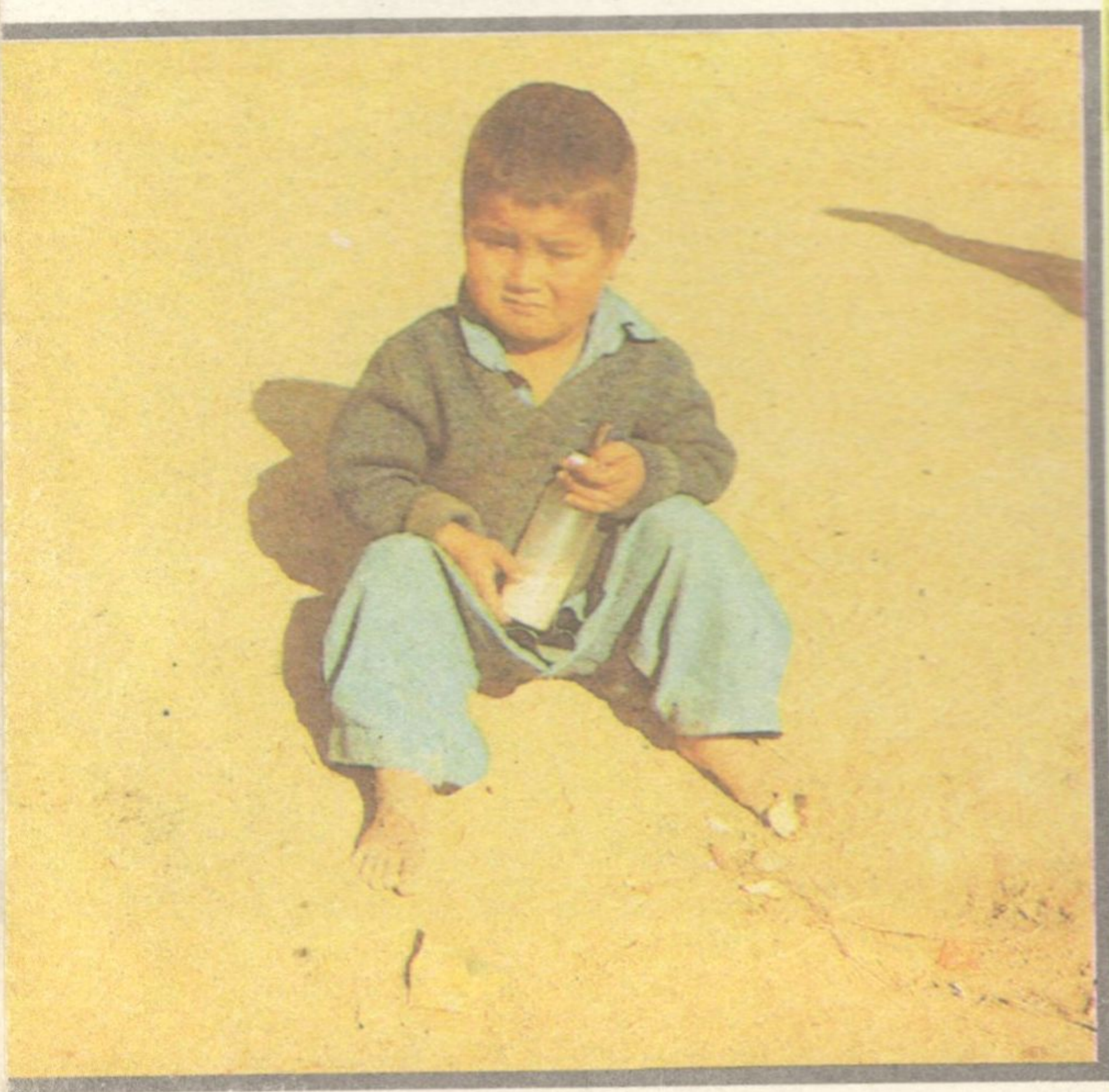
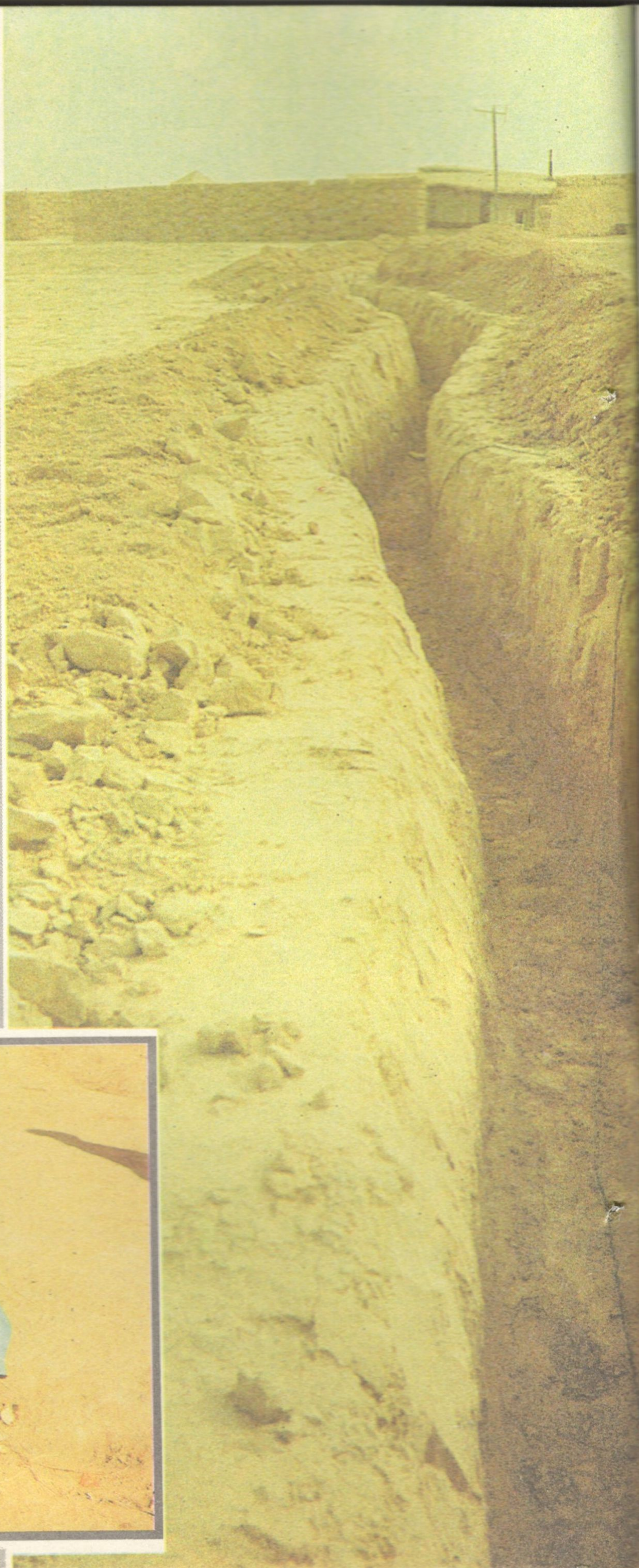
Есть в горах выносная застава «Эдельвейс», высота четыре тысячи метров. Попасть туда трудно, а зимой иначе как вертолетом невозможно. Время там измеряется поэтому «вертолетами»: два вертолета назад, к следующему вертолету. Неделями ребята начисто отрезаны от внешнего мира. Весной, когда началось таяние, парень пошел вниз по тропинке и подорвался. Оказалось, что тропа по слою снега проходила над минным полем.

Подорвался — это значит, что парню оторвало ногу, ступню. Раздробило кость, клочьями порвало плоть, на грязный снег хлынула кровь. Брошенный взрывом, он лежал, товарищи бежали на помощь... Что сказал парень, когда овладел собой после мгновенного страшного потрясения? «Помогите»? «Сюда»?

Он крикнул или прошептал: «Ко мне не подходите. Мины. Сам выползу».

Вот и вся история. Про мгновение, изменившее жизнь человека, и про слово, которое не было сказано. Фамилии парня генерал не вспомнил.

Другая история. Тоже короткая, и тоже без фамилии. Транспортная колонна угодила под обстрел. Вспыхнул от попадания

КамАЗ с боеприпасами. Все, что оказалось в остановившейся колонне спереди и сзади, кто видел, что произошло, разбежались, расползлись по укрытиям, не в силах оторвать от земли пачку: сейчас рванет! Сейчас, в следующую секунду — в любой момент, нельзя уже подняться. И вдруг бежит, не пригибаясь, сержант, вскочил в кабину горющей машины. КамАЗ тронулся с места, через кювет вывернул в сторону, пошел по рытвинам в поле и тут, качнувшись, заехал в канаву. Все кричат: беги, беги! Человек выскочил из охваченной дымом кабины. Беги! — с азартом и страхом кричит теперь каждый, не сознавая, что человек у горящей машины не слышит.

«Один шанс из миллиона», — шепчет генерал.

Сержант вскарабкался в кузов и, мелькая в гари и языках пламени, стал растаскивать ящики с боеприпасами, сваливать их на землю.

Машина не взорвалась.

А вчера, продолжал генерал, над Баграмом сбили «стингером» транспортный самолет Ан-26. Пять человек выпрыгнули, а шестой, командир, давая время остальным, удерживал самолет в воздухе, сколько мог. Разбился.

Мы сидели за богатым банкетным столом, на котором не было разве что спиртного, а так — все. Генерал рассказывал, проголодавшийся народ понемногу откусывал и отпивал. Время от времени киношники врубали яркий свет, тихо жужжала камера, и тогда все переставали жевать.

Среди чашек и тарелок появлялись обычные листы бумаги с машиннописным текстом. Их читали, просматривали, молча, без комментариев, передавали друг другу и брали читать новые. К каждому листу была приколота фотография, иногда две.

Сверху написано: «Исламов Юрий Верикович», потом полстраницы плотного, с малым интервалом текста, и в самом низу большими буквами: «ВЫВОД. За личное мужество, проявленное при выполнении интернационального долга на территории ДРА, представлен к присвоению звания Героя Советского Союза (посмертно)». И две фотографии. На первой — довольно плохом любительском снимке — Исламов в десантной форме стоит перед одноэтажным зданием, возможно, казармой. Крепкий, широкоплечий парень. И, видно, с характером. Спокойный взгляд из-под чуть нахмуренных бровей.

А на втором снимке Исламов уже мертвый. Он лежит на носилках, голова вывернута набок, на брезент щекой, глаза закрыты, лицо в грязи и крови. Его еще можно узнать, еще угадывается сходство между тем, живым человеком на первой фотографии и этим — неживым, но выражение мертвого лица уже не принадлежит Исламову. Оно — никакое. Не осталось в нем ни предсмертной муки, ни мысли. И оттого, что лицо у погибшего безразлично застывшее, может быть, не так страшно и то, что у Исламова с телом: развороченный бок, обнаженная рваная плоть вперемешку с клочьями бушлата и свитера...

Другой лист. На нем написано: «Онищук Олег Петрович... представлен к присвоению звания Героя Советского Союза (посмертно)». И тоже две фотографии: живого человека и мертвого.

И еще лист, и еще, и еще — представлены к орденам посмертно. Подготовленное где-то в штабе сухое, предельно короткое сообщение.

«Старший лейтенант Онищук Олег Петрович, украинец, родился 12 августа 1961 года (где я был в это время? Помню, меня тогда занимало, что если перевернуть цифру 1961 вверх ногами, то получится то же самое. А Онищук тогда только появился на свет. Теперь конец 1987 года, и его уже нет. Мы не встретились с ним и никогда уже не сможем встретиться). ...Аттестован в 1987 году на должность командира роты... Отец двоих дочерей 1985 и 1987 года рождения... Пользовался авторитетом... Правильно строил отношения с личным составом... За непродолжительный срок с апреля 1987 года добился непревзойденного результата: из 11 боевых выходов 11 были результативными... Так, 16.07.1987 г. в районе 15 километров северо-восточнее населенного пункта Калат его группой уничтожено... захвачено... за что представлен к ордену Красного Знамени... Так, 31 октября 1987 года в районе восточнее населенного пункта Дури группа, которой он командовал, обнаружила караван из 3 машин и подбила 1 машину мятежников. На рассвете группа была обнаружена бандами мятежников общей численностью до 200 человек... В жестоком неравном бою, проявив образец мужества и героизма, сражаясь до последнего патрона, старший лейтенант Онищук О. П. подорвал себя гранатой, погиб смертью

героя, уничтожив при этом 7 мятежников...»

«Младший сержант Исламов Юрий Верикович родился 5.04.1968 г. (меня в этом году уже призвали в армию...), узбек... В составе разведгруппы ст. лейтенанта Онищука О. П. 31 октября 1987 г. участвовал в уничтожении машины мятежников с оружием и боеприпасами. На рассвете группа в составе 20 человек была окружена превосходящими силами противника... Когда кончились патроны, в жестокой рукопашной схватке взорвал себя и шестерых мятежников гранатой...»

«Рядовой Салахиев Эркин Искандерович, узбек, родился 6.05.1968 г. ...31.10.1987 в составе группы ст. лейтенанта Онищука ... израсходовав все боеприпасы и будучи тяжело раненным, отбивал атаки душманов гранатами. Лично уничтожил четырех мятежников. Был смертельно ранен взрывом мины...»

«Рядовой Алимов Рустам Турабович, узбек... 31 октября 1987 года действовал в составе резервной группы прикрытия и эвакуации. После высадки... группа попала под сильный обстрел мятежников. Заняв выгодную позицию, рядовой Алимов Р. Т. огнем из автомата и подствольного гранатомета уничтожил 5 мятежников, отвлек основные силы мятежников на себя и тем самым дал возможность основной группе обойти мятежников с флангов и уничтожить бандгруппу полностью. В жестоком бою рядовой Алимов Р. Т. был смертельно ранен, но не покинул поле боя...»

Мы сидели за банкетным столом, с застывшими лицами читали эти бумаги. И хотя стол был накрыт в Афганистане, в пригороде Кабула, а не в Москве, и где-то за тонкими деревянными стенами помещения время от времени негромко, едва ли не случайно ухала пушка — примерно как на стрельбище, в принципе ничего не менялось во взаимном положении тридцати гостей из Советского Союза и тех ребят, вчерашних школьников, которые в нескольких километрах от штабной столовой стояли на боевых постах. Бумага-посредник, рыхлая, сероватая бумага, которую в обиходе называют газетной, не могла передать драматизма событий, разыгравшихся два месяца назад неподалеку от населенного пункта Дури, как не могут передать его и чужие рассказы. Только личный

опыт научает нас СО-переживать и СО-чувствовать.

Генерал говорил: когда назначен он был в Афганистан, вылетел из Ташкента, и самолет на большой высоте пересек ту условную линию, которая на карте обозначает границу, из кабины вышел бортмеханик: «Товарищ полковник (генерал был тогда полковником), надо надеть парашют». Мне приходилось прыгать с парашютом, продолжал генерал, но ладошки в этот момент стали почему-то влажные... Первое время в Афганистане спал с пистолетом под подушкой...

Это начальное, самое отдаленное приближение к войне, о котором говорил генерал, мы, тридцать журналистов, уже испытали, когда в сопровождении хоровода боевых вертолетов селились в Кабульском аэропорту, когда нас встретили переводчики с автоматами на плече. Но это было именно приближение, не более того. Пропать, невообразимая пропять отделяла нас от Онищука, Исламова и других ребят. Мы были живые и продолжали жить, а они были мертвые.

ОБ ОПАСНОСТИ

В Советском Союзе ежегодно на дорогах народу гибло в десятки раз больше, чем в это время гибло наших солдат в Афганистане.

Легко прийти к ложному заключению, что пассажир легковушки где-нибудь на Садовом кольце в Москве подвергается примерно такой же опасности, как и парень, несущий службу на заставе у афганского города Файзабада. Это не так. Опасность имеет свойство накапливаться, исподволь возрастать, пока не образуется вдруг критическая масса. Само по себе пребывание в Афганистане еще не много значит. Можно два года играть в нештатном, но, тем не менее, вполне реальном оркестре при гарнизонном Доме офицеров и чувствовать себя пассажиром московского такси. Больше того: два водителя в одной и той же транспортной колонне на маршруте Хайратон — Пули-Хумри не находятся в равных условиях, если один из них везет картонные ящики с макаронами, а другой — цистерну с топливом. Но и два «наливника», следующие друг за другом в удушливых клубах пыли, подвергаются разной опасности, когда один везет солярку, а другой — бензин; такое химическое свойство топлива как способность к воспламенению, отличающаяся у солярки

и бензина, приобретает для водителей совсем не «химическое» значение. Тот, у кого за спиной отделенные тонкой сталью восемь тонн бензина, — на острие опасности и прекрасно об этом знает. Но и тут еще не предел для испытаний. Один бензовоз залит под горловину, а другому полной заливки не хватило, он полупустой, в цистерне образовалось пространство, заполненное парами бензина, а это — бочка с порохом. Первая же шальная пуля превратит машину и водителя в огненный факел.

Один парень, туркмен, который служил здесь в тяжелое время и в горячем месте, рассказывал потом, что совершенно был уверен в том, что не доживет до увольнения в запас. И лишь когда до возвращения домой осталось около двух месяцев, появилась надежда и с ней — страх. Парень этот храбро воевал, награжден орденом.

Солдат не имеет права избегать опасности. Там, где гражданский человек должен был бы проявить благоразумие, солдат как раз обязан выбирать ситуацию, в которой опасность неизмеримо возрастает. Одно дело — пойти с ротой на операцию, другое — остаться в это время в расположении части. Остаться всеми правдами и неправдами, симулировать болезнь и заболеть в самом деле.

Трудно представить, чтобы в многотысячном контингенте советских войск совсем не было трусов, дезертиров, тех, кто совершает самострел, членовредительство, чтобы не было подонков всякого толка. Они есть. Это факт, что когда открыли инфекционный госпиталь и заболевших перестали отправлять в Союз, количество заразных заболеваний в частях резко снизилось.

Мне рассказывали и такой эпизод. Группа десантников ночью в горах совершала переход. Противник был уже близко, шли тихо, в полной темноте, по опасной, теряющейся в скалах тропе, шли практически на ощупь. Договорились между собой: если кто сорвется в пропасть — падать молча... И вот, когда уже вышли в тыл к банде, один из группы закричал. Не в пропасть сорвался, а так, стоя на тропе, закричал вдруг благим матом — сдали нервы. Был какой-нибудь невнятный расчет уклониться от боя? Или не было расчета, ничего не было, только жуткий, неподконтрольный разуму страх?

В частях есть люди, которые из раза в раз не ходят

на операции, — их никто не хочет брать. Себе дороже.

И та доля опасности, которая должна быть разверстана поровну, перекладывается на плечи тех, кто уходит в горы. Едва ли не в самом прямом, арифметическом смысле добавляется к ноше в сорок-пятьдесят килограммов.

Война не воспитывает. Нельзя ожидать от такого бесчеловечного дела еще и воспитания. Война обнажает.

Всех в целом и каждого в отдельности. Тот, кто, умело поотиравшись возле больных гепатитом, оказался в госпитале с тяжелой, оставляющей на всю жизнь следы болезнью, на самом деле уже попал в Афганистан с вирусом и с вирусом его покинет. И тот, кто погиб, прикрывая отход товарищей, был готов к этому (не хочу сказать, был обречен!) задолго до того, как услышал слово «Афганистан».

Решает случай, а гибнут все равно лучшие.

В Афганистане многие носят в кармане два патрона — автоматный и пистолетный. Я сам видел, показывали. Это на безвыходный случай. Чтобы не расстрелять в бою все, не оказаться без последнего патрона...

Нет еще таких весов, чтобы точно и справедливо развесить каждому его долю опасности. Не арифметическая это вещь.

ПЕРЕЛЕТ КАБУЛ — КУНДУЗ

После двух дней в Кабуле мы разъезжались по гарнизонам, наша группа из пяти журналистов и работника ЦК ВЛКСМ вылетела в Кундуз. Всем выдали форму, которую носят в Афганистане и солдаты, и офицеры: куртку, брюки, кепку с длинным козырьком и очень удобный бушлат.

Мне достался еще и пистолет, а в нем магазин с восемью патронами. Ребята, комсомольские советники, работающие в Кабуле, показали, где носить — сзади под курткой, за брючным ремнем, и не велели расставаться с пистолетом ни при каких обстоятельствах. Больше советов не было.

До ночного полета оставалось несколько часов, в просторном номере гостиницы «Ариана» я принялся собирать вещи и время от времени перекладывал пистолет с места на место: совал его то в карман, то за ремень, то прятал под подушку на кровати. Оказалось, что это весьма неудобная штука, куда ни поло-

жя. Холодный, как завалившийся в сарае утюг, пистолет за ремнем стужил поясницу, тяжелый — оттягивал карман, а если же лежал под подушкой и ничем в себе не напоминал, каждые несколько минут приходилось проверять, на месте ли он. Вообще похоже было, что не пистолет при мне, а я при пистолете, забоченный главным образом тем, чтобы как-нибудь не утратить и не упустить из виду верное мне оружие.

Когда-то вороненый, пистолет прошел через многие руки, и стал по выпуклым местам побелевшим. Последний хозяин не очень о нем заботился — никаких следов сказки нигде не было, только застарелый налет пыли; но отработавшая, добротная сделанная конструкция действовала безотказно — все, что надо, шелкало, оттягивалось, спускалось, переставлялось на взвод. Почему-то это не вызывало у меня мальчишеского восторга.

Я вытащил магазин. Сжатая без просветов пружина, тупые тусклые патроны, плотно припущенные один к другому.

Пистолет означал возможность не только стрелять самому, но и возможность быть убитым. Я наверняка знал, что в случае чего первым не выстрелю. Каким бы смутным ни представлялось это «в случае чего», о котором ни слова не сказали мне те, кто вручил пистолет, «оно» будет внезапным и кровавым — для мысли, для разума места не останется. Даже если я успею понять, что стрелять надо, между побуждением и действием будет зазор, обязательно будет колебание, и каким бы малым ни был зазор, его хватит тому, у кого колебаний не будет, тому, кто давно переступил черту. Из пистолета стреляют в упор. Уж лучше автомат, он предполагает расстояние, свист пуль, которые летят куда-то мимо, поскольку считается, что противник стрелять не умеет, а ты умеешь, предполагает время, бой может идти часами, и сводит все к технической задаче, когда человека не видно, а только силуэт, мишень, поражение которой зависит от законов баллистики. На стрельбище или в тире не страшно...

За низкой оградой, освещенные со стороны гостиницы, ждали два бронетранспортера и микроавтобусы «Мерседес». Действовал комендантский час, улицы были совершенно пусты, окна, если в них горел свет, наглухо зашторены. Здесь центр города, двух- и трехэтажный, с редкими высотками, с чистыми особняками иностранных посольств в

глубине ухоженных парков. Трущобы, разросшиеся за время войны, когда население Кабула заметно увеличилось, занимали окраины, проникали языками сюда, к центру, расползались на многие километры, карабкались на головокружительную высоту в горы. Если бы там, где плотно лепились глухие дома с плоскими, покрытыми глиной крышами, везде было электричество, то сейчас бы над Кабулом стояло зарево. Но горы были покрыты мраком, и только высоко, на невидимой вершине, горел одинокий красный огонек — телевышка. Внизу, в центре города, вознесенный над крышами и хаотичными городскими огоньками, неподвижно стоял мощный столб зеленого пламени, это сиял неоновым минарет.

На бронетранспортере включили прожектор, луч, далеко вытягивая тени, пролегал вдоль пустой улицы, метнулся в сторону, выхватил черные прутья ограды, низкий уступ тротуара. Погас. Солдаты на броне молчали.

Наш кундузская группа выезжала последней. Афганский часовой у входа в гостиницу проводил отходящий БТР взглядом, подпернул автомат на плече и прислонился к будке.

Дорога заняла минут десять. Между двумя проволочными заборами машины остановились. Здесь уже были несколько бронетранспортеров и газики, стояли военные в бушлатах с меховыми воротниками. Со стороны аэродрома доносился гул работающих турбин.

Тут кто-то кого-то встречал, кто-то сам ждал попутный «борт». Кундузский самолет вроде бы еще не прилетал; он должен был разгрузиться и сразу же улететь, его тоже ждали.

Среди народа в бушлатах и кепи с длинными козырьками одиноко смотрелся офицер в повседневной шинели с широкими погонами. Офицер объяснил, что он только что из Союза, из Ташкента, после отпуска. Разговорились легко, без вступлений, без предварительного знакомства.

— Столько журналистов — это связано как-то с выводом наших войск? Нет?.. Забывают в Союзе эту войну. Лет пять назад, если привозили в какой-нибудь российский городок погибшего, весь город знал, теперь все незаметно. Свыклись...

Сказал и задумался. Наверное, уже не о том, что оставил дома, а о том, что впереди.

Гул за оградой усиливался и слабел, ненадолго вспыхнули на взлетной полосе фары. Самолеты

садились и взлетали, невидимые на чистом, покрытом звездами небе. Не видны были и горы, они угадывались только по особой, темнее ночи, ломаной черноте у горизонта. Где-то там, между небом и землей, слабо мерцал красный огонек. Кто-то сказал:

— Душманы костер жгут.

Помолчали.

У входа на летное поле стоял часовой; в темной надвинутой каске и бронежилете он казался широким и тяжелым. Изредка переступал с ноги на ногу, поворачивался и снова пребывал в неподвижности. С поля прошла группа военных, за колючей проволокой медленно перемещался силуэт ан-двадцатьшестого. Это наш. Нам лететь.

Мы толпой проходим к самолету и останавливаемся у опущенного трапа. Чрево транспортника, освещенное изнутри синим медицинским светом, широко раскрыто. Вдоль бортов две длинные металлические скамьи, на них навалены парашюты. Посреди прохода составлен багаж. Его пока еще мало. На входе, под маленьким светильником в потолке, стоя, бортмеханик записывает фамилии. Последними вносят в список нас — баграмскую и кундузскую группы журналистов. Все. Обе скамьи заняты, бортмеханик помогает надевать парашюты, через раскрытую дверь в пилотскую кабину видны мерцающие созвездия приборов, слабый красноватый цвет проявляет в пространстве неестественно гладкую и круглую голову летчика в шлеме. Голова неподвижна.

— Скажите, этот самолет уже сбивали? — вежливо спрашивает Амиран, телеоператор из Грузии. Он ощупывает на груди сложный запор парашютных ремней.

Летчик, к которому обращен вопрос, молча протискивается по проходу. Летчик не только не отвечает, но даже и не слышит вопроса. Добравшись до кабины, он плотно прикрывает за собой дверь: глухая серая переборка.

— Здесь так не шутят, — негромко говорит офицер рядом со мной.

Среди общего молчания загудели электромоторы, трап пошел вверх и плавно закрыл окоем. Пространство сомкнулось.

— В случае непредвиденных обстоятельств, — без выражения сказал бортмеханик, — люк открывается, первым покидает самолет левый борт, потом правый. Встать сюда, — он притопнул ногой, показывая место на краю трапа, — и дернуть за кольцо.

Военные слушали дежурный

инструктаж равнодушно, вполуха, все сказанное и, в большей мере, не сказанное бортмехаником они знали. И те, кто летел впервые, журналисты, тоже знали, но сейчас нашего предварительного знания казалось недостаточно, а инструктаж получился вдруг неоправданно коротким, урезанным до утраты самых существенных деталей.

В том ряду, что должен был «после открытия люка» покидать самолет первым, у пилотской кабины сидела женщина из «Комсомольской правды», которая, как можно было догадаться, понимала еще меньше нас, поскольку от подготовки в Москве уклонилась. Неясно было, знает ли она вообще, где находится кольцо и как оно выглядит. Мы принялись вразнобой объяснять: «Вот за эту вот штуку нужно будет вот в эту сторону вот так вот дернуть...» Журналистка слушала с напряженным вниманием.

— Ничего,— пробормотал мой сосед, тот офицер, что был против шуток Амираана,— все равно все выпрыгнуть не успеем.

Журналистка, пожалуй, не слышала. Но я-то слышал. Наставления мои скомкались. Я объяснил еще, что парашют может захлестнуть за хвостовое оперение, и что нужно делать, чтобы не захлестнуло, но ничего не сказал уже о том, что стропы парашюта очень крепкие, выдерживают какое-то там громадное усилие на разрыв, а скорость столкновения парашютиста с землей составляет столько-то метров в секунду...

Между тем, самолет, мягко подрагивая, катил по аэродромному полю. Погас свет, и все примолкли.

И вот, значит, мы уже в воздухе: пол ушел из-под ног, накренился, как в аттракционе, на гладкой скамье не удержаться, я тщетно нашаривал вокруг себя опору и безнадежно падал на соседа. Сосед молчал.

Самолет, опасно завалившись на крыло, завис в одном бесконечном вираже и натужно, изо всех сил, ревел турбинами. Мы кружили на месте, поднимаясь по одной крутой спирали до высоты в десять тысяч метров, на которой могли уже не опасться «стингеров».

Темнота, продолжительное молчание в заваливающемся набок самолете кажутся мне наполненными каким-то особым, гнетущим смыслом.

Я ощущаю на груди кольцо, пистолет в особом кармане бушлата, запор парашютных ремней — ничего не расстегнулось.

Хотя про запор наверняка сказать нельзя, в Москве был не такой, а разобраться с этим в суматохе не успел. Если прыгать, то как потом отцепиться? Потащит, пожалуй, по земле. И хорошо еще, если не скалы... А сумку придется бросить, когда ракета попадет, тут все вверх дном будет, не до сумки... Дурацкая мысль про сумку, глупая и шкурная,— это я понимаю, но отвязаться не могу. Под баюкающе равномерный гул турбин я представляю себе, где примерно находится моя сумка и можно ли будет все-таки нащупать ее по дороге к разверстому грузовому люку... Всех высосет на вход, посыплемся вперемешку. Ветер ворвется под одежду, сразу же окоченеют руки... Где земля, откуда звезды... давящий, захлестывающий дыхание ветер... Сначала большим пальцем предохранитель, потом затвор. Сразу, одним движением. Восемь патронов. Не надо торопиться, думаю я сонно. Хорошо, если собьют на высоте. Тысячи три бы так. Тогда успеем... Зато я тепло оделся. В горах холодно. Прямо в снег...

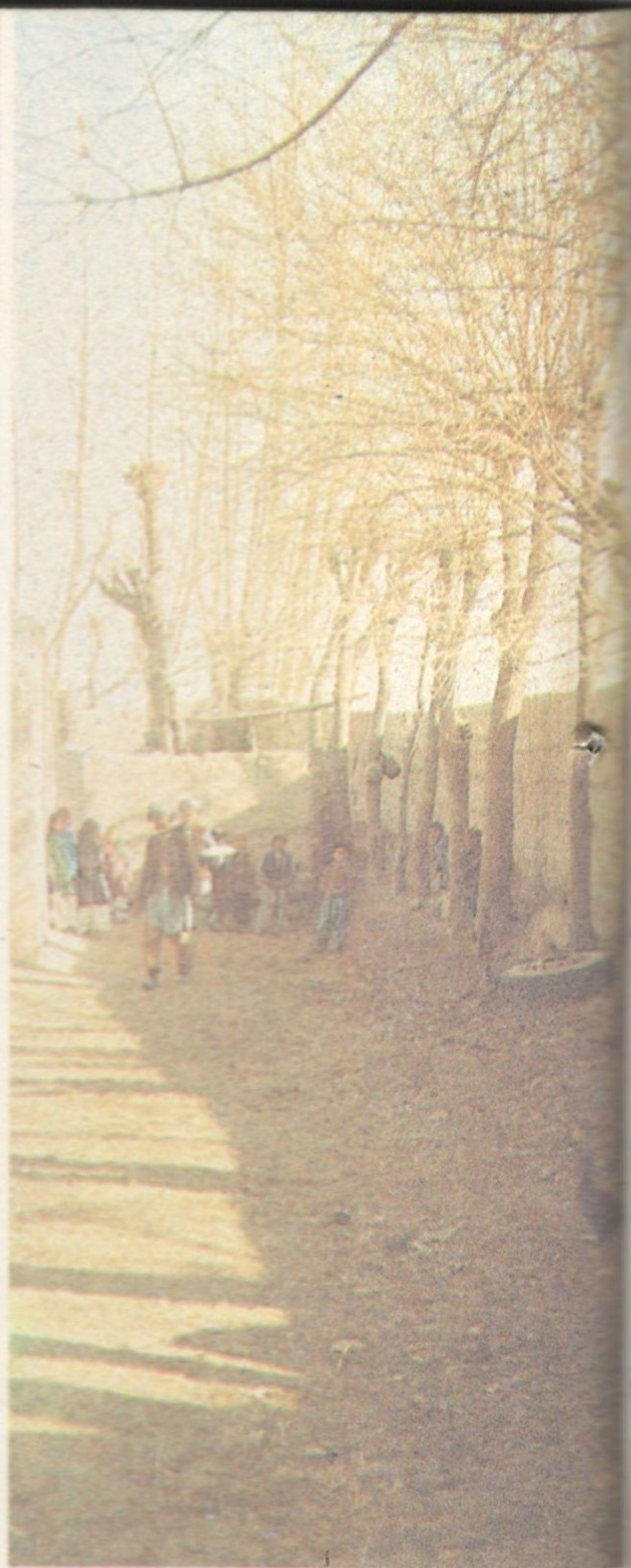
Кажется, я и в самом деле сплю.

ОБСТРЕЛ КУНДУЗА

Накануне нашего прилета душманы (в декабре прошлого года это слово употреблялось в Афганистане повсеместно) обстреляли город. 8 ракет. 13 убитых, 32 раненых. Все местные жители.

Зачем? Ракета не выбирает — сторонник оппозиции или член НДПА, взрослый или ребенок, дукандор (то есть лавочник) или солдат. Ведь не советский гарнизон, не афганскую часть обстреляли — город. Прямо по центру, куда попадет. В центр и попало.

Правда, за несколько дней до обстрела Кундуз о нем уже знал. Душманы призвали правоверных покинуть город, лавочников закрыть дуканы. Покидать город никто, конечно, всерьез не собирался — куда пойдут 50 или 70 тысяч его жителей? Но некоторые лавки действительно закрылись. Потом, по настоянию властей, снова открылись — без дуканов жизнь замрет. Отчасти расчет на это и был: на нервозность, разлад городского хозяйства. Но не только на это. Вряд ли организаторов нападения устроил бы столь малоосязаемый результат, как нервозность в стане противника. Война в Афганистане, несмотря на всю сложность раздирающих страну противоречий, давно приняла устоявшиеся формы. Длившаяся восемь лет война стала образом жизни и

способом существования. Война, мощным прессом наложившая отпечаток на все афганское общество, приобрела свои собственные, уродливые интересы. Война стала выгодна. Она создала свою собственную, существующую только за счет войны экономику. И обстрел Кундуза за день до нашего прилета был не просто диверсией, но еще и деловым предприятием с точно рассчитанным пассивом и активом. В пассив поступили 34 убитых муджахедина, которые на своей ракетной позиции были накрыты ответным огнем советской артиллерии: в тот же день имелись данные радиоперехвата — «...шурави (советские) нам крепко дали. Отходим». В актив же попали не те несколько десятков афганцев, которые пострадали в Кундузе,— нет, те вообще ни при чем, не актив и не пассив, их жизни вообще не принима-

лись во внимание, как самая несущественная часть операции. В актив должны были поступить деньги.

Не в том примитивном смысле, что за каждого убитого ребенка американцы заплатят наличными. В Афганистане никто не воюет против народа. Муджахедины (то есть «борцы за веру», так называют себя сторонники вооруженной оппозиции) утверждают: за народ. Национально-демократическая партия Афганистана — за народ. И советские части помогали афганскому народу в борьбе против его врагов.

Так что руководители той исламской партии, отряд которой обстрелял Кундуз, получают деньги не за разрушение двух ветхих домов, а за активность вообще, и не сразу непосредственно после обстрела, а по совокупности. Когда дойдет дело до дележки 600 миллионов долларов, которые основные партии оппозиции получили в 1987 году только от США, маленькой галочкой будет отмечена и эта боевая акция. 34 погибших муджахедина тоже зачтутся — большие потери, значит, большие бои.

И уже пассив обернется активом, в дело пойдет все без остатка.

Желающих отсидеться в стороне от священной борьбы с неверными, довольствуясь только сбором налогов с подвластного населения, и так предостаточно. В декабре прошлого года по северу Афганистана, где расположен Кундуз, насчитывалось свыше 900 вооруженных групп оппозиции. Из них только 173 активных, таких то есть, которые воевали и тогда, когда их самих не трогали. В «активных» отрядах насчитывалось 10—12 тысяч человек. А в пересчете на весь Афганистан это будет тысяч 50. Немного. Невероятно мало, если представить себе весь размах и ожесточенность борьбы. И совершенно достаточно для бесконечного продолжения этой борьбы, если иметь ввиду, что 10—12 тысяч бойцов, приходящихся на несколько северных провинций, постоянно, без всякого перебоя и заминки, пополнялись обученными и вооруженными в пакистанских лагерях людьми, что вербовка шла практически во всех афганских кишлаках, и вчерашний солдат, два года воевавший против мятежников, вернувшись домой, мог на следующий день оказаться в банде: неповиновение — смерть.

— Здесь все продается и покупается, — сказал на встрече с журналистами командир рас-

положенной под Кундузом части. — Точнее, купить ничего нельзя, поскольку все уже продано. Перекупить можно.

И офицер по-военному коротко, не вдаваясь в малосущественные подробности, рассказал удивительную историю о том, что некоторое время назад он «заказал» (понятно, не для себя лично и не по личной инициативе) в одной из банд по сходной цене «стингер». Сходная цена составила миллион афгани, примерно столько мятежники получали за каждый сбитый самолет. Соглашение выгодное, поскольку не каждая ракета достигает цели, но почти каждый пуск связан с риском. (Зарплата квалифицированного рабочего 5—7 тысяч афгани в месяц). Означенный «стингер» полковник должен был получить недели через две — разумный срок, необходимый, чтобы оформить заказ и караванными тропами доставить товар с оптовых складов.

История о советском полковнике, заказавшем у душманов ракету, была самой поразительной из тех, которые пришлось услышать. Может быть, только потому, что она была первая. Потом без особого уже удивления я узнал, что с одной из «вооруженных групп оппозиции», контролирующей участок территории, по которому проходит трубопровод для снабжения советских частей горючим, заключен договор: хозяин территории получает двадцать тонн солянки в год, за что обязуется обеспечить охрану трубопровода в пределах своего маленького ханства. Сделка честно соблюдается. Я услышал, что восстание пуштунского племени против пакистанских властей прекратилось после того, как вождь племени был за большие деньги куплен. Я узнал, наконец, что в кабульских газетах опубликовано постановление Совета министров Республики Афганистан о порядке выкупа у отдельных граждан и организованных групп оружия любого рода. Можно продать государству крупнокалиберный пулемет, мины, ящики со снарядами, и никто не спросит, откуда все это...

Конечно, умопомрачительно легкий способ покончить с войной, скупив все оружие у противника, — это из области политической фантастики. Такое никому и в голову не приходило. Война — невероятное переплетение интересов огромного количества организаций, партий, общественных слоев, взаимное неприятие, ненависть, холодный расчет и убежденность, дохо-

дящая до фанатичной веры, надежда на победу и стремление к миру, кровная месть и способность забыть прошлое — весь этот клубок человеческих страстей никак не сводится к корысти. Но то, что корысть в самом обнаженном виде присутствовала во всех политических материях войны, не подлежит сомнению. Один американский эксперт, консерватор, в прошлом году высказал предположение, что лишь тридцать процентов помощи доходит до назначения, то есть до рядовых муджахединов, до поля боя; семьдесят процентов, сотни миллионов долларов, последовательно разворовываются на всех этапах от ЦРУ через пакистанских военных до исламских оппозиционных партий. Тридцать, не тридцать процентов — никто наверняка не скажет, руководители исламских партий налоговых деклараций не заполняют, несомненно только, что рядовые муджахедины получают остатки, и вот эти остатки в стране, валовый национальный продукт которой до революции составлял чуть более ста долларов на душу населения в год (!), становятся для вчерашнего крестьянина, ставшего теперь муджахедином, «борцом за веру», огромными деньгами, невозможными для него в мирной жизни. В любом случае он получает несравненно больше, чем солдат афганской армии, часто взрослый, женатый человек, которому нужно содержать детей, которого уже второй раз отрывают от дома, от семьи на два года. А горстка руководителей исламских партий, стоящих у самого устья денежной реки, в том месте, где можно регулировать сток, направляя его на общие поля или на свои огороды, разбогатела колоссально. К тому же за восемь лет войны руководители оппозиции превратились в крупнейших в мире производителей опиума и героина. В районах, контролируемых мятежниками, в огромных количествах производится опиум, который расползается потом по всему миру, возвращается в Нью-Йорк и Лондон, откуда в свою очередь поступают средства для поддержки этих мятежников. Вроде естественного кругооборота веществ в природе.

Похоже, устойчивое равновесие в делах, что в денежных, что в военных, вполне устраивало руководителей оппозиционных партий и потому приобретало в их глазах действительно естественный, не зависящий уже от воли человека, характер. То, что открывалось стороннему взгляду

как тупиковая ситуация, равновесное, истребительное противостояние вооруженных интересов, ситуация, для разрешения которой требовались смелая мысль и политическое мужество, лидерам непримиримых представлялось в виде некой самоходной машины для печатания денег.

Непримиримые исламские партии отвергли женеvские соглашения. Не только из-за денег. Но то, что женеvские соглашения, если они будут последовательно выполняться, лишают их колоссальных источников дохода, — это факт самоочевидный.

Политический интерес, то есть борьба за власть и за устройство афганского общества в соответствии со своими представлениями (еще в самом начале семидесятых годов, задолго до апрельской революции, люди Гульбедина Хекматиара, нынешнего руководителя альянса семи оппозиционных партий, брызгали кислотой в лицо женщинам, которые осмеливались появляться на людях без покрывала и стреляли им в ноги, если те носили чулки), этот политический интерес, разумеется, всегда был для лидеров непримиримых главным, стратегическим, однако в ходе затяжной войны власть оказалась для них прежде всего источником доходов.

Война не слишком повредила афганским лавочникам. Подвоз и вывоз не нарушился. В каком-нибудь придорожном дуكانе, в приспособленном под лавку металлическом контейнере, обложенном со всех сторон саманом и укрытом сверху неровным слоем глины толщиной в ладонь или две, можно было найти чудеса электроники, порожденные в стерильных цехах Тайваня или Сингапура (для большей убедительности все помечено универсальной маркой «мейд ин Джэпэн»), изготовленные уж невесть где «Русскую водку», джинсы-варенки и порнокассеты; разумеется, в этой же лавке можно было найти и множество самых необходимых, полезных, хотя и невероятно дорогих вещей.

За войну надо платить. Но платит не лавочник, а покупатель. За каждую лишнюю тысячу афгани, которую купец отдаст хозяевам караванных троп, владельцам перевалов, за дань, по-

ложенную главарям душманов, через земли которых проходит дорога, заплатит тот, кому понадобится доставленный из-за тридевяти земель кусок мыла. Ситуация, откровенно повторяющая те далекие от нас феодальные времена, когда, передвигаясь по стране, купец на каждом шагу спотыкался о таможенные заставы и выплачивал бесконечные «мыты», «головщины», «мостовщины» и «перевозы».

Свирепая война, раздробившая Афганистан на иногда крошечные, иногда обширные поместья и вотчины, образовавшая независимые княжества, такие как у Ахмад-шаха в Панджшере, не поколебала благосостояния дуكانщиков. Рискну даже предположить, что эта война в чем-то оказалась дуكانщикам выгодной, по крайней мере, тому тонкому слою лавочников, который сумел извлечь пользу от близкого соседства с новой категорией платежеспособных покупателей — советскими военнослужащими.

Один из трагических парадоксов как раз в том и заключается, что война, принесшая народу горе, породила свои собственные, ориентированные только на войну, интересы.

Известно, что в свое время афганское правительство предложило поставить контингент советских войск на местное снабжение. Мы отказались. Мы в Афганистане не брали ничего. Каждый гвоздь, картофелину (сухую), банку сока для советских частей, для самых отдаленных застав везли из Союза. Даже туда, где росли бананы и зрели апельсины, из Союза везли по осени яблоки. Тысячи и тысячи тонн различных грузов. Проводка колонн, обеспечение безопасности на дорогах стали самостоятельной боевой задачей. И все же фрукты в этой жаркой стране очень часто были для наших солдат недоступны. Оттого и появился достаточно известный в Афганистане сюжет: ре-

бята «на боевых» соблазнились, забрались в заброшенный сад набрать слив (груш, апельсинов), тут их душманы и накрыли...

Мы отказались от местного снабжения помимо других соображений еще и потому, что поставки для сотысячной армии означали бы образование обширного слоя мелких предпринимателей, кровно заинтересованных в том, чтобы наши войска оставались в стране как можно дольше.

Кто-то из военных обронил в разговоре фразу, неверную по существу, но характерную, сказал примерно так: здесь, кажется, никто не заинтересован в выводе советских войск, кроме нас самих.

...А после того обстрела Кундуза, который произошел накануне прилета нашей группы, в санчасть советского гарнизона привезли двух афганцев: подростка и мужчину. Я видел их в реанимационном отделении, за стеклянной перегородкой, отделяющей небольшое помещение сестер от палаты.

Скомканная простыня местами открывала темное тело обнаженного мужчины лет тридцати, он лежал, опутанный трубками, которые соединяли его жизнь с нутром угловатых медицинских аппаратов. Иногда мужчина постанывал и шевелился. Скованная бессилием рука в незаконченном движении, едва оторвавшись от постели, теряла цель и побуждение. Со страхом, с жалостью следил я за этими бес-

помощными попытками. Кажется, мужчина вот-вот овладеет своим разобщенным телом, сильно, отчаянно повернется и вырвет из себя змеящиеся трубки, которые удерживают его по эту сторону бытия. Лица же, которое одно только и могло придать осмысленность мучительной борьбе с самим собой, видно не было: сплошь замотанная бинтами голова являла собой нечто белое, закругленное, с черной прорезью там, где должен быть рот.

Сестра неожиданно громко и буднично, так, как если бы не принимала человека на койке в расчет, сказала:

— Спрашивает, есть ли у него глаз. Мы, конечно, говорим, что есть, есть... Но там уже ничего. Вычистили.

На соседней кровати неподвижно, в забытии лежал подросток.

По эту сторону перегородки лишнего пространства не было: на столе регистрационный журнал, приборы, рядом пристроили электролитку, на которой, очевидно, можно было и готовить. Понятный лишь специалисту порядок. И даже немного специального уюта. Словно бы здесь, в двух шагах от умирающих людей, за тонкой символической перегородкой из стекла, уют был возможен, словно можно было часами спокойно работать, разговаривать между собой и даже кипятить чай.

Потом я понял: сочувствие выражается тут не во вздохах, не в причитаниях, не в полубоморочных испугах при виде рваной раны с обломками костей, а в той спокойной деловитости, с которой работают.

Небогатого запаса афганских слов, которые выучили сестры отделения Лена, Наилья, Маша, вполне достаточно, чтобы выразить то, что становится самым существенным, единственно важным, когда человек находится на грани бытия: плохо — хорошо — спать — холодно — больно. Оказывается, можно достичь волного понимания с помощью нескольких слов.

В реанимации однажды лежал афганец, после операции он стал выздоравливать, и через какой-то срок его перевели в хирургическое отделение. На следующее утро Наилья, Маша, Лена пришли на работу и обнаружили, что гражданин ДРА сидит у них в реанимационной палате: сбегал из хирургического. Хочу, говорит, у вас остаться, хочу с вами. Уговорить не смогли. В конце концов принесли носилки, положили и унесли...

В Союзе часто спрашивали, сколько наших погибло в Афганистане. Теперь эти цифры открыты. Мы узнали, сколько тысяч ребят погибло, сколько десятков тысяч ранено, покалечено. Только вряд ли самые точные цифры добавили что-нибудь к нашему представлению о событиях в Афганистане. 13 тысяч погибших — это что, много или мало?

Да, на войне потери не только подсчитывают, но и рассчитывают, наперед известно, сколько народу должно погибнуть во время наступления и сколько в обороне. Чем больше народу участвует в боевых действиях, тем с большей точностью законы статистики отсчитывают мертвые головы. И можно спокойно к этому относиться, поскольку хорошо известно, что статистика — это наука, и что война — это война, и на ней, понятно, как на войне, что есть потери приемлемые, а есть неприемлемые, такие, то есть, когда убито больше, чем нужно. Можно спокойно принимать любые цифры, отличающиеся друг от друга только количеством нулей, до тех пор, пока речь не пойдет об одной, конкретной жизни. Потери могут быть большими или маленькими, оправданными или неоправданными, но гибель одного конкретного человека неоправданна всегда. Мы все хорошо чувствуем эту разницу. Может быть, потому, что гибель человека, у которого есть имя, мы можем соотнести со своей собственной, примерить на себя, можем наяву, до жути выпукло, представить себе свою собственную разбитую голову, последнее осознающее себя мгновение жизни... Гибель десяти тысяч людей на себя не примеришь.

Степень нашего человеколюбия часто зависит от того, насколько опасность близка к нам лично: чем больше вероятность, что мы сами могли бы оказаться на месте погибшего, тем ярче работает воображение, тем искренней и глубже протест.

Может быть, поэтому в Союзе часто спрашивали, сколько наших ребят погибло, и гораздо реже спрашивали, сколько погибло афганцев. Потери которых среди военных и гражданских несравнимо больше. По данным президента Наджибуллы среди сторонников правительства более 240 тысяч убитых.

Вернувшись из Афганистана, я рассказывал о своей поездке в одной молодежной аудитории. Отношение к войне, к афганским событиям было насто-

женное, разговор с полоборота пошел дерганный, острый.

— Там же наши ребята гибнут! — говорил паренек призывного возраста, напирая на слово НАШИ. — Понимаете: наши!

Еще через несколько фраз и реплик, раскрасневшись от словесной перепалки, которая шла уже без моего участия между мальчишками и девчонками, он развил свою мысль, высказавшись в том смысле, что нужно было в Афганистане жестче действовать («перебить, как тараканов»), всех и все снести, ни на что не обращая внимания, расчистить место вокруг себя таким образом, чтобы НАШИХ гибло меньше.

Гуманистический запал, с каким говорил он о гибели ребят, вдруг прямо на глазах обернулся совершенно людоедским отношением к жизни. К чужой.

Гуманизм, однако, начинается не со своей жизни, со своей и так все понятно, а как раз с чужой.

В той обеспокоенности афганскими событиями, которая всегда существовала в обществе, мне иногда не хватало как раз вот этого: тревоги за судьбу Афганистана вообще, в котором гибнут и наши, и не наши.

Недавно услышал историю, в этом смысле совсем уж поразительную. В Белорусском институте механизации сельского хозяйства учится афганский парень. И вот советские сокурсники доконали его разговорами о том, что «из-за тебя наши ребята гибнут», до такой степени, что он хотел бросить учебу и ехать домой. Не знаю, уехал ли.

Можно, конечно, сделать уместный тут экивок про «часть сокурсников», про «некоторый недостаток такта», но явление само по себе от этих уточнений не исчезает.

...В Кундузе мы, журналисты, искали возможность побывать у афганцев, тех самых, что жили на своей земле, вовлеченные в долгую гражданскую войну. Вместе с гарнизонным агитотрядом мы выехали к Раиму Палвану, человеку в провинции широко известному. Еще в восьмидесятом году дехканин Раим Палван организовал на берегах реки Пяндж, у самой границы с Советским Союзом, отряд самообороны. Тот отряд разросся до тысячи бойцов, стал полком афганской армии, Раим Палван, долгое время действовавший без всякой связи с центральными властями, получил звание майора, территория под его контролем расширилась до 24 кишлаков.

(Продолжение следует)

Сам я — бывший комсомолец, честно «отбывший» свой комсомольский срок. Вступил в ряды ВЛКСМ в 1973 году. В меру собственной активности занимался в свое время комсомольской работой — был редактором «Комсомольского прожектора». То есть вполне соответствовал в номенклатурном перечне должности комсомольца рядового.

О руководящих комсомольских товарищах в то время имел довольно поверхностное представление. Потом сведения постепенно накапливались, и в конце концов я составил о комсомольском руководстве вполне конкретное мнение как об элитарной прослойке советской молодежи. Уместно будет добавить, что эта прослойка находится к тому же на содержании молодежи, которой приходится работать и для них, и за них.

Как получилось, что «осво-

божденные» (а освобождены они главным образом от общественно полезного труда) обеспокоены исключительно поддержанием существующего порядка вещей? Как специалисты народного хозяйства они деградировали, но, тем не менее, имеют свой «пай» за счет рядовых «взносоплательщиков».

Можно перечислить по пальцам случаи, когда комсомольские вожаки оказывались в авангарде событий. Они предпочитают, в основном, роль «продолжателей», а то и наблюдателей. Не потому ли многие пороки (наркомания, проституция и пр.) приняли форму запущенного недуга, а реальные проблемы молодежи — жилье, заработки, творческий рост — грозят достаться по наследству нашим потомкам?

Я думаю, в эпоху коренных преобразований нашей жизни будет вполне разумно отказаться

ся от существующей сейчас многозвенной и многолюдной структуры управления в комсомоле. Руководство комсомолом должно быть действительно самодельным. И как бы организовать дело так, чтобы политическая состоятельность подкреплялась деловой самостоятельностью!

Василий МИРОШНИЧЕНКО,
помощник бурильщика экспедиции глубокого эксплуатационного бурения № 2 Усинского управления буровых работ Коми АССР

час приема по острым вопросам

«ТАМ, ВДАЛИ, ЗА РЕКОЙ?»

Острые вопросы, поставленные Василием Мирошниченко, в беседе с корреспондентом «Паруса» обсуждает первый заместитель главного редактора журнала «Огонек» Лев Никитич ГУЩИН — в прошлом первый секретарь Кунцевского райкома комсомола города Москвы, редактор газеты «Московский комсомолец», заведующий молодежным отделом «Советской России», заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

— Вы согласны с этим письмом, Лев Никитич?

— Разделяю его тревогу

и озабоченность. Но я бы ставил вопрос шире. Разве дело только в «освобожденных» руководителях? Чтобы понять, как жить дальше, хорошо бы разобраться в том, что же произошло...

Когда я начинал — секретарем первичной, потом райкома, — понятия такого не было, например, как «блатняк» в комсомоле. Комсомольская работа не считалась местом, куда можно «пристроить человека». У нас был парень, первый секретарь райкома, так я совершенно случайно, каким-то боком узнал, что у него папа работает в ЦК партии, — он дико этого стеснялся. Он видел в этом, понимаете ли, что-то неприличное. И мы на него смотрели — серьезно! — с некоторым сожалением.

А что потом? Сын министра внутренних дел Щелкова становится заведующим международным отделом ЦК комсомола. Без всяких на то оснований, естественно. Сын председателя Комитета народного контроля Школьников — председателем

«ЭТО БЛИЗКО»

КМО Москвы... Ну, и так далее — «свои человечки» один на одном, особенно там, где был выход на «загранку».

С трибун объявлялось, конечно, что нет важнее дела, чем забота о молодежи. Но забота была такая, что могли и удушить в объятьях. Знаете, через площадь Ногина есть подземный переход. Идешь этим переходом — обязательно встретишь несколько человек из ЦК комсомола. С папками. Это они «входят» в соответствующие отделы ЦК партии с мельчайшими вопросами. Причем механизм их решения тоже стоит описать. Они «входят», там все обговаривают, потом с готовым мнением «выходят», оформляют свою просьбу или предложение официально и опять бегут за решением, которое уже знают...

Гришин, будучи «первым» Московского горкома партии, раз в три-четыре года устраивал встречу с бюро горкома комсомола. О, это целое событие! Полный парад, речи, напутствия — вот такой был стиль общения с комсомолом. И, спускаясь с высот, этот стиль уже подступал к первичкам.

А когда я начинал, этого не было. Были совершенно

нормальные, рабочие отношения с райкомом партии, горкомом, ЦК комсомола.

Гораздо меньше было всяческих ограничений. Меня, к примеру, избрали на освобожденную комсомольскую работу в двадцать восемь лет. Сейчас бы мою кандидатуру никто и рассматривать не стал. Двадцать восемь! Просто смешно... Предложили вступить в партию. Дескать, все равно пора по возрасту. Я отказался. Вступил потом, когда появилась осознанная личная потребность, а не когда «дали место».

— И сильно сказывалось на делах меньшее почтение к анкете?

— Хорошо сказывалось — больше было личностей в комсомоле. Такие зубры попадались, ого! Конечно, встречались и не шибко образованные. Мужик мог на совещании секретарей и матом запустить. Но это такие ребята были — неформальное лидерство все-таки очень ощущалось. Вы вдумайтесь: когда в Москве было семнадцать районов, до нового деления, секретарь райкома руководил организацией в сто, двести тысяч комсомольцев! А аппарат был куда меньше, чем теперь. Конечно, требовались совсем другие качества. Приходилось по организациям все время носиться, регулярно выступать, вариться в конкретной работе. Тебя знали, ты знал всех. Действительно, люди, выдвинутые на вид, наверх.

Купреев Сережа. Талантливый, образованный, с прекрасным ораторским даром,

не гнушавшийся, когда надо, лопату взять в руки или топор...

— А где он сейчас?

— Он долго был, надо признать, как бельмо на глазу. А «сгорел» на посту первого секретаря горкома комсомола. Каким образом? Разбирали на бюро горкома партии одно из первых дел «Спутника», бюро молодежного туризма. Проворовался там кто-то. И замешан был вроде человек, которого Купреев хорошо знал. Началось «единодушное осуждение». А Купреев встал и сказал: «Вот мы выслушали все обвинения, наверное, в них есть свой резон. Но я с этим человеком работал, я его привел в комсомол. Я могу только сказать о нем: тогда это был кристальной души человек, настоящий коммунист. Давайте глубже разбираться, что там с ним произошло...»

Тут надо еще знать характер Гришина. Человек, из которого вполне мог бы свой Сталин получиться. Этаким бюст самому себе. Представьте реакцию. Купреев говорил, что на следующий день с ним в горкоме не здоровались. А еще через несколько дней освободили — отправили вторым секретарем райкома партии, «без перспектив». Но лидер есть лидер — стал он все же первым. И на свою беду — именно в Бауманском районе, где Брежнев баллотировался в депутаты. Так что пришлось ему несколько раз вручать Леониду Ильичу цветы, беседовать, провожать до машины... В общем, руководит он сейчас пожарной академией... Да, это драма. Нельзя — ни в период застоя, ни при перестройке — нельзя к людям подходить по формальным признакам.

— Вернемся в семидесятые?

— Началось постепенное вымывание из комсомола личностей. Стал складываться новый образ комсомольского работника — этаким аккуратный юноша «на выданье», с безупречной анкетой, при галстуке и со значком. Всегда готов — не дело делать, а всегда готов сесть за любой стол, «доложиться» на любом совещании.

И произошло это на наших глазах. И — куда деваться? — с нашим участием. Мы можем, понимаете, теперь гордиться своими орденами, тем, что честно прожили жизнь, никому не кланялись в пояс, ругались и скандалили... А что толку? Превращение это произошло, и нам, нашему поколению комсомольских работников, прощения за это не будет. Я это совершенно четко понимаю.

— С этим покаянием тоже хочется разобраться. Комсомол — всего лишь часть нашей политической системы, всего общества. Естественно, что в нем шли общие процессы. Или вы теперь видите какие-то упущенные возможности, какие-то варианты поведения?

— Поймите меня правильно — времена бывали всякие. Но что, я считаю, было у молодежи, у комсомола всегда, так это право на непослушание, на ошибку в конце концов, на крайность, право перегнуть палку. Молодежи — можно. И крикнуть не то, и встать не там, не там заплодировать, не там сидеть сложа руки. И в самые худшие годы застоя этого права у комсомола никто не отнимал — он сам его отдал.

Мог же позволить себе Косарев — в самый разгар репрессий! — написать Сталину, что считает поиски врагов народа в своей организации бессмысленными. Мог же он выгнать из ЦК эту мадам, не хочу вспоминать ее имени, которая написала донос. Выступил же он на пленуме, когда чуть не все Политбюро примчалось его снимать... Единственный случай в тридцатые годы, когда очередное задуманное «де-

ло» — так называемое молодежное — провалилось. Ни один из арестованных не дал на других ложных показаний.

В любые годы комсомол пытался держаться. Мы, может, не знали тонкостей, но ощущение было такое: старшие товарищи могут и торгануть, и прогнуться лишний раз, и волею обстоятельств искривляться вместе с новой линией, но нам нельзя. Комсомол, считаю, генетически во всем этом замешан не был.

А потом... Конечно, тридцать седьмой год трагичнее. Но и семидесятые были по-своему «эффективными». Все прижались, ушки сложили и тихо делали чего велят. Казалось, никто уже ни во что не верил. Шли в комсомол, как на обычную казенную службу.

— А во что верили, за чем шли в комсомол ваши сверстники?

— За всех говорить трудно, но, думаю, шли за тем, что потом подутрадили. Было сильное чувство единой комсомольской линии — начиная от основателей Союза и кончая лично тобой. «Там, вдали, за рекой...» мы пели совершенно искренне, это было нам близко. Для молодежи ведь самое страшное — это цинизм. И потому есть, есть своя правда у тех, кто сейчас предупреждает: обнародуя темные тайны нашей истории, вы, мол, выжигаете веру у целого поколения. Только я бы поправил: не выжигаем, а дожигаем. Но убежден — иного выхода нет. Если молодежь поверит в перестройку, она вернет себе и прежние идеалы.

— Если?..

— Да, я не считаю, что успех уже предрешен. У многих и крылья обожжены, и руки крепко отбиты. И хуже всего то, что, пытаясь переключиться на новое, молодежь и сегодня продолжает получать по рукам. Говорят, что одиночество сегодня бич молодых, неконтактность... Невостребованность! — вот проблема. Противники пере-

стройки боятся молодежи, сильно боятся: она ведь непредсказуема, импульсивна, плохо управляема.

Нужны дела, а не декларации. Появится дело — придет и вера.

— По поводу дел. У меня заготовлена цитата еще из одного письма. «...Только я теперь думать буду, если меня к чему-то призовут. Потому что знаю: целину поднимали-поднимали, а хлеба она не дает. БАМ строили-строили, а теперь выяснилось, что не там и не так. И болота осушали, и берега затопляли, и награды получали за все это...»

— Ну, понятно. У меня, знаете, появилась потребность хотя бы раз в два года уезжать на Север, в Тюменскую область, на Ямал. Друзей у меня там завелось много. Прекрасные мужики, замечательные просто мужики. Так вот, основания для веры у них были всегда. И сейчас есть. Конечно, теперь легко говорить, мол, хищническая эксплуатация, то да се. Но экономику-то нашу от полного завала они спасли — этим самым «черным золотом». Сейчас цены на нефть, слава богу, упали, трудно уже страну на ее экспорте держать, приходится думать о новых путях, но тогда-то...

Целина. Если бы не было целины, кто знает, как бы дела повернулись. При целинном-то миллиарде пудов страну без хлеба оставили, а без нее? Может, и «голодные бунты» вспомнили бы...

БАМ. Когда те районы начнем осваивать всерьез — а придется, — на нем весь огромный край будет держаться.

И вытащено все это на плечах молодежи.

Другое дело, что мы тут, журналисты, много поднапортили. Сначала только сахар, только штампы. А когда они уже всем осточертели, когда грязь вылезать начала, нам и говорят: «Ну, понаписали... А оказывается, все не так». Не все.

— Север, целина — это понятно. А как все-таки шли

дела в Москве, в Кунцевском райкоме? Что теперь чаще всего вспоминается?

— Чаще всего?.. Пожалуй, как сдавали в семьдесят первом гребной канал в Крылатском. Конечно, полное безобразия — как будто никто не знал, что чемпионат Европы в июле! Позвали комсомол, и мы месяц вкалывали буквально сутками. Ребята молодые, все понимали.

— Вы их снимали с занятий, отпускали с работы?

— Да нет, приходили, главным образом, те, кто был свободен. Июнь, светло...

— А как платили?

— Никак! Это было бесплатно.

— Сейчас хорошим тоном считается «хозрасчетная помощь»...

— Не беспокойтесь, зарабатывать и мы умели. Собрали как-то ребят из первичек, решили — хватит нам побираться, просить деньги у своих директоров. В районе внедрялась ОДС — оперативно-диспетчерская система. Знаете, нажал в подъезде кнопку, сказал, что у тебя сломалось. Я сторговался ее сделать. Разбили район на участки, объяснили народу, на что пойдут деньги. И недельки так за три перекопали, как кроты, весь район.

У нас тогда как раз поменялся секретарь райкома партии. Он у меня спрашивает: что там у нас с ОДС? Давайте, говорю, посмотрим. Сели в машину, проехали по району. Он просто обалдел! У нас с ним потом года три никаких проблем не возникало, он убедился: комсомол — умеет.

Можно удачно выступить на пленуме, порадовать душу партийного работника, это, наверно, тоже способ завоевать авторитет, особенно если начальник пожилой, растрогается, начнет молодость вспоминать... Но лучше все-таки предъявлять дело.

— А на что вы тратили эти деньги?

— На маевки, к примеру. Красивое, по-моему, дело.

Собирали человек пятьсот с предприятий, проводили митинг, садились в автобусы, ехали за город, там у нас площадка была. Самодеятельность, соревнования, шашлыки... Такой день получался, что многие всю жизнь помнят. Молодость!

Вообще райком у нас был страшно радикальный. Первая в стране дискотека. Первый конкурс ансамблей. Кошмар! Чуждые веяния! Но вы уж поверьте — это был высший класс. Я много потом посмотрелся — и в Союзе, и за границей — у нас в Кунцеве было лучше. Чем по сей день горжусь — что на комсомольские мероприятия в районе невозможно было попасть, билеты шли в разрыв — все знали, что плохого, неинтересного мы не проводим.

Что же касается личных заработков... Выводить комсомол на уровень некоего расширенного кооператива не стоит. У молодежи всегда был в цене бескорыстный порыв. Посмотрите на неформальные объединения. Ни одно из них никакой материальной корысти не удовлетворяет. Зато у каждого есть сильная, простая идея: патриотическая ли, или идея какой-то полной свободы, поклонения музыкальным кумирам... Общественная организация — это всегда бескорыстное служение идее. Отдать, ничего не получая взамен.

— Многие в комсомольском аппарате к неформалам относятся с опаской, а то и просто паникуют: конкуренты, мол, отбивают у комсомола «контингент»...

— Паникуют те, кто в глубине души ни в какой комсомол не верит. ВЛКСМ — вполне жизнеспособная организация с прекрасной наследственностью. А то, что серьезные конкуренты появляются — так это же просто удача! Придется шевелиться, обновляться, драться — самое комсомольское занятие аж с двадцатых годов. Другое дело, что аппарат к этому не всегда готов.

Значит, надо начинать с формирования аппарата.

— А как он формировался в вашем райкоме?

— Мы старались не терять из виду ребят с задатками лидеров — буквально с пионерского возраста.

Смешной случай сейчас вспомнил. Растили-растили одну девчонку, взяли в райком, а она мою подпись подделала. Надо было деньги в банке получать, меня не было, так она сама подмахнула. Что с ней делать? С деньгами не балуются. Я ей и говорю: хочешь остаться в комсомольском активе — пойдешь на завод, в цех. Там подумаешь о жизни. Деньги будешь зарабатывать те же, но трудом.

— А в райкоме что, не труд?

— Ну, простите меня. Я по образованию экономист. Я Маркса прочитал. Понятие о базисе и надстройке, о том, кто производит ценности и кто потребляет, я усвоил прочно. Годик она возила по цеху тележку, потом пошла в ПТУ секретарем... Что, не прав я? Вообще-то я был максималистом. С одной довольно милой девушкой раззнакомился только потому, что она Достоевского не читала... Да нет, все-таки прав. Это вообще никакая не трагедия — уйти из аппарата. А то ведь сложилась целая система желобков. И выкатиться из своего желобка можно только, потеряв едва ли не все. Думаю, в комсомольском аппарате достаточно поработать год, ну три, а потом уступать место другому. Да и подсократить аппарат, конечно, нужно. К чему смолodu плодить «профессионалов общественной деятельности»? Мне видится в этом выход из многих тупиков, в том числе и из тех, о которых написал в «Парус» помбур Василий Мирошниченко.

Вел беседу
Борис ПАСТЕРНАК

...ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

«Помню дорогу. Везли нас из села, из Челябинской области, до станции на санях. Подняли ночью, разрешили взять мешок муки, кой-какую одежду. У отца было, однако, и мясо засолено, и сухари насушены. Чувствовал, что ли?

А на станции уже посадили в теплушки для скота, повезли до Тюмени, потом подводами в Тобольск. Там — дальше, в деревню, где зимовали на постое у таких же, как и мы, крестьян. А по весне, по самому половодью, отправили на баржах дальше. На север, в сторону Обдорска, или, по-теперешнему, Салехарда. Я вот сейчас и думаю: надо же было нам все это время кормиться, никто же кормежку не давал, все своими мешками жили. Мы с сестрой не помним, чтоб голодали. А отец? А мать? Или на барже: нашего брата, кулачков, — тьма, и в трюме, и на палубе ступить некуда. Но сестренкина постель была

Но почему же дождавшиеся и выжившие порою утаивают свои имена? Почему не сказать им как раз во весь голос слово в защиту отца? Так рассуждаю. Но потом становлюсь на место моих собеседников. Вот один из них, был школьным учителем, а сейчас — на пенсии. Он не называет своего имени, потому как опасается: его ученики, узнавшие коллективизацию по учебникам, не смогут так вот сразу усвоить другой урок, в котором будет не только победная поступь строителей новой жизни.

Мы отправимся в дорогу. Мы войдем в дома, где нас не ждут и, к сожалению, где нам не всегда рады. И услышим истории: пусть они на бумаге выглядят так, как прозвучали в жизни, то есть без авторских комментариев и...

В этом очерке изменены имена некоторых рассказчиков и действующих лиц. Я сделал это по просьбе людей. Для многих из них память о детстве и юности — до сих пор кровоточащая рана. Тогда они были «кулацкими отпрысками», сынами классовых врагов, и сполна делили с отцами тяжелую участь. Кого-то оправдали «по Указу от тридцать восьмого». Другие же, по суровой военной необходимости, вернувшейся-таки на какое-то время понятию «враг» настоящий смысл, были мобилизованы в Красную Армию. И их реабилитировали, «руководствуясь приказом Наркома Внутренних Дел СССР, Генерального Комиссара Государственной Безопасности т. Берия № 002303 от 22/X-42 г.».

ОГЛЯНИСЬ

КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Владимир БУЛЫЧЕВ

Приступил к работе собственный корреспондент нашего журнала по Сибири и Дальнему Востоку Владимир БУЛЫЧЕВ.

Сегодня мы знакомим вас с его очерком «Кулачный бой» и сообщаем адрес корреспондента:

644056, г. Омск, проспект К. Маркса, 39, Дом печати, корреспондентский пункт журнала «Парус».

на каких-то тюках, я все же как мужчина где-то скрючивался на полу. А мать с отцом не знаю, спали ли толком.

Их бы об этом спрашивать...

У нас, у детей,— свои переживания. Для меня, например, самой что ни на есть трагедией была смерть наших лошадей, особенно жеребенка Ласточки. Отцу про это в ссылку уже написал из деревни его младший брат, его не раскулачили единственного из троих Соколовых. Написал, что, мол, председатель образовавшегося там колхоза, горлопан и баламут, взял себе Воронка. Однажды загнал его и пустил, горячего, к кадке с холодной водой. Ни один толковый мужик такого не сделает, это для любого хозяина азбука. Тут, кажется, и отец всплакнул. Воронок был породистый конь. Отец его родословную вел, слава о коне шла в округе, к нему на случку приводили кобыл даже из далеких деревень, отец вписывал их в какие-то свои графы. А тут — такое... А Ласточка, оставленная без присмотра, наступила на борону, никто ее не полечил, и лошадь тоже сдохла. Еще двух рабочих лошадей заморили голодом. Вот так и писал дядя. А в нашей

избе сделали, мол, скотный двор.

Отец на жизнь никогда не жаловался. Правда, раньше и не водилось, чтобы дети слушали взрослые разговоры или чтобы отец жаловался собственному сыну. Но мне кажется, и между собой мужики не плакались. Что плакаться — работать надо. Да и нам, Соколовым, плакаться грех. Я и сестра были уже подростками, так что работали мы все вчетвером. Зимой плели сети, летом мы, мужики, рыбачили, я одно время был весельщиком на бударке — большой рыболовецкой лодке, а женщины что-то вязали, шили в артели. На каждого работника полагалось в месяц 18 килограммов ячменной муки, крупа, постное масло. Так что мы-то жили. А тяжело было тем, у кого малые дети и мужик — один в семье кормилец.

Нас и цинга немножко только потрепала: десны кровоточили, зубы вываливались. А в первый год, когда не было ни картошки, ни лука, ни овощей, многие поумирали. Весной прибыла баржа, на ней увозили тяжелобольных: скрюченных, обезображенных цингой, на себя самих и не похожих...

Так жили, и так я рос. Оттуда ушел на войну. Помню, ждали однажды в часть пополнение. А я глядел, нет ли кого из наших, из кулачков. Встретил-таки двух ребят из спецпоселка. Обнялись. Один сказал: «Вот видишь, Иван, и нами не побрезговали». Они хорошо воевали. Погибли оба за Родину. Да вроде и я неплохо воевал, раз уж награжден орденами.

Только вот что кольнуло вдруг. Кажется, сущий пустяк, который и обойти, не заметить можно. Но — кольнуло... Когда я вернулся домой, мать повела меня на огородик. Такого у нас в ссылке раньше не бывало. Вот, говорит, гляди, лучок всходит, а к концу лета у нас будут свои огурцы. Им, крестьянам, любо было, когда хоть что-то растет из земли. Это им напоминало прежнюю жизнь и прежнюю работу. Мать не хотела себя пожалеть. Она просто показала свой огородик и погордилась...»

«Наши-то, Карасевы, были вечные батраки. И отец батрачил в Самарской губернии. А в Сибирь приехал до революции по свободному переселению. Тут и зажил маленько. Тут помещиков не было, и перед трудом все были равные.

В двадцать пятом купил в кре-

дит сельхозтехнику — сеялку, сенокосилку, молотилку. Пользовали их в деревне все вместе. А как иначе? В конный привод впрягают восемь лошадей да восемь сменных, а у отца — три. Вот и собирали лошадей по дворам, потом молотили хлеб: сначала тебе, потом мне, потом — другому соседу.

В тридцатом отца позвали в коммуну, а технику чтобы — в общее пользование. Ну, он заартачился. Да если бы и пошел — все равно конец один. Потом-то из колхозов погнали зажиточных. Федора Патрикеева из колхоза выгнали, тоже увезли за болото. Он как эксплуататор считался. Летом брал работника. Не тянул за шиворот — тот сам просился: получал полпуда зерна в день и был доволен и сыт. Чем плохо?

Ефима Глотова тоже сослали как эксплуататора. У нас дело было такое. Случился пожар, и муж с женой сгорели. А детей-погорельцев разобрали по разным домам. Ефим и взял девочку на воспитание. Вырастил, замуж отдал в другую деревню. Приданое выделил хорошее: корову и пять овец. И уже время прошло, тут начались эти колхозы. Ефим вступил. А на собрании кто-то вдруг и говорит: мол, видел, как эту девочку Ефим ни свет ни заря на работу поднимал. Она же чужая — вот и получается, на него горбатилась. Значит — эксплуататор. Он, конечно, строгий мужик был. И своим пятерым детям не давал нежиться. И сам, однако, в посевную спал на полене вместо подушки, чтоб долго не выходило. Мужики посмеивались. А зимой небось сами к нему бегали: Ефимушка, дай сальца кусочек, дай мучки, то да се...

К нам на Кулай потом таких мужиков пригоняли — иной раз даже в лаптях и холщовых штанах. Гольтьба сущая. И рядом с ними отец, конечно, получался кулак. Как ни крути, нам в ссылку была дорога. И Ефиму, и Федору...

Тех из банка, кто дал кредит отцу, тоже забрали в НКВД. Говорят, там враги работали: мол, беднякам не давали кредиты, а только кулакам. Выходит, вредили Советской власти. Может, кто и вредил, не знаю. Но мое такое понимание: разве я, к примеру, в долг дам тому, кто не вернет? А тут — государственные деньги. Вот и давали их хорошему хозяину. А после хороший хозяин оказался плох.

Повыгоняли мужиков. Они в свои края уже не возвращались.

Отец мой здесь, на чужой земле, захоронен. И мать здесь лежит.

А братья разъехались по городам. Работали до пенсии на заводе. Один я был в колхозе. Привык. Про городскую жизнь не думал. Да и нельзя мне далеко — от родительских-то могил».

«Мимо нас везли кулаков. На Васюганские болота. У нас вроде как край земли. А там? А там до двадцать девятого не было никакой жизни: ни поселений, ни дорог. Для ссыльных прорубили просеку в урмане. И — зимой их, конечно: летом там хлябь и трясины.

Было: старики слабели, оставались среди леса помирать. Бабы рожали, оставались. На семью одна лошадь полагалась. На санях — пожитки, а сами шли пешком за санями. Вот и слабели.

Было и так: пока лошадь тянет, проводник везет. Как устанет — он побросает скарб, оставляет людей посреди дороги и разворачивается обратно. Кто ему за это судья? Ведь не просто граждан погубил, а кулаков!

Было и так: по весне или летом кто-то из ссыльных бежал с болот. Но, не зная дороги, будешь по тайге шарашиться, пока не сгинешь. Нанимали проводников. Из местных, из охотников. Отдавали все: только выведи. А те обирали да и бросали в болотах. И кто им был за это судья? Вот если выведешь, тут уж и комендант (а комендатура ихняя была на Кулае) найдет, и тогда несдобровать.

Какие разные люди! И сколько тогда поднялось из людей грязи! Конечно, кто-то переживал, жалел кулачков. Отец мой был такой, сочувствующий. Но он потом и поплатился за это. Я мал был. Что сейчас рассказываю, то не понимал тогда своим умишком. А отец мне говорил, когда я уже подрос: смотри, какое зло творится. Как люди хотят друг друга погубить. И губят. И уже нарушится между людьми связь и братство.

К нам приезжали из Омского округа, из степных районов и те, которые сами себя раскулачили. Чувствовали, что их вышлют. Ну, и не ждали, собирали пожитки, двигались на север. А у нас оседали, строились за нашим хутором. Все-таки не на болоте! Они так бежали от колхозов. А когда и к нам пришла коллективизация, вернулись обратно. Раз от колхозов не убежать, пусть раскулачивают дома!

Нас в тридцать первом начали собирать в колхоз. Мы жили на хуторе, по Столыпину. Было там девять хозяйств. Отец тогда работал председателем сельсовета. Ему по службе проводить государственную политику положено. А он с уполномоченными спорил. Говорил: нарушаете Ленина-Сталина! Нельзя силком людей тащить в колхозы! Да разве переспоришь... Ездили по хуторам, уводили коров и лошадей, утаскивали все, что под руку попадет, швейные машинки даже. Печи разбирали. Добрались и до нашего хутора. Отец в колхоз не пошел. Его убрали из сельсовета. Потом арестовали по пятьдесят восьмой статье, за антисоветскую пропаганду, семь лет. И осталось нас шестеро детей на одну мать. Мне — пятнадцать годов, а самый маленький еще не ходит. Вот тогда мы хлебнули...

Был у нас, рассказывают, один человек. Пел в церковном хоре до революции. Иконки продавал: маленький бог — три рубля, большой бог — пять рублей. А потом переметнулся. Сам же и кулачил мужиков. Сам же и церковь свою рушил. Потом в сельсовет пролез. Не было для него ни бога, ни черта, ни совести.

Дожил уже, видишь, до седьмидесяти. И думаю: что самое страшное в человеке? От каких таких людей и порядков происходит больше всего бед народу? И много всякого в голове. И нет одного ответа. Повздыхаешь и дальше живешь...»

ПЛАЧ ПО ВОЛОСАМ СНЯВШИ ГОЛОВУ

«Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов. Поэтому смешно и несерьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову по волосам не плачут.

Не менее смешным кажется другой вопрос: можно ли пускать кулака в колхоз. Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения».

Эти слова были сказаны Сталиным 27 декабря 1929 года на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов.

Переводить идиомы — дело, наверно, с точки зрения языко-

знания неправильное и ненаучное. Но перед глазами стоят не абстрактные «заклятые враги», а реальные, уже знакомые нам люди и картины их жизни. И со слов очевидцев мы составили их портрет: ни лиц, обезображенных зловещим оскалом, ни клокущей в груди ненависти к большевикам, ни обреза за спиной, ни камня за пазухой (хотя встречалось и то, и другое, и третье, но мы ведем речь о большинстве, об абсолютном большинстве спецпереселенцев, которых гнали за болота).

И, право же, слова о снятых головах порою возвращаются к своему изначальному мрачному смыслу.

Но как же, раскулачивая зажиточных крестьян, ликвидируя класс, обходиться с его представителями? Не заложено ли тут изначальное противоречие между логикой политиков — и народа? Между необходимостью — и здравым смыслом? Целью — и средствами?

В 1919 году, выступая на VIII съезде РКП(б), Ленин говорил: «Сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем».

Слова эти были сказаны о периоде военного коммунизма — о той поре, когда в стране формировались продотряды, чтобы брать для спасения революции все хлебные излишки. Но даже тогда Ленин предостерегал от перегибов и путаницы в классовой оценке крестьян.

Изменилась ли политическая обстановка в стране к началу двадцатых годов, с прекращением гражданской войны, с введением нэпа, с заменой в деревне продрозверстки продналогом? Об этом как раз размышлял в 1927 году в своей работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» председатель исполкома Коминтерна, ответственный редактор «Правды», член Политбюро ЦК ВКП(б) Николай Иванович Бухарин. Чрезвычайные меры, по его мнению, — удел военного коммунизма. Понятие «закон» в эту пору отсутствует, его заменяют приказы и распоряжения, меняющиеся в зависимости от боевой обстановки. Но с отменой чрезвычайного положения «революционная законность должна заменить собою все остатки административного произвола,

хотя бы даже и революционного».

Кооперирование, укрупнение мелких хозяйств — путь закономерный и единственно возможный, продолжает Бухарин. Этот процесс будет идти не через «вытеснение», «пожирание», «уничтожение» крестьянского хозяйства, а именно через его медленную переработку.

В работах И. В. Сталина тоже не сыщешь открытых призывов чинить произвол в деревне. Больше того, известно выступление Генерального секретаря в «Правде» 2 марта 1930 года, где он осуждает «чиновничье декретирование колхозного движения» и «недостойные угрозы по отношению к крестьянам». Однако...

Можно осуждать перегибы и «перегибщиков», но при этом заложить такие цифры в планы хлебозаготовок, что исполнителям на местах не останется ничего, как выгрести из крестьянских закромов все, оставив хозяйство без хлеба насущного, а случалось, и без семян.

Можно осуждать перегибы, но поставить перед страной задачу провести коллективизацию в такие сроки, что исполнителям придется сгонять крестьян в колхозы насильно.

Можно повторять тезис о союзе с середняком — по выражению Ленина, «центральной фигурой нашего земледелия», — но в то же время настаивать на обострении классовой борьбы по мере построения социализма. И как тогда за процессом «осереднячения деревни» (так называл его Бухарин), за естественным постепенным повышением уровня жизни крестьян не увидеть умножение сил противника?

Лучше бы вещи называть своими именами. Не столько классовая борьба обострялась, сколько ее обострял произвол.

Заместитель председателя Колхозцентра т. Одинцов в 1930 году на Всесоюзном совещании представителей районов сплошной коллективизации подчеркнул: «Нужно экспроприировать у кулаков средства производства, включая и жилища, столь необходимые для вовлекаемого в колхозы батрачества. Злостные кулаки должны быть изгнаны из районов сплошной коллективизации. Лишь некоторым кулакам, которые не вели борьбу против колхозов, можно будет предоставить отдаленные, плохие участки земли».

Как должен реагировать кулак, не боровшийся прежде с колхозом, на эти меры?!

А вообще, кто такой кулак? И что это за средства производства, подлежащие у него изъятию?

С батраками и бедняками вроде бы все ясно. Это неимущие слои сельского населения.

Средняцким хозяйством считалось такое, в котором была лошадь. Кулаками же признавали обычно тех, кто использовал чужой труд. До революции многие зажиточные крестьяне нанимали на посевную или уборку сезонных рабочих, а кто-то держал батрака круглый год. И при Советской власти эта практика продолжалась. Но поскольку найм рабочей силы законом запрещался, то делалось все тайком, и в случае чего пожаловаться работник не мог... А хозяева, исполнявшие закон, тоже осложнили жизнь бедняка: тому порой негде стало зарабатывать кусок хлеба. Поэтому в 1925 году был принят закон, разрешавший аренду земли и найм батраков. Он же поощрял приобретение сельхозтехники (тех самых орудий производства), предусматривал выделение единоличным хозяйствам кредитов. Наемный рабочий регистрировался в сельсовете, отношения хозяина и батрака регулировались КЗоТом.

5 января 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Был отменен закон об аренде земли и найме труда. Были сняты все запреты с раскулачивания (хотя практика сняла их к тому времени уже давно!)

Есть в юриспруденции правило: закон не должен иметь обратной силы. Да и по простой житейской логике так: может ли человек отвечать за то, что нарушил вчера закон, принятый лишь сегодня? Но начались массовые репрессии в отношении кулаков, которые, собственно говоря, никаких советских законов не нарушали.

Отношение к людям, жившим не впроголодь, воцарилось тенденциозное. Крестьянин увольнял батрака — раздавались голоса: враг, маскируется под середняка! Хорошего хозяина выбирали в сельсовет — и снова слышались призывы к бдительности: враг забирает власть! Осознав неизбежность коллективизации, мужик шел в колхоз — его оттуда гнали как «чуждый элемент». Так работал на практике тезис обострения классовой борьбы.

Лучше прихватить десяток-другой неявных врагов, чем не-

довыявить одного явного — так работал на практике тезис.

За годы коллективизации было репрессировано 10 миллионов крестьян. Это примерно в пять раз больше, чем числилось в стране кулаков. Разных кулаков — и лояльных, и нетерпимых. Десять миллионов... На всякий случай...

Многие предвидели и огромные человеческие жертвы, какие понесет страна от политики в деревне, и экономические сложности, ожидавшие сельское хозяйство впоследствии.

9 февраля 1929 года Бухарин, Председатель Совнаркома Рыков и Председатель ВЦСПС Томский обратились в Политбюро с заявлением, в котором выступили против чрезвычайных мер по отношению к так называемым кулакам. В нем говорилось, что в случае, если политика ЦК, являющая собой, по выражению группы, «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства», не будет изменена, то все трое членов Политбюро подадут в отставку. Сталин подверг резкой критике идеологическую платформу группы, требовавшей снижения налогообложения кулаков, снижения темпов развития индустрии.

На апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) был фактически отстранен от политического руководства страной Н. И. Бухарин — признанный теоретик, по выражению Ленина, «любимец партии», великолепный оратор и публицист, самый серьезный оппонент Сталина в вопросах аграрной политики. В ноябре он был выведен из состава Политбюро «как застрельщик и руководитель правых капитулянтов». Вскоре были выведены из Политбюро Рыков и Томский.

В 1938 году Бухарин и Рыков были репрессированы как «враги народа». Томский, чувствуя приближающуюся расправу, покончил с собой...

«СЕКРЕТНО»

«Стоит ли ворошить старое... Кулачили — значит, были на то свои, высшие соображения...» Это тоже она: психология «маленького человека».

Перечитывая эти строки, вспоминая встречи с людьми, я не спешу осуждать моих собеседников. Пусть же бросит в «маленького человека» камень тот, кто не наследовал эту психологию или не заразился ею и не носил в себе хоть какое-то время ее вирус. Кто не испытывал от-

чаяния от невозможности поменять что-то вокруг. А испытал, не уходил (в той или иной форме) от действительности. Пусть бросит. А я не буду бросать.

Их отцов не услышали. И они порою попросту предпочитали молчать. Возможно, кто-то учил этому и своих детей.

Я хотел услышать их отцов. Именно «мужиков» — не политиков. Ибо политиков можно все же прочесть, в худшем случае — в спецфондах библиотек, сняв их труды с «секретных» полок.

В областном архиве я нашел некоторые высказывания о коллективизации, о кулаках, вообще о деревенской жизни той поры. Их записали представители райизбиркомов, посещавшие в ходе перевыборов сельсоветов крестьянские собрания. Я приведу несколько цитат, местами наивных, а местами грубоватых. Но именно в них — та жизнь и та правда, которой так не хватало газетам.

«Кулачат, так это совсем не по правде, раздетых ссылают за болото. Вот Федорова лишили и выслали, а мы, беднота, и не знаем, кто это сделал».

«Пахарей за болото услали, теперь голодаем сидим».

«Кулаков не жалко, а бедные дети — цветы жизни, по Ленину — за что страдают? Легко ли слышать, когда малюток на куревах (то есть на возвышениях, на кочках среди болот — В. Б.) хоронят».

«Лишенные и высланные за личные счёты, можно сказать, пострадали. Какие наши кулаки? Вечные труженики, которые работали и день и ночь, не покладая рук».

«Не видим мы ни одного хорошего примера этой колхозной жизни. У нас стальнойпинская, хуторская система, а из коллектива ничего не выйдет. В коллективы пусть идут служащие коммунисты, а мы пока помешкаем, поглядим, что из ихней жизни выйдет».

«Метр ситцу получить нельзя. Время пришло, что «хавронью» прикрыть нечем, хоть репьем залепляй».

«Уполномоченные приедут и такую чепуху городят, что слушать тошно. Мы голые сидим, а они о свободной любви поют. Один докладывал: «Товарищи женщины, теперь вы свободны, можете любить мужей, можете с другими спать, запрету нет. Поэтому — свободная любовь. А детей бояться нечего — в ясли их!»

«Наш актив — хозяин всему нашему имуществу и всей нашей жизни. Зажали середняка тру-

дящего, что он слово боится сказать. Правильно я говорю, товарищи?» — «Правильно», — отвечают в голос сто человек».

Это выдержки из «Информационной сводки № 4 о ходе перевыборов сельсоветов в Тарском районе Омского округа», составленной в апреле 1930 года.

Их отцы и односельчане отцов говорили, но не были услышаны. Гриф «секретно» водрузился тогда над народным словом, как черное знамя лжи, подавления и несправедливости — прочно и надолго.

Хотя, конечно, у людей меж собой какие секреты?.. И люди рассуждают между собой про жизнь, про политику и политиков, и люди знают, что почем. Но когда мнение народа бесцельно помянуть порядки и утвердить справедливость, тогда и рождается от отчаяния психология «маленького человека» и «отстранение».

Услышав их отцов, я хотел бы услышать и ту, противоположную сторону — и агитаторов за идею, и насильников от идеи. Это тоже не политики, а мужики. Народ. Или скажем так: выходцы из народа. В Омском областном партийном архиве я нашел «Дело о двадцатипяти тысячнике т. Бугакова Е. И.», посланном в 1929 году партией в село для работы «в области коллективизации сельского хозяйства». И я услышал его голос:

«Объяснительная записка.

Я, Предправления Бугаков, заканчиваю свою жизнь в силу того, что я батрацким своим чутьем не могу переносить дальнейших бюрократических распоряжений, которые носят характер ежедневных перемен, в силу чего приходит сознание оппортуниста.

Итак, прошу не ругать, я свой долг насколько мог, настолько его добросовестно исполнял.

До свидания.

Бугаков.

19.4.31 г. 6 ч. 40 м.»

Факт самоубийства Бугакова исследовала специальная комиссия, созданная партийными органами. Возможно, когда-то беллетрист положит эту драматическую судьбу в основу романа или повести. Но сегодня — время документов, не увязанных авторской фантазией и не подчиненных беллетристической гипотезе. Таких, какими их передали нам в наследство трудные годы. (Я не поменял в тексте предсмертной исповеди «до

свидания» на «прощайте», хотя это и остановило некстати на миг читателя).

Ефим Ильич Бугаков родился в 1901 году. Был батраком у крестьянина Пенькова в селе Кормиловке Омского округа. Служил в Красной Армии. Работал наладчиком в Омске, на заводе «Красный пахарь». А в 1929 году был мобилизован, как тогда говорили, в село: сначала в качестве директора машинно-конной станции, потом — председателя сельхозартели имени Ленина. Мобилизован без желания и без учета склонностей, а по суровому требованию времени.

«Я откровенно ставлю вас в известность, что я с работой в качестве председателя правления не справляюсь, поэтому прошу меня отпустить в Омск, где я своим трудом вполне полезен», — писал Бугаков в райколхозсоюз. А в ответ получил... назначение председателем другой артели, в том самом селе, где некогда батрачил.

Последний факт еще больше усложнил жизнь Бугакова. Крестьянин Пеньков, мужик в Кормиловке авторитетный, не желал видеть начальством своего бывшего работника, требования его игнорировал и на то же подбивал других. А Бугаков свой долг насколько мог, настолько добросовестно выполнял. Вставал чуть свет, а кончал работу за полночь. Шпынял нерадивых. Например, беднячку Шляпцеву, которая валяла дурака и за три часа работы на поле записывала себе целый трудовой день. В ответ на председательский гнев беднячка Шляпцева, усвоившая вполне терминологию эпохи, упрекала Бугакова в кулацком пособничестве.

За последние три месяца Бугаков получил 271 толстый пакет с директивами. Из райкома, исполкома, райизбиркома, НКВД, госбанка, горсовета и МТС. Большое количество бумаг было писано неразборчиво или заляпано чернильными пятнами в самых ответственных местах. Некоторые директивы предписывали выполнить ту или иную работу раньше срока, когда они печатались на машинке. По свидетельству очевидцев, Бугаков нервничал и одни бумаги отсылал назад, а другие складывал в папку, на которой печатными буквами было выведено его рукой: «Недоразумения». И то было не шуткой, тем более не иронией, а обстоятельностью серьезного человека.

Члены комиссии отмечают,

что Бугаков был «политически малограмотен». И вот эпизод в подтверждение. Уполномоченного по хлебозаготовкам он, уставший обирать крестьян, спрашивал с полным непониманием на лице: «Ну, скажи, куда хлеб девается?» И просил: «Ты поясни там, где начальство: надо сначала желудок набить, а потом уж социализм строить». При выявлении хлебных излишков, подлежащих изъятию, уполномоченным не доверял и тщательно пересчитывал сам все до килограмма.

По свидетельству крестьян, Бугаков на глазах сникал.

Выискивал в газете хоть строчку, хоть полстрочки про свой завод «Красный пахарь» и перечитывал по нескольку раз. И делился с тем, кто был поблизости: «Здесь мне — не то. А там — своя, близкая братва...»

За несколько дней до смерти на крестьянском сходе доводил до народа очередную «меру». И в голосе не было убежденности. Подчеркнул: «Согласно директив».

А на завтра утром написал записку, текст которой уже известен нам. В ней было все: и вера в партию, и тем большая, окончательная путаница из-за бродивших в нем самом и им самим разоблаченных «оппортунистических», а значит, вражеских, сомнений.

Написав записку, он вышел на порог конторы и сказал: «Я делал все, как мог, а жить и работать так я не могу». Раздался выстрел. Несколько крестьян были свидетелями его последних минут.

Беднячка Шляпцева склонилась к Бугакову и произнесла: «Ах, какой ты был злой для меня...»

Кулак Пеньков вздохнул: «Что ж, будем сеяться без него...»

Если б подобное сравнение не было использовано много раз, я бы, не в силах найти лучшего, сказал, что в этой истории, в этой судьбе, как в капле, отразился огромный мир социальных потрясений — уменьшенно, но неискаженно.

Как короток путь от ошибок «большой политики» до трагедии «маленького человека».

И как долгие пути от ошибок к их исправлению. И не вернешь погибших в тех «кулачных боях». Но работа над ошибками нужна их детям, и внукам, и правнукам. Каждому из нас. И тем, чьих дедов не кулачили в тридцатом.

Омская область

«Продолжить разговор и подготовить публикацию в «Парусе» поручено члену Малой редколлегии Ире Гурьевой. Прямо на ее имя можете и присылать письма со своими мыслями о школьном самоуправлении...» — так заканчивалась заметка «Сами управляемся», опубликованная в № 3. Ира Гурьева — это я, ученица (а когда журнал выйдет в свет, то уже выпускница) 163-й минской школы. Работать мне было трудно. И не потому, что пришло мало пи-

сем, а потому, что большинство из них начиналось словами: «Ира, расскажи нам о самоуправлении! Ты, наверное, знаешь, что это такое...» А я-то наивно полагала, что расскажут мне...

В общем, решили, что для затравки разговора Вика Брюло, тоже «малая редколлега», съездит в Могилев, где, по слухам, имеется интересный объект для наблюдений. Отчет Вики о командировке — перед вами.

Я приехала в Могилев 13 числа. Автобус № 13 довез меня до тринадцатой школы. Школа как школа, ничем не выделяется среди других. Человеку непосвященному будет непонятен, например, такой разговор: «Только и слышишь: тринадцатая, тринадцатая... Что у вас там происходит?» — «Да так, шумим помаленьку».

Что же это за шум такой, задумается непосвященный. Может, это связано с тем, что школа находится, говорят, в самом «бандитском» районе? Или с тем, что неподалеку от нее расположен винно-водочный магазин? Кто его знает, ведь шумят же чего-то...

Нет, уважаемый непосвященный. Дело совсем не в этом. А в том, что года два назад в школу пришел новый директор, Михаил Николаевич Барышников, и сказал: «Хватит!» Хватит бездельничать. Пора брать в свои руки все управление школьными де-

Малая редколлегия СЧАСТЛИВАЯ 13-я

лами. Пора становиться настоящими хозяевами школы. «Давно пора!» — поддержали ученики.

Быть моим гидом в школе согласилась Аня Калиновская, командир микроколлектива «Данко».

— Что такое микроколлектив? — первым делом интересуюсь я.

— Как, ты не знаешь? Ах, да... — и следует длинный монолог, из которого я узнаю массу интересного о структуре школьной организации. Оказывается, школа разделена на

4 микроколлектива, каждый из которых отвечает за конкретное Большое Дело.

— Вот мы, «Данко», — объясняет Аня, — собираем работы ребят — рисунки. Создаем свой Эрмитаж. Представляешь, будет постоянная выставка при школе.

— А остальные коллективы?

— Собирают материалы о воинах-интернационалистах, занимаются поисковой работой, готовят праздники, соревнования... Дел-то много.

Ребята делились со мной своими планами. Хотят построить в школе свой бассейн («после уроков плавать будем!»), хотят сделать теплицу («будем выращивать там овощи и цветы. Здорово, да?»).

Тоня Пекур мечтает видеть в школе свой собственный ансамбль.

— Михаил Николаевич, давайте группу свою создадим.

— Создавайте, я вам не даю разве?

Рисунки Людмилы
СЕЛИВОНЧИК

— А деньги?

— Думайте.

Несколько минут все изображают на лицах усиленную работу мысли, и наконец кого-то «осенило»:

— Михаил Николаевич, у вас же есть идея!

Конечно же, у него есть идея. Но вот почему ребята думать не хотят? «Как это не хотим? — возмущаются они. — А кто придумал...» И идет целый список Больших Дел, которые и придумали, и сделали сами школьники.

В конце концов деньги решено заработать следующим способом: на субботнике каждый старшеклассник возьмет себе в помощь малыша, и на пустыре перед школой они посадят по нескольку тополиных веточек. Через 2-3 года веточки станут саженцами, и тогда их можно продавать организациям-озеленителям. Тут же узнали цену — 40 копеек штука. Если посадить десяток-другой тысяч веточек...

— Так это не только на инструменты для ансамбля хватит. Часть денег можно будет израсходовать на новые школьные мастерские, — подытоживает директор.

Идея всем настолько нравится, что тут же поднимается невообразимый шум, обсуждаются подробности.

Сказано — сделано. Через три дня перед школой уже не пустырь, а маленький тополиный питомник.

Вообще производительным трудом в школе руководит Совет мастеров, состоящий из учеников.. Заработано уже больше двадцати тысяч рублей. Часть ушла на зарплату тем, кто шил фартуки и рукавицы, клеил коробки и сколачивал ящики. Остальными распоряжается Большой Школьный Совет.

Совет и в самом деле большой — в него входят 178 человек, в том числе 62 ученика и 34 родителя. Собирается он довольно редко — два раза в год, но принимает самые важные ре-

шения, которые обязательны для всех.

Там, где Совет, — там, естественно, и выборы.

— Хочешь узнать, как в этом году в шестом «А» классе проходили выборы председателя совета отряда?

Выдвинуты были четыре кандидатуры. Каждый кандидат представлял свою программу работы на будущее, а избиратели, придирчиво ознакомившись с каждой из них, решали, кому же оказать доверие. Председателем была избрана девочка, которая среди прочих пунктов программы выдвинула такие: мы будем лучше учиться, если создадим крепкий коллектив, а для этого нам нужно больше бывать вместе вне школы; уроки труда у мальчиков и девочек проходят отдельно, а это неправильно. Нужно объединиться.

Шестиклассники единодушно решили: да, все это так. Нам нужно быть вместе.

Отныне уроки труда сделаны для них общими.

Когда я прощалась с Михаилом Николаевичем, в кабинет просунул голову паренек лет четырнадцати: «Мы тут с ребятами одну штуку придумали, посоветоваться бы надо...» К сожалению, я так и не узнала, что это за штука. Отвлекла Аня! Она сказала:

— Приезжай осенью. Мы будем проводить аттестацию учителей. И вообще у нас грандиозные планы.

Конечно же, я приеду.

Виктория БРЮЛО,
член Малой редколлегии
«Паруса»

Теперь перейдем к письмам, из которых составлен тематический выпуск «Абзаца» — стеновой газеты Малой редколлегии. Свои замечания и соображения ответственная за выпуск Ира Гурьева вынесла на поля.

Типичное, на мой взгляд, письмо эпохи уже не-застоя, но еще и не-перестройки — когда старшеклассник почувствовал, что можно говорить, но что говорить, еще не знает, да и стоит ли действовать, еще не решил. Но если ты сама не веришь в перемены, то откуда же им взяться? Шаталова на всех не хватит...

«ВПЕРЕД, К ШАТАЛОВУ!»

Недавно в нашей школе проходил день самоуправления. Я вела уроки в младших классах. Боже мой, как дети рвались отвечать! Как я боялась вызвать одного, чтобы не обидеть другого! Они, словно губка, впитывали каждое мое слово, каждый жест... Когда я увидела этот лес рук, у меня просто глаза стали квадратными. А ты стоишь, как дура, у доски и гундосишь свое «а теперь, дети, займемся правописанием...» И с такой вековой назидательной интонацией, что просто сама задыхаешься.

Когда я вышла из кабинета, первая моя мысль была: «Как школа убивает желание учиться!»

Маленькие дети идут в школу, как на праздник. А посмотрите на нас, старшеклассников. Идешь и мечтаешь: «Как все надоело, свернуть бы сейчас за угол». И все равно тащишься, как на каторгу...

У нас есть заслуженная учительница, которая влюблена в свой предмет. Изо всех сил сеет она в нас разумное, доброе, вечное, но в таких формах, что иногда выть хочется. И еще удивляется, что до нас не доходит!

Если честно, не верю я что-то, чтобы в нашей школе что-нибудь изменилось. Читаешь газеты и думаешь: «Бросить бы все и удрать в Донецк». Честное слово, поселилась бы хоть в пригороде, в деревне, только чтобы мои дети могли учиться в школе у Шаталова.

Людмила ШАХОВА,
девятиклассница,
г. Полоцк

НО ТУТ ПРИШЛА ИНСТРУКТОР С ИНСТРУКЦИЕЙ...

...К этому отчетно-выборному собранию мы готовились долго и тщательно. Выборы решили проводить тайным голосованием, учтя ошибки прошлого. В каждом классе были выдви-

нуты и обсуждены кандидаты в члены комитета комсомола и на должность секретаря.

В конечном счете у нас осталось 17 кандидатов в члены комитета комсомола, из них четверо — кандидаты в секретари.

Все у нас было готово, распечатаны бланки для тайного голосования. Но... тут-то и «обломилось», простите меня великодушно за такое выражение. Нежданно-негаданно, как бывает в детективных романах, приехала к нам методист из обкома ВЛКСМ. Ознакомилась с предстоящим ходом собрания, откорректировала проект решения и приступила к «разоблачению инициативы»:

— Ребята, так делать нельзя, это противоречит инструкции, — такой был дан ответ. У нас весь задор — на нуль, тем более, что тут же была загашена еще одна инициатива — создать в школе «Комсомольский прожектор».

— А у меня инструкция, — сказала инструктор, — в школе «Комсомольские прожекторы» не создаются!

После этого, кстати, она выступила на собрании и сказала, что никакой комсомольской работы у нас не увидела.

Вот и получается на словах «развитие самоуправления и поддержка инициативы», а на деле... Ставлю эти точки и очень надеюсь, что нас поймут.

Аня КАНОНЕРОВА,
г. Райчихинск,
Амурская область

САМОУПРАВЛЕНИЕ — ЭТО СИЛА!

Я секретарь комитета комсомола, поэтому вопросы самоуправления — большие для меня. Не знаю, может, в других школах не так, но нашим комсомольцам нужна строгая, жесткая дисциплина. На той стадии, на которой находятся наши комсомольцы теперь, просто смешно говорить о самоуправлении!

Пытаюсь искать вину в себе. Не предлагала интересных дел? Предлагала. Но чуть первые

сложности — и интерес у них пропадал, а я оказывалась во всем виновата.

Моя мечта (увы, кажется, неосуществимая) — чтобы комитет комсомола состоял процентов хотя бы на шестьдесят из парней. И чтобы секретарь был парень. Когда в комитете один-два парня, они просто забиты. А так была бы сила! И получилось бы самое настоящее самоуправление. А девчонка... Заседания комитета превращаются в базар. Нет, если меня на следующий год оставят секретарем, я буду проводить жесткую политику. К ним с лаской да с участием, а они уже и на Устав плюют. Пока в комсомоле «трутни» — никакого самоуправления не будет. Вот моя позиция.

Светлана ЮДАНОВА,
г. Сыктывкар

ОБЪЯВИЛИ ПО РАДИО

Вот уже почти целый год пытаются внедрить самоуправление в школе. Почему же это не получается? Мы в своем 9-м классе решили высказаться по этому поводу.

— **Что такое самоуправление!**

— Самоуправление — это творчество масс. Масса — это мы. «Мы» состоит из «я». Самоуправление — это я!

— **Есть ли самоуправление в нашем классе, школе!**

— Какое же это самоуправление, если нам о нем объявили по радио!

— У нас существует только кучка «самоуправителей», а остальные пассивны.

— Учитель скажет что-то сделать — мы бежим и делаем...

Вот так мы поговорили. Теперь надо действовать, продвигать идею самоуправления в школьный коллектив.

Мария КОТОМЦЕВА,
г. Пермь

КАКИМИ ВЗРОСЛЫЕ ХОТЯТ НАС ВИДЕТЬ!

Ученическое самоуправление — это необходимость для школы. Не надо бояться, что пионерская или комсомольская организация ошибется. В конце концов, исправлять ошибки придется нам самим.

...Проведение вечеров и дискотек комитет комсомола у нас взял на себя. Педагоги выделяют одного дежурного. Меня (я секретарь комитета комсомола)

и других комитетчиков учителя приглашают на планерки. А мы вместе с ними составляем планы работы комитета.

Мы работаем на животноводческой ферме, зарабатываем. Деньги между классами делим сами, обиженных вроде нет. Управляя, мы учимся самостоятельности, активности, хозяйственности — а ведь именно такими взрослые и хотят нас видеть.

Игорь КРИЦКИЙ,
с. Самойловка,
Красноярский край

ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ «КЛАССНОЙ»!

Небольшой опыт самоуправления накопила наша школа. 9 «А» класс работает без классного руководителя, на полном самоуправлении, с 1 декабря 1987 года. Существует Совет самоуправления, который ведет журнал, проверяет дневники, проводит родительские собрания.

В каждый дневник вшиваются такие вкладыши: «Эксперимент. Класс без классного руководителя». На одной страничке написано: «Товарищи родители! Актив класса, учителя благодарят вашего сына (дочь) за успехи в период эксперимента». И оставлено место для конкретных записей, похвал. А на обороте: «Мы просим вас обратить внимание на недостатки вашего сына (дочери), мешающие проведению эксперимента».

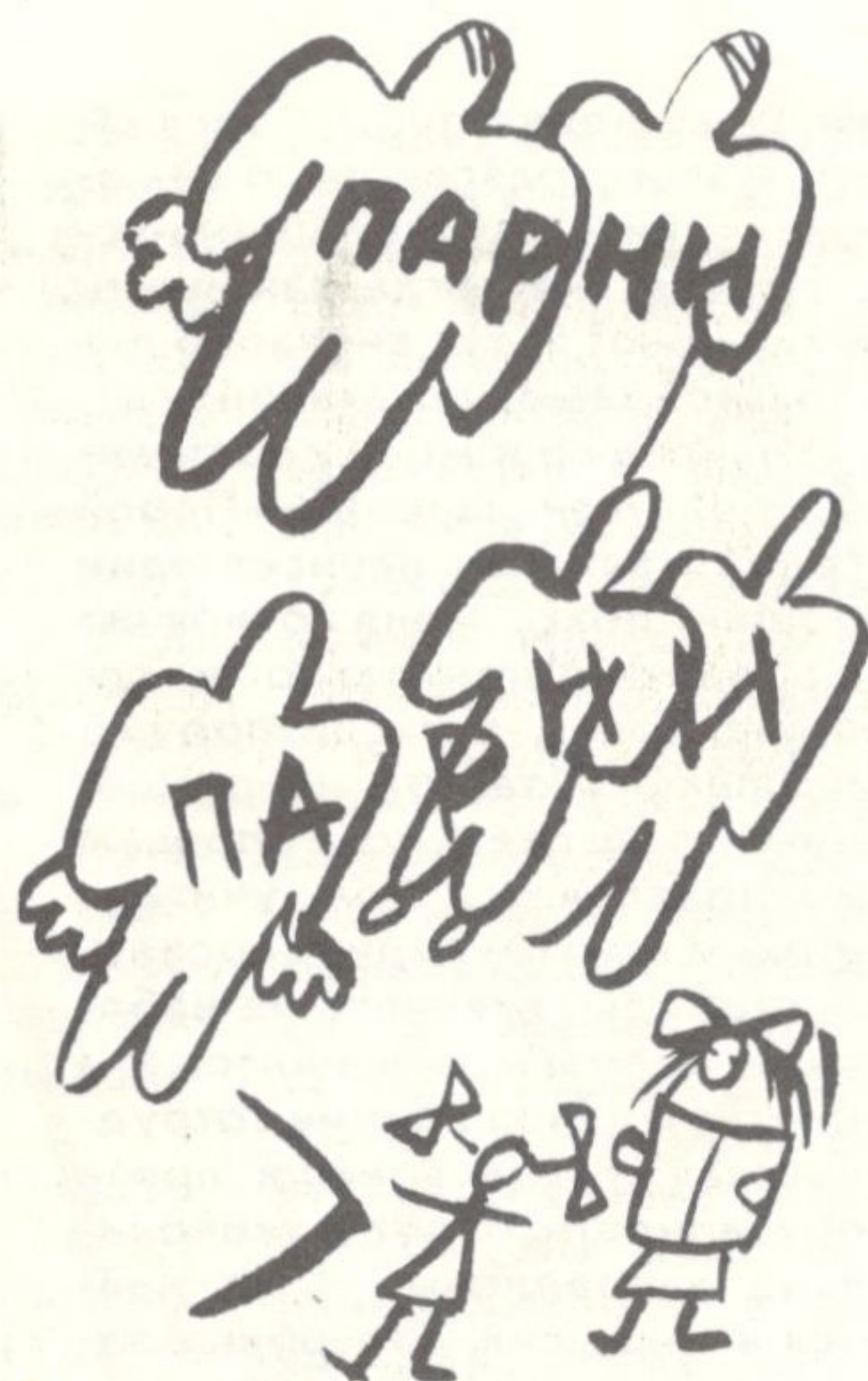
Если вам будет интересно узнать подробнее, как идут у нас дела, пишите по адресу: 352100, Краснодарский край, г. Тихорецк, школа № 8 им. Д. Благоева.

ПО СИСТЕМЕ «4+2»

Я предлагаю ввести в школе «мою» систему уроков. (Ставлю кавычки, потому что наверняка такое уже кто-нибудь придумал). Итак: 4 урока в день считаются основными и даются, как обычно. Остальные же выбираются учащимися по их желанию. На месяц составляется график, сделанный по заявкам учеников. И если уж ты взял «две дополнительных истории», будь добр их посетить.

Тем, кто определился, кем он будет после школы, это очень удобно. Идея, конечно, недодуманная, но все-таки...

Наташа МАКАРОВА,
14 лет

Любопытный опыт, правда? Но у меня есть серьезное возражение: кто сказал, что школьное самоуправление — это непременно управление без учителей? Это совместное управление, ведь педагоги — такие же равноправные члены школьного коллектива, как и ученики. Задача настоящего самоуправления — научиться жить единым коллективом, а не «отобрать власть» у взрослых.

Интереснейший поворот разговора! Что главное в школе? Учеба. Но от организации именно этого, основного дела школьники начисто отстранены. А что же это за «самоуправление», если на его долю остаются танцы да уборка? Нужно вмешиваться во все: нужно думать о самообразовании, о факультативных курсах, о свободном посещении, о сдаче экзаменов экстерном, о праве выбора учителей... Нужна инициатива снизу!

Незавершенность, «эскизность» этого разговора о самоуправлении мне совершенно ясна. Но чем же тогда закончить публикацию? И тут внезапно передо мной замаячил «хэппиэнд». И готовился он в моей собственной, родимой школе! «Порой веселой мая», как написал один хороший поэт, меня отловила наша завуч-организатор и сообщила, что я, в числе прочих, приглашаюсь завтра на расширенный педсовет по вопросам самоуправления. Там учителя широким жестом будут даровать нам свободы, отвечать на наблевшие вопросы, а кончится это принятием «Декларации сотрудничества», где все наши права и обязанности будут законодательно закреплены. И не найдется в мире сил, способных зачеркнуть наши совместные усилия!

Ну что можно сказать о том педсовете...

Конечно, здорово, что наши руководители слышаны о педагогике сотрудничества, читают Макаренко и Иванова. Прекрасно и чудесно, что они жаждут внедрить самоуправление в ученические массы. Но...

Мы, старшекласники, сидели за первыми столами, лицом к лицу с президиумом. Учителя (человек сорок) укрылись за нашими спинами. И я буквально

но спиной ощущала настроение аудитории. Доклады слушали вполуха, переговаривались, хихикали, шелестели бумагами. Оборачиваясь, я видела, что кто-то читал, кто-то заполнял классный журнал, а одна учительница, кажется, даже вязала...

«Педагогический ринг» свелся к препирательству — кому читать радиосеть, кому получать швабры...

«Декларацию сотрудничества», принятую единогласно, я попыталась вспомнить на следующий день — и не смогла! В голове мелькали обрывки общих фраз...

Но даже и не в этом самое печальное! Мне показалось (как было бы здорово, если бы мне это действительно лишь показалось!), что и учителя, и ученики расходились с педсовета в убежденности, будто «педагогика сотрудничества», «самоуправление» — это очередные спущенные с педагогических

верхов методические новации. Что если заполнять журналы или составлять планы так, а не иначе, — получится педагогика сотрудничества. А если распорядиться не самой, а через секретаря комитета комсомола или председателя учкома, — будет самоуправление...

Первый блин, считаю, вышел комом. Но ведь на то он и первый блин, в конце-то концов. Сквородка разогревается, тесто бродит, так что давайте не оставлять усилий и стараний, чтобы испечь нечто вполне съедобное и вкусное.

...«Хэппи энда», как видите, не получилось. Зато пришло письмо, которое я и приберегла для точки в этом разговоре. В нем есть фразы спорные, но есть и те горячность, искренность, честность, которые всем нам дарят надежду.

Ирина ГУРЬЕВА,
член Малой редколлегии
«Паруса»,
ученица СШ № 163
г. Минска

Я ОТВЕЧАЮ ЗА ВСЕ

Мне 16 лет, я кончаю школу, меня зовут Ольга. Я нормальный человек, со сложным характером, с довольно широким кругом интересов. Просто затрудняюсь сказать, что мне неинтересно. Я много читаю, но любимая моя книга определилась еще года три назад. Это трилогия Юрия Германа «Я отвечаю за все». Потрясающая книга, удивительные личности! Вот «делать жизнь с кого»! А болтунов и демагогов мы в свои 16 уже навидались. Где? Да они нас в школе встречают. И с распростертыми объятьями: «Здрасьте, дети дорогие, заходите, будем рады!» И дети на десять лет попадают в обстановку всеобщей обязательной средней показухи. Спасибо, что у нас есть еще и семья, и улица. Дружными усилиями воспитывают кого надо.

Как надоело врать! На уроке спросят, выскочишь, как чертик из табакерки, отбарабанишь что надо, и молодец. А начнешь говорить всерьез, так после звонка выйдешь и встретишь одобрительные улыбочки друзей: «Ну, ты сейчас загнула, ну чистый Маркс-Энгельс...» А спрашивать, веришь ли ты во все, что только что говорила, нельзя. Нетелефонный разговор. А я верю, что это правда, что так будет! Ведь только от нас зависит, как мы будем жить дальше.

Как нужны нашей школе интересные учителя! Демократизация всего общества, она ведь и школу затронет. И ой какие тут будут перевороты! Триумфального-то шествия не получится, ведь придется ломать образ жизни и мыслей целого поколения.

Мы еще страну примем, возь-

мем в свои руки — я и мои сверстники. Мы родились и подрастали в тяжелый период, но наша юность встретила обновление страны. Нам так повезло, что наше взросление происходит в такое время! Хотя, скажу честно, вначале было горькое чувство, будто однажды утром проснулась в другой стране — не придуманной, не образцово-показательной, а настоящей, реальной. Но мы должны знать правду, от этого никуда не уйдешь, нам строить дальше.

Да, все мы разные, и увлечения у нас всякие... Но если бы не было «фанатов», представляете, как бы болотисто мы жили? А я хочу жить интересно, я хочу все видеть, все знать и за все отвечать. Я хочу быть учителем.

Верьте нам! В нас можно верить. Мы... Да что говорить, вы и сами знаете.

Ольга АЛЕКСЕЕВА,
г. Саратов

699 Все острее стал ощущать недовольство собой.

С чего бы это, кажется! Считаюсь компанейским парнем. Могу оживить разговор. Любому помогу, если надо. Но все чаще кажусь сам себе «белой вороной». Хочется жить, действовать, любить. Приносить какую-то пользу. Возможно, это все оттого, что я до сих пор всерьез воспринимаю романтические образы в жизни и в литературе. А вот окружающие отталкивают духовной несостоятельностью. Ведь если хватаешься за что-нибудь, что сильно тебя заинтересовало, если вкладываешь в дело время, энергию — обязательно отыщется кто-нибудь, чтобы пыл охладить: «Куда, мол, торопишься. Тише едешь — дальше будешь...» Не терплю, когда у всех «хата с краю». И вдруг заметил, что сам становлюсь таким же. Занижаю требовательность к своей жизни. Например, врубаешь музыку, погружаешься в нее глубже и глубже — и вот уже мир показался тебе не таким уж плохим и нелепым. С ним можно смириться...

Игорь, 18 лет,
г. Ленинград

700 ...Все казалось грязно - коричневым после дождя, неприятным. Было грустно, и я в ожидании мамы выглянула в окно. Лучше бы я этого не делала. Мир дома — машины, автобусы, люди, дети. Чужие все. Мамочка, зачем я на свете! Почему я всех так не люблю! А любить-то за что! Ничего никто никогда доброго мне не сделал. Ой, какое однообразие и какая на улице грязь! Почему все какие-то серо-зеленые! Все друг друга хотят надуть, облапошить. Думают, не понимаю я этого и не вижу! А я наблюдательная. Я за легкой шторкой стою, здесь, рядом. Это просто меня сейчас никому не видеть. Почему я одна та-

кая! Ленке, небось, хорошо — она не задумывается. Мне тоже хочется, чтоб хорошо было, чтоб все были родные, понимали друг друга и друг другу хотели добра... Вот вам и откровения черепашки. Трум-тара-рам. Лучше бы мне не смотреть на дождь...

Света К.,
г. Донецк

701 Человек я какой-то средний, не хороший и не плохой. Оттого никому не нужный. А еще у среднего человека скверный характер: эгоистичный, завистливый. Мое единственное увлечение — книги. Часто вижу себя литературным персонажем. Кажусь тогда сам себе героем, окруженным друзьями. Но из-за трусости, нет, не из-за стеснительности, а именно из-за трусости, до сих пор не имею друзей. Даже с девушкой ни разу еще не отважился познакомиться. Понимаю, что так нельзя. Надо быть первым или последним, но выползть обязательно из усредненности. Вот только решимости на это нет и, возможно, не будет...

Сергей П.,
Волгоградская область

702 Я — меломанка. А если точнее — музыкальная наркоманка. Фанатка одного исполнителя. Предвижу саркастические смешки про неземную любовь к «звездам». Все сложнее. Когда звучит его голос — ничем не могу заниматься. Только слушаю. Такой музыкальный допинг мне просто необходим. Просыпаюсь ночью, врубаю стереосистему на наушники и слушаю до рассвета. Говорят: «Нам песня строить и жить помогает!» А вот мне все это уже мешать начало. День-два без его песен — и я становлюсь то слишком меланхоличной, то агрессивной. Не удалось записать новинку — у меня тоска черная. С каждой песней все больше впадаю в «музыкальную невменяемость». Это не просто влюбленность в певца (хоть влюбляются у нас целыми классами то в Тото Кутуньо, то в «Модерн Токинг»). У меня что-то другое. Заболевание!

Наташа,
г. Тольятти

703 Хочу стать военным летчиком. В этом деле мне бы помог военно-патриотиче-

ский клуб. У нас в городе их уже два. «Аврора» и «Подвиг». Хотелось бы создать еще один, с летной ориентацией. Конечно, одному эту идею мне не осуществить («Подумаешь, — скажут, — пацан нашелся, клуб ему подавай!») Но все же я буду ходить по инстанциям и доказывать, что многим моим сверстникам такой клуб очень нужен. Хотелось бы получить совет или помощь от энтузиастов, которые уже сталкивались с моими проблемами.

Костя Александров,
16 лет,
685010, г. Магадан,
ул. Новая, д. 29 «В», кв. 19

704 Ассоль (хоть зовут меня просто Ирина). Нет, то, что говорят все друзья, — неправда. Никакого принца я вовсе не жду и сказочной принцессой себя не воображаю. Самая обыкновенная девчонка. Разве что, в отличие от подружек, с ребятами не хожу. Просто так — не хочется. Жду, чтобы меня поняли, полюбили за мои качества, а не за одежды. Дождусь, как вы думаете?

И. Б., 16 лет,
Иркутская область

СЛУЧАЙНЫЙ ДИАЛОГ

705 Распространено мнение, что несчастья, душевные потрясения делают человека более стойким, мудрым, пробуждают в нем тягу к творчеству. Если это бесспорный факт, я — исключение из правил. Болею уже 10 лет. Одиночества и несчастий сколько угодно. Не понимаю, отчего все это меня не вдохновляет и не возвышает. Лишь боль остается, нескончаемая и оупляющая. Это — от отсутствия обычного общения с людьми. Вдруг очутилась в мире, где 4 стены, белые халаты и долгие бесконечные дни без будущего и прошлого. 5 лет была я вполне лежачим камнем, под который вода не текла. От людей отвыкла. Хоть все время была на учете в вузовском комитете ВЛКСМ. Я стучалась, билась в стены, которыми оградили себя знакомые мне люди. Меня вежливо выслушивали, не снимая масок равнодушия. Обещали поручить посильную общественную работу. Я ждала ее день, два, месяц, год. Дождалась: «Пиши,

говоря, стихи»». Но не могу же я делать то, чего не умею! И все-таки два года назад я нашла себе дело. По письмам, по объявлениям собрала любителей творчества В. Высоцкого. Извлекла из недр города «злостных» коллекционеров его записей. И вот вечер авторской песни в одном из наших ДК. Я — один из организаторов. Подошли ко мне два эрудита из ярых моих недоброжелателей («Жизни совсем не знаешь... Твоя болезнь — защита от правды жизни...») и прямо-таки исхлестали меня словами: — Ну, ты молодец! На ладан дышишь, а трепыхаешься. Кому это все нужно: тебе, нам, народу? Прямо отсюда в Вечность хочешь шагнуть!

А сегодня еще один человек сказал почти то же самое.

Опускаются руки...

Ольга С.,
г. Томск

706 Судьба распорядилась так, что я не могу ходить. Бывает, конечно, всякое. Но, если справедливо, живу интересно. У меня много друзей. Переписка перерастает в искреннюю, восхищающую меня необыкновенностью и широтой дружбу. И от этого мне самой хочется кому-то помочь, кто отчаялся. Знаю, что вместе легче преодолеть беду, сохранить веру в лучший исход в любом жизненном испытании. Умею улыбаться каждому новому дню, удивляться живому и прекрасному миру. Пишу это письмо в надежде, что кому-нибудь из читателей понадобятся моя помощь, мое сострадание. Обязательно отвечу всем.

Галина Сбитнева,
19 лет,
606448, Горьковская
область,
Городецкий р-н,
с. Дроздово

В июльском (№ 7) выпуске журнала неправильно указаны номера писем в рубрике «Ищу друга». Посылая отклики в редакцию, сообщите, пожалуйста, номер журнала, в котором опубликовано интересное вас письмо.

Рубрику ведет
Тамара САХАЩИК

«Скорая» неслась по пустынному Садовому кольцу. Врач за плексигласовой перегородкой разговаривал с водителем. В тряском салоне Валерка придерживала на весу перетянутую жгутом руку. Николаев сидел рядом, бессильно опустив плечи, смотрел в пол. Пожилая фельдшерка откинулась на своем сиденье, вытянув ноги, глубоко засунув руки в карманы плаща, наброшенного на белый халат.

— Идиоты,— сказала она.— Целый этаж идиотов... Одному отец на магнитофон не дал — из окна сиганул. Лежит, позвоночник сломал... С жиру бесятся... Чего не живет-

Окончание. Начало в № 8

авторский лист

Юрий КОРОТКОВ

АВАРИЯ

Киноповесть

ся-то? — обернулась она к Валерке. — Мы на карточки жили. С голоду качает, а вечером на танцы бежишь. Весело жили, не то что вы... Я честно скажу: я бы таких не вытаскивала. Не хочешь — не живи! Или плати за койку!.. Страна всеобщей занятости: один вены режет, другой пьет — оба при деле...

Валерка смотрела в окно.

В больнице ее сразу проводили в операционную, заставили раздеться и уложили на стол под яркие лампы.

— Глубоко порезала, — сказал хирург, молоденький парнишка в зеленом пижонском колпачке.

— Так получилось. Извините, — Валерка отчаянно трусила, облизывала пересыхаю-

щие губы, блуждала широко распахнутыми глазами по операционной, стараясь не смотреть на жутко поблескивающий инструмент.

— Давайте блокаду, — негромко велел хирург сестре. — Зачем резала-то?

— Да черепам надо было объяснить кое-что...

— А по-другому нельзя было?

Валерка цокнула языком:

— По-другому не понимают.

— Ну, теперь терпи. Больно будет, — хирург подошел к столу.

— Ха, напугали... ежа голым задом, — дрожащим голосом сказала Валерка и крепко зажмурилась.

Андрей ждал в сквере около детского музыкального театра, напротив университета — у него было «окно» между лекциями. Николаева он узнал сразу: отец и дочь были на одно лицо, только то, что казалось милым

у Валерки — густые хмурые брови, крупная нижняя губа, широкий, выступающий вперед подбородок, — у отца смотрелось грубо и жестко.

Андрей бросил сигарету, поднялся со скамьи. Николаев подошел, остановился.

— Вы — Андрей?..

— Олегович, — подсказал Андрей. — А вас?

— Алексей Николаевич.

— Очень приятно. Хотя и не надеюсь на взаимность.

Руки они, естественно, друг другу не подали.

— Только я вас прошу... как договаривались... Чтоб Валерка не знала...

— Да, конечно, — торопливо кивнул Андрей. — Как она?

— Лежит пока. Крови много ушло... Ну и психиатры там... разговоры всякие...

Они неловко помолчали. Был яркий солнечный день, сквозь плотную завесу выхлопных газов пробивались весенние запахи — оттаявшей земли и набухших почек. Родители вели празднично одетых детей в театр. По другую сторону проспекта высилась каменная громада университета.

— Не волнуйтесь, — сказал Николаев. — Я не за тем пришел... И жена никуда не пойдет... Я просто... понять хочу... — он развел руками, не зная, как объяснить.

— Вы поймите меня правильно, — заговорил Андрей. — Постарайтесь поставить себя на мое место. Встречаю я девушку... У меня жена искусствовед, смотрит спектакли по всей стране. Полгода в командировках как минимум. Я живой человек в конце концов... Ну вот представьте, — неожиданно разозлился Андрей. — Стоит такая лахудра, извините... накрашена так, что лица не видно, — откуда я знал, сколько ей лет?.. Я пригласил так, мимоходом. Она пошла — ночью, к незнакомому человеку, взрослому мужчине. Что я, по-вашему, должен был подумать? И потом — я ведь не маньяк, не насильник... Я был просто потрясен, когда понял, что она девочка... после всего этого...

Николаев молча слушал, глядя в сторону и болезненно морщась.

— Она действительно сама пошла? — спросил он.

— Я взрослый человек! Смешно было бы мне валить на девчонку. Но это была ее инициатива... Она решила, а я... как кролик для эксперимента, честное слово!

Николаев тоскливо смотрел на детей, торжественно шагавших в театр, переполненных ожиданием чуда.

— Вы встречались... потом?

— Она приходила ко мне на лекцию, — Андрей кивнул через плечо на университет.

— А что вы читаете? — поднял голову Николаев.

— Литературу начала века.

— А как можно... ну, ознакомиться?

— Возьмите хрестоматию в любой библиотеке.

Николаев покивал и снова опустил голову.

— Не понимаю я чего-то... — сказал он. — Мы ведь тоже были — не подарок. Клеши тридцать сантиметров, с лампочками, батарейка в кармане. Да вы помните... Старухи вслед плевались. Патлы у меня были — вот посюда...

— Нет, нас стригли, — улыбнулся Андрей. — Весь класс с урока снимут — и в парикмахерскую строим...

— Ну да. Твист — учителям назло...

— «Битлы»...

— Ну да! Но ведь это не так, как они сейчас, — Николаев помолчал. — Она ведь меня просто не видит. Не то, чтобы изображает чего-то, а будто меня нет. Насквозь смотрит...

— А я со своим парнем нормально живу, — пожал плечами Андрей. — Хотя... честно говоря, иногда случайно взгляд поймает — страшновато становится...

— Я ведь не про то, что мы вот хорошие, а они плохие. Просто — не понимаю я... И с ней, и вообще... Не пойму, что происходит. Жили-жили, и вдруг все кувырком полетело, все через голову... — Николаев мучился от своего косноязычия, никак не мог найти верные слова. — Я один раз за угонщиком шел, разогнался километров до ста, не заметил, что асфальт впереди разворочен, влетел на булыжник: трясет, голова чуть не отлетает, руль из рук рвет... и не поймешь, то ли по тормозам бить, то ли газу дать, чтоб быстрее проскочить... — он уныло замолчал.

Андрей сочувственно кивал, не очень понимая, о чем речь, но готовый поддержать разговор.

— Ладно, — сказал Николаев. — Извините, что оторвал... Только Валерке не говорите.

— Вы не волнуйтесь. Больше ничего не будет — это я вам гарантирую, — заверил Андрей.

— Да теперь-то что, — Николаев махнул рукой и, сутулясь, пошел прочь.

Валерка неторопливо подходила к школе, жевала резинку, небрежно закинув сумку за плечо. Рукава формы были закатаны, левый локоть перевязан тугой повязкой.

Вчера ее, наконец, выпустили из больницы, взяв честное-пречестное слово, что она больше никогда так делать не будет. Валерка пообещала. Ей до смерти надоел психиатр с серьезной рожей и дурацкими вопросами, соседки по палате, истеричные, плаксивые девки. С ними было скучно. Каждый день в больницу со всей Москвы свозили неудавшихся самоубийц — «таблеточников», «висельников», «парашютистов», — быстро откачивали и распихивали по переполненным палатам. Первое время они лежали, отвернувшись к стене, потом начинали вздохнуть, не слушая друг друга, рассказывать свои трагедии. Одна восьмиклассница (ее бросил мальчик, узнав, что она беременна), пробовала уже тут, в больнице, по второму разу пере-

пилить вены какой-то железкой. Больше в палате никого не было, вставать было лень, и Валерка запустила в нее яблоком.

Отец встретил Валерку в машине. Черепа вели себя примерно, а дед вообще боязливо обходил ее. Вечером Валерка позвонила Андрею, ответил женский голос, и она повесила трубку...

На крыльце школы Валерка столкнулась с Леной.

— Привет,— робко сказала та.

Валерка молча прошла мимо.

— Валера... Ну, Валер...— Лена догнала ее.— Я все объясню... Я не виновата, честное слово... Валера! — она заступила дорогу.

Валерка остановилась, равнодушно глядя в лицо подруге.

— Ну, послушай, пожалуйста,— в глазах Лены уже копилась слезы.— Я тогда... Я тебе про него говорила, из двенадцатой школы... Почему тебе можно, а мне нельзя? А мать...— слезы покатались по щекам.— Ты же знаешь, она меня насквозь... Сразу, как я вошла... Они меня под лампу ставят, а сами сидят, как на допросе... а я подумать не успеваю...— Лена торопливо, двумя руками вытирала слезы.— Честное слово, сама не знаю, как я про тебя... Я ее просила не ходить...

Валерка с холодным любопытством разглядывала плачущую подругу.

— Они... они меня на колени поставили... Мать меня к врачу водила... Это ужас какой-то!.. Это ты виновата! — закричала вдруг Лена.— Ты! Лезешь, как дура! Все из-за тебя!

Валерка обошла ее и направилась в класс.

Она сидела в классе рядом с раздавленной, несчастной Леной, смотрела в окно, медленно перекачивая во рту жвачку.

Историчка у доски рассказывала о первых пятилетках.

Валерка вдруг поднялась, бросила учебник в сумку и пошла из класса.

— Николаева... Ты куда? — растерялась прерванная на полуслове историчка.

— Надоело,— устало сказала Валерка. Класс загудел. И затих.

Историчка подбежала к двери, закричала в коридор:

— Николаева! Вернись! Вернись, я сказала!..— с силой захлопнула дверь, подошла к столу, нервно спросила: — Так, на чем я остановилась?.. Да...— она прикусила губу, пытаясь удержать слезы.— Значит, одна тысяча девятьсот двадцать девятый год...— села и закрыла лицо руками.

Класс молчал. В тишине историчка всхлинула, полезла в портфель за платком.

— Смотрите, смотрите...— сказала она, аккуратно вытирая слезы.— Интересно, да?.. Вы у меня на экзаменах поплачете. Тогда я посмотрю...

Андрей назначил встречу у подземного перехода на Калининском. Когда Валерка наконец дозвонилась до него, он разговаривал

сухо и коротко и называл ее Валерой в мужском роде.

Был конец рабочего дня, мимо них вверх и вниз по переходу текли толпы людей, некоторые оглядывались на эту странную пару: взрослый солидный мужчина в строгом костюме с галстуком и пестро раскрашенная девица с торчащими во все стороны желтыми волосами, в кожаной куртке с железными бляхами и цепью на шее.

— А что, собственно, случилось? — спросила Валерка.

— Ну что ты, ничего не случилось,— раздраженно развел руками Андрей.— Все в порядке! Ты режешь вены, все на ушах стоят — все нормально!

— Черепа приходили? — насторожилась Валерка.

— Какая разница, кто приходил! Не в этом дело!

— А ты-то что волнуешься? — пожала плечами Валерка.— Не тебе же я вены порезала!

— Идиотизм!.. Детство какое-то! — Андрей досадливо покривился.— Я просто привык общаться со взрослыми людьми. С нормальными людьми! Ну, что еще выкинешь? Чего еще ждать? Заранее предупреди, будь добра!

— Испуга-ался,— сочувственно протянула Валерка.— Беденький Андрейчик испугался,— она погладила его по щеке.

Андрей со злостью отбросил ее руку.

— Бедный зайчика испугался! Не бойся, маленький, все будет хорошо. Тебя-то уж это никак не коснется... Слушай! — оживилась вдруг Валерка.— Хочешь, я тебе одну вещь покажу? Ужасно интересно! — она закатала рукав и стала разматывать бинт.— Нет, правда, ты такого не видел...

— Перестань...— Андрей схватил ее за руки, оглянулся на прохожих.— Ну не надо... Ну что ты, в самом деле...— тоскливо уговаривал он.

— А впрочем...— Валерка закатила глаза, размышляя.— С твоими нервами — помрешь ведь на месте. У тебя ведь и с сердцем неважно, да? В твои-то годы! А желудок, почки — ничего? В порядке?.. Ладно, живи,— милостиво разрешила она, заматывая бинт.— Живи спокойно, дорогой товарищ!.. Скучно с тобой, господи! — вздохнула она.— Ладно, чао! — она повернулась и пошла было, но тотчас вернулась, шаря по карманам, достала трояк и воткнула ему в нагрудный карман парадного пиджака.— Привет жене!

Она шагала по улице, весело посвистывая и независимо поглядывая по сторонам. Сорвала на ходу маленький, клейкий, только что вылупившийся из почки листочек, положила на язык. Лист был смолисто-горький.

Ее обогнал и тормознул белый «Жигуль» — «восьмерка», из окон смотрели четверо взрослых парней, Валерка прошла мимо. «Восьмерка» снова заехала вперед. Дождавшись, пока Валерка поравняется с машиной, загорелый, коротко стриженный

парень открыл окно и крикнул, улыбаясь:
— Девушка, покатаемся?

К концу дежурства Николаева вызвал майор — начальник отделения. В кабинете уже были Сеницын и еще двое инспекторов. Около майорского стола сидел, закинув ногу на ногу, щеголеватый парень в «варенке» со множеством карманов, клапанов, карабинов и ремешков. Сквозь аккуратно уложенные волосы предательски просвечивала начинающаяся лысина.

— Садись, — кивнул майор Николаеву. — Ну вот, товарищи, разрешите представить: у нас в гостях корреспондент молодежной газеты товарищ Новицкий, — он радушно указал на парня. Майор, улыбчивый толстяк с простоватым лицом, на тех, кто не сталкивался с ним по служебным делам, производил впечатление незатейливого, славного рубахи-парня. — По поводу инцидента на бульваре. Больше там наших не было?

Инспекторы переглянулись.

— Да нет... Вроде нет...

— У товарища Новицкого к нам несколько вопросов. Пожалуйста, — майор развел руками. — Чем можем, как говорится, поможем.

— А можно наедине? — спросил тот.

— Ну, зачем же, — укоризненно покачал головой майор. — Мы, так сказать, одна семья. У нас секретов друг от друга нет. Верно?

Инспекторы согласно закивали, настороженно поглядывая на журналиста. Тот открыл блокнот и повернулся к собравшимся.

— Я говорил с ребятами, был в отделении милиции, так что события знаю с точностью до минуты, — он указал на блокнот. — Меня интересует другое... Как получилось, что вы, работники автоинспекции, прибыв на место, не стали даже вникать в суть конфликта, а бросились выламывать руки и растаскивать ребят по машинам? Это что — защита чести мундира?

— Простите, вы неправильно это себе представляете, — вмешался майор. — Все происходило на проезжей части, ребята ложились под колеса, создавали аварийную ситуацию, подвергали опасности свою жизнь...

— Да, да, — досадливо сказал корреспондент. — Но почему нельзя было на месте спокойно разобраться в сути конфликта? Почему надо кидаться, как... на диких зверей? Почему старший лейтенант Николаев ударил человека, который даже не сопротивлялся?

— А это... — начал майор.

— Не бил я его, — сказал Николаев. — Просто толкнул.

Майор бросил на него тяжелый взгляд.

— Ударил — толкнул... — горячился корреспондент. — Это не меняет дела. А потом, когда на ваших глазах фашиствующая группа стала избивать ребят, — почему вы даже не пытались удержать этих молодчиков?

— А у нас не по десять рук, чтобы всех сразу держать, — ответил Сеницын.

— Если к нам поступит заявление от пострадавшего, — спокойно сказал майор, — мы проведем служебное расследование. И виновный — если он действительно виновен — будет наказан по всей строгости. Но я уверен, что ребята сами спровоцировали конфликт, — майор пристально оглядел подчиненных. Те согласно закивали.

Николаев, облокотившись на колени, смотрел на пол.

— А вот по моим данным... — корреспондент указал на блокнот.

— А вы, значит, считаете, что ни с того ни с сего подъехала милиция, схватила первых попавшихся...

— Именно так! Ребята сидели, никого не трогали, пели — негромко, для себя. «Битлз» — почти классика...

— Насколько мне известно, — поднял брови майор, — милицию вызвали представители общественности.

— Пенсионеры, которые выгуливают там собак. Что, кстати, запрещено.

— Ну-у, извините, — широко развел руками майор, откидываясь в кресле. — Тогда давайте сначала решим, кто у вас общественность — эти волосатые или заслуженные люди, ветераны войны и труда.

Корреспондент всплеснул руками, собираясь возразить, но майор взглянул на часы.

— У вас конкретные вопросы к работникам автоинспекции есть?.. Извините — служба. Все свободны!

Он выкатился на коротких ножках из-за стола и, радушно улыбаясь, проводил корреспондента до двери.

— Всегда с удовольствием читаем вашу газету. Если могу быть чем-то полезен — в любое время, без стеснения...

Как только корреспондент вышел, майор перестал улыбаться, обернулся к Николаеву:

— Хрен ты у меня получишь, а не премию! Перестраивайся, Николаев! Перестраивайся! Теперь сначала думать надо, потом кулаками махать!

Корреспондент поджидал Николаева на выходе.

— А все-таки скажите, вот так, с глазу на глаз — за что вы его ударили?

— А что, целовать его? — ответил за Николаева Сеницын. — Отрастил волосья...

— А будь ваша воля, вы бы всех остригли наголо и заставили ходить строем? — усмехнулся корреспондент.

Некоторое время Сеницын в упор с ненавистью смотрел на улыбающегося корреспондента, потом повернулся и молча вышел из отделения.

— Не тронь никого... — буркнул он, сядя рядом с Николаевым в машину. — Да пропади пропадом! На глазах насиловать будут — не подойду!

Мимо проехал на своем «Жигуле» корреспондент. Сеницын проводил его взглядом.

— А резина-то лысая, — удовлетворенно

отметил он. — Ты номер не запомнил?

— Да иди ты... — сказал Николаев.

Вернувшись домой, он натянул старый тренировочный костюм и присел рядом с женой и дедом перед телевизором. Шла передача «Вокруг смеха». Тут же зазвонил телефон в коридоре. Николаев нехотя поднялся.

— Слушаю.

— Машка, это ты? Это я, Валера. Слушай, бросай все — вали сюда! — донесся веселый Валеркин голос.

— Что?

— Не узнала, что ли? Это Валера! Быстро приезжай — не пожалеешь!

— Ты что, пьяная, что ли? — раздраженно спросил Николаев.

— Нет! Только не вешай трубку! Ну, ты тупая, Машка, вообще! — отчаянно-весело закричала Валерка. — Говорю — приезжай! Здесь крутая тусовка! Крутейшая! Такие кенты — упадешь! Давай сюда!

— Ты... влипла в историю? — тише спросил Николаев. Он дотянулся до двери в комнату, прикрыл.

— Ну да! Да! Врубилась наконец! — на том конце провода началась возня, видно, кто-то из «крутых кентов» рвал трубку, желая лично поговорить с подружкой Машей. — Тихо, там черепа на параллельном, — негромко, но так, чтобы было слышно Николаеву, сказала Валерка.

— Мне приехать? — тревожно спросил Николаев.

— Ну, конечно!

— Вызвать милицию?

— Нет-нет-нет!

— Сколько их?

— Сейчас, — Валерка весело начала считать. — Раз, два, три, четыре! На тебя хватит! Такие мальчишки...

— Где ты?

— Сейчас объясню... Какой адрес? — торопливо зашептала она. — Да, да, на моторе... Новокузнецкая, двадцать семь, квартира девять. Второй этаж. Бери тачку, без тебя не начнем, не волнуйся!..

Николаев подхватил с вешалки куртку.

— Ты куда? — выглянула из комнаты жена.

— Майор просил подскочить. Я быстро.

— Ну, конечно! Без тебя обойтись не могут... — начала была жена, но Николаев уже бежал вниз по лестнице...

На Новокузнецкой у старого дома с арками он вышел из машины. Ключи оставил в замке зажигания. Вытащил из-под сиденья обрезок литой резиновой трубы с металлической оплеткой, спрятал под курткой.

У квартиры номер девять прислушался к голосам за дверью, коротко позвонил и замер, затаив дыхание. Щелкнул замок, Николаев тотчас ногой отбросил дверь вместе со стоявшим за ней парнем и пробежал в комнату. В комнате, освещенной только шаром напольной лампы, увидел Валерку — ее уже

раздели по пояс, двое парней прижимали ее к дивану, третий пытался стащить джинсы. Парни разом обернулись к Николаеву. Валерка вырвалась, вскочила. Один из парней поймал ее за плечо, вывернул руку, другой встал перед Николаевым в низкую стойку каратэ, выставив вперед ладони.

— Отпустите ее, быстро! — Николаев выхватил из-под куртки дубинку, отступил к стене, чтобы видеть оставшегося сзади в коридоре четвертого парня.

— Боб, отпусти, — спокойно сказал загорелый, коротко стриженный парень. — Только без шума! Алик, без шума! — остановил он каратиста.

Валерка подобрала валявшиеся на полу свитер и куртку, подбежала к отцу. Ее будто прорвало, слезы брызнули фонтаном:

— Подонки!.. Скоты!..

Николаев подталкивал ее к двери, отступая лицом к парням, сжимая в руке дубинку.

— Актриса... — улыбаясь, сказал загорелый. — Ничего, скоро увидимся.

Николаев быстро повел дочь вниз по лестнице, отводя глаза от белевшего в сумерках тонкого тела. Валерка шла вслепую, ничего не видя из-за слез: путаясь в рукавах, натягивала свитер. На улице подскочила к белой «восьмерке», стоявшей у подъезда, пнула ногой в дверцу, оглянулась, ища что-нибудь тяжелое. Николаев оттащил ее и усадил в машину. Завел мотор и только тогда чуть расслабился, оглядел свою жесткую ладонь, на которой остался рубчатый узор металлической оплетки, с удивлением отметил, что трясутся пальцы.

Валерка плакала рядом, стиснув зубы, опустив голову. Николаев посмотрел на нее, неожиданно дрогнувшим голосом сказал:

— Ничего... Все нормально... Ничего... — неумело погладил ее по взъерошенным желтым вихрам. Валерка досадливо отдернула голову.

По дороге домой Николаев несколько раз оглянулся, нет ли на хвосте «восьмерки» — на случай, если веселые ребята решили проследить, где Валерка живет. Дочь понемногу успокоилась, угрюмо смотрела на свои колени.

У дверей квартиры, доставая ключи, Николаев тихо сказал:

— Сразу в ванную, умойся. И чтоб мать ничего...

Валерка молча кивнула.

Николаев открыл дверь, прошел в комнату.

— Ерунда какая-то, — сказал он. — Дергают по каждому пустяку...

— Валерка, что ли, пришла? — спросила жена, прислушиваясь к шагам в коридоре.

— Да... встретились во дворе...

В отделении шел последний инструктаж перед операцией. Инспекторы сидели в кожаных куртках, перепоясанные портупеями, смотрели на карту города, по которой скользила указка.

— Наиболее вероятные направления движения, — показывал майор, — Вернадского, набережные, Университетский. Соответственно работают группы Дубинина, Тимашова, Полярина. Всем быть на связи... Что еще? Действовать по возможности корректно, на провокации не отвечать. За одиночками не гоняться — четыре аварии с начала года... Ну, в общем, все как всегда. По машинам.

Инспекторы стали расходиться. Майор окликнул Николаева и Сеницына.

— А вам, так сказать, особая честь, — ухмыльнулся он. — Поможете нашей прессе. Наш добрый знакомый — товарищ Новицкий, — он указал на корреспондента, до того незаметно сидевшего в дальнем углу кабинета с карманным диктофоном в руках, — хочет быть в гуще, так сказать, событий. Будни работников автоинспекции... Все ясно? — спросил майор, обращаясь к Николаеву.

— Ясно, — буркнул тот, неприязненно глянув на «доброе знакомое».

Патрульные машины одна за другой отваливали от подъезда, выворачивали на улицу...

В Лужниках, рядом с огромной чашей стадиона, грохотали сотни моторов. Лучи фар выхватывали из темноты сверкающие спицы колес, шлемы-колокола с узкой прорезью для глаз, черные куртки со стальными бляхами. Вся эта темная масса находилась в непрерывном хаотическом движении.

Николаев, Сеницын и корреспондент сидели в машине рядом с перекрестком узких старых улиц. Поодаль на асфальтовой площадке стояли фургоны «Совтрансавто»: «дальнобойщики» ужинали в кабинах.

Монотонно бубнил радиотелефон. Сеницын курил, пытаясь выдохнуть ровное кольцо дыма, Николаев сосредоточенно отскребал въевшееся в пальцы масло, корреспондент на заднем сиденье неторопливо ждал событий.

— А что будет ребятам? — спросил он.

— А ничего не будет, — ответил Сеницын. — Родители штраф заплатят...

— А вы, конечно, считаете, что их надо бы в колонию отправить?

Сеницын дернулся, но промолчал.

— Наверное, проще было бы не устраивать вот такие засады, а организовать ребят, увлечь общим делом, — сказал корреспондент.

— Предлагали. Кланялись. Натянуть вам инструкторов, чего хотите... А им не надо ничего. Только потрястись под «металл», как припадочным, прокатиться без глушителя да снюхаться в подъезде, как собачонкам...

— Как у вас все просто, — усмехнулся корреспондент.

— А чего сложного?.. Это вы пишете черт-те что, а мы расхлебываем.

— А вы считаете, что если закрыть глаза, то исчезнут и рокеры, и проституция, и наркомания?

— Пока не писали — меньше было. А теперь — как же, герои! В газете про них, радио про них, телик включаешь — и там про них! Раньше космонавтов показывали, теперь наркоту.

Николаев вышел из машины, втиснулся в будку автомата, позвонил домой. Ответила жена.

— Валерка вернулась?

— С чего бы в такую рань?..

— Не звонила?

— А когда она тебе звонила? — завелась жена. — Когда ей звонить — опять с мужиком где-нибудь...

— Ладно, все, — Николаев повесил трубку, вернулся в машину.

— А вам не кажется, что эти ребята оказались честнее, смелее всех нас? И беззащитнее, — ораторствовал корреспондент. — Когда все молчали и закрывали глаза...

В хаотическом движении около стадиона вдруг появилась какая-то осмысленность, какой-то вектор, указывающий направление. Моторы загрохотали громче, из выхлопных труб со снятыми глушителями полетели искры. Разогнавшись по кругу, вытягиваясь в колонну, темная масса выплеснулась на проспект и понеслась по центру проезжей части. Встречные машины жались к обочинам.

— Внимание, всем постам! Рокеры на Вернадского!.. — по радиации началась переключка, постовые сообщали направление движения колонны.

Корреспондент, подавшись вперед, впился взглядом в радиотелефон, стараясь не пропустить ни слова.

— Прошли по набережной. До двухсот машин... Свернули к Пироговке...

— Семнадцатый! Николаев! — послышался голос майора. — Идут к тебе! Начали!

— Принял семнадцатый! — чуть приподняв трубку, крикнул Николаев. Они с Сеницыным подбежали к «дальнобойщикам». Корреспондент бросился следом.

Тяжелые машины стали медленно разворачиваться, перегораживая улицу. Издалека уже надвигался плотный рев моторов. В конце темной улицы заметался свет фар и появилась колонна. Задние светили в спину первым, отчего темные силуэты мотоциклистов были окружены фосфорическим сиянием.

Увидев препятствие, первые ударили по тормозам, задние напирали, строй смешался, завизжали шины по мокрой мостовой. Рокеры разворачивались, кто-то повалился с мотоциклом под колесо мчавшимся следом. А в конце улицы уже выворачивал тягач с полуприцепом, закрывая путь к отступлению.

— Эй, уйди! — заорал Николаев корреспонденту, который стоял у тротуара, подняв над головой диктофон, с радостным интересом глядя на моторизованную орду. — Уйди, писатель!

Крик утонул в грохоте моторов. Кто-то из рокеров зацепил журналиста широким спортивным рулем, тот качнулся назад и столкнулся с другим, упал и исчез в водовороте разворачивавшихся мотоциклов.

— Всем остановиться! Приготовить документы! — прогремел с патрульной машины динамик.

Но рокеры — почти две сотни мотоциклов, — оказавшись в западне, не желали сдаваться, кружились на месте, гарцевали на заднем колесе, накатывались на милиционеров, угрожающе газовали. Те, как тореадоры, лавируя между мотоциклами, стаскивали ездоков с седел, выдергивали ключи из замков. Из окон окрестных домов смотрели на окутанное клубами выхлопов поле боя разбуженные жители.

Вскоре прибыло милицейское подкрепление, и стало ясно: сегодня рокерам не уйти. Они сами начали глушить моторы.

Наклоняясь на каждом шагу, будто баюкая на груди перебитую руку, появился корреспондент в разорванной, грязной куртке. Его увели к патрульным машинам.

— Набрал материалу! — хохотнул Сеницын.

В этот момент кто-то из рокеров случайно наехал на штакетник, огораживавший небольшой палисадник у дома. Штакетник упал, и в образовавшийся ход проскочили человек десять. Сеницын бросился к машине, Николаев на ходу запрыгнул на сиденье рядом с ним.

Рокеры, погасив габаритные огни, мчались по темной улице. Двое вильнули в переулок, еще несколько скрылись в проходном дворе, другие свернули на крутой зеленый газон и, помогая мотоциклу ногами, вспахивая колесами землю, вскарабкались наверх.

В свете фар патрульного «Москвича» остался один мотоциклист, Сеницын почти настиг его, и у парня уже не было возможности притормозить, чтобы свернуть куда-нибудь. Он выкрутил до упора газ и мчался вперед напропалую.

— Брось, разобьется! — крикнул Николаев.

— Хоть одного, но достану! — зловеще сказал Сеницын. Он, цепко прищурившись, будто прицелившись, гнал машину посередине узкой улицы. — Врешь, паразит... от меня не уйдешь!..

Внезапно перед мотоциклистом возник из темноты полосатый щит ограждения дорожного ремонта. Не успев даже затормозить, рокер врезался в него, перелетел через руль и покотился по асфальту.

Сеницын и Николаев одновременно выскочили из машины, подбежали к рокеру. Тот распластался на краю глубокой траншеи, веловко подмяв под себя руку.

— Убился, что ли? — испуганно сказал Сеницын.

Николаев присел, осторожно повернул рокера за плечо, расстегнул ремешок шлема и снял «колокол». Рокер оказался мальчишкой

лет пятнадцати, из носа и ушей у него текла кровь.

— Слушай, поехали, — сказал Сеницын. — Знаешь, что будет...

— «Скорую» вызови, — не оборачиваясь, сказал Николаев.

Мальчишка вдруг открыл глаза и зашептал, еле шевеля губами:

— Ой, мама... мама... мамочка... ой, мама... — как заведенный.

— Слушай, брось, — Сеницын торопливо оглядывался на окна — улица была нежилая. — Брось, сам разбился...

Николаев поднялся, сгреб его за ворот куртки, притянул к себе — и толкнул к машине.

— «Скорую», — ровным голосом сказал он.

— Как знаешь. Ты старший. Тебе виднее, — Сеницын пошел к машине.

Николаев снова присел, попытался поднять парня, тот охнул и быстрее зашевелил губами:

— Ой, мамочка, больно... больно... больно...

Николаев подоткнул ему шапку под голову и стал ждать «скорую», тоскливо глядя в темный провал улицы.

В отделении майор сердито проворчал:

— Ну что, загнали парня? Работнички. Костоломы.

Гаишники возвращались в отделение, оживленно обсуждая удачную операцию.

— Пиши рапорт, — сказал майор.

Николаев взял со стола лист бумаги и пошел к двери.

— Кто за рулем-то был? — окликнул его майор.

— Какая разница, — буркнул Николаев.

— Ну что ж, будем разбираться.

На выходе из школы Валерку догнал Киселев.

— Слышь, Авария! Погоди, поговорить надо...

Подошли Кирилл, Пухлый и еще несколько ребят.

— Это... история завтра, — сказал Киселев.

— Ну?

— Понимаешь, Валера, — Кирилл сложил пальцы щепотью и приготовился рассуждать. — Каждое действие имеет свои границы, пределы... м-м... ограничивающие направление. Выходя за эти рамки, можно довести идею до абсурда, до противоположности. Понимаешь, экстремизм порочит саму идею...

— Короче, Авария, — сказал Киселев. — Хватит этих концертов. Нам экзамены сдавать. Вера уже обещала сладкую жизнь. Она сделает.

— Правда, Валер, кончай... — сказал Пухлый.

Валерка оглядела одноклассников, улыбнулась. И пошла, закинув сумку за плечо.

— Короче, мы тебя предупредили, — сказал вслед Киселев.

Дома Валерка размахнулась и с порога запустила сумку в угол. Врубила на полную мощность «металл» и под бешеную музыку, надменно глядя в зеркало, рисовала до висков черные тени вокруг глаз, фиолетовый румянец на щеках, натягивала кожаные браслеты с шипами, куртку и обрезанные перчатки, обматывала вокруг шеи холодную цепь.

Она шагала по вечерней улице, сунув руки в карманы, нагло, с вызовом заглядывая в лица прохожим...

Параллельно, чуть сзади, двигалась белая «восьмерка». Четверо парней курили, внимательно наблюдая за Валеркой.

— Не торопись, Боб,— сказал загорелый водителю.

— Бросьте, мужики,— нервно засмеялся сидевший сзади.— Собирались же в «Арбат». Там и снимем...

— Успеем,— Боб глянул на часы.— Забавно ведь.

— Лично я чувствую себя оскорбленным,— сказал загорелый.

— Солидарен,— сказал каратист.

— Нет, мужики, без меня! — парень, сидевший сзади, не выдержал, попытался выбраться из машины, каратист и загорелый удержали его, в салоне началась веселая возня.— За пять минут удовольствия десять лет сидеть!

— Да ничего не будет! Поиграем немного и отпустим!

— Ты хорошо о них думаешь,— сказал загорелый.— Отряхнется, как курочка, и дальше пойдет...

Они втоптали Валерку в уже знакомую ей комнату. Отпустили и расступились, нервно, азартно посмеиваясь. Загорелый сел в кресло, закинул ногу на ногу, неторопливо прикурил.

— Ну что? — спросил он.— Сегодня обойдемся без подруги Маши?

Валерка рванулась в одну сторону, в другую — парни сторожили каждое ее движение. Она прижалась спиной к стене, затравленно озираясь.

— Понимаешь, деточка,— менторским тоном сказал загорелый,— существуют какие-то элементарные правила игры. Хочешь покататься на красивой машине — плати. Или уж не садись...

— Отпустите меня!.. Вы!.. Ну, ты, отойди вообще! — металась Валерка между парнями.— У меня отец в милиции работает, понял? А-а-а!! — вдруг истошно завопила она.

Парни весело, с удовольствием смеялись. Загорелый врубил магнитофон на полную громкость, заглушая крик.

— Сама или помочь? — каратист взялся за молнию на куртке.

Валерка с силой ударила его головой в лицо и бросилась к двери. Боб поймал ее за цепь и рванул к себе, намотав цепь на кулак, так что звенья врезались в горло.

Парни перестали улыбаться. Каратист вытер кровь с губы.

— Ах ты, сучка... — медленно протянул он. Двое прижали Валеркины руки к стене, и каратист стал не торопясь, сильно, умело бить ее по лицу, в живот. Валерка уже не сопротивлялась, только плакала от боли и бессилия. У нее подогнулись ноги, ее рывком подняли и поставили на место.

— Хватит, Алик,— сказал загорелый. Он встал и, не выпуская сигарету изо рта, щуря глаза от дыма, неторопливо принялся раздеваться. Разделся догола и, поигрывая рельефной, тренированной мускулатурой, подошел вплотную.

Окровавленная, растерзанная Валерка слабо попыталась освободиться, ее удержали.

— Ну... ну... — загорелый распахнул на ней куртку, стал одну за другой расстегивать пуговицы на рубашке, молнию на джинсах.

Валерка, распятая у стены, отворачивалась, закрывала глаза, беззвучно плакала.

Николаев махнул жезлом, и новый «Москвич» серебристой окраски, нахально срезавший нос соседу, остановился перед патрульной машиной. Водитель, высокий спортивный парень, вылез из «Москвича» и пошел навстречу.

— Старший инспектор Николаев. Почему нарушаете?

— Командир, давай без риторических вопросов. Со всяким бывает,— спокойно сказал парень, протягивая права.

— Почему со мной не бывает? — сухо спросил Николаев.— А это что? — в правах лежал новенький, негнувшийся червонец.

— А это экономический стимул,— усмехнулся парень.— Рублем по карману — в свете последних постановлений...

— Штраф вы заплатите,— медленно, четко сказал Николаев, с ненавистью глядя в уверенное лицо парня.— Только не мне, а в сберкассе.

— Зачем лишние инстанции, командир? Мне ведь все равно кому платить.

— Мне не все равно,— отрезал Николаев, доставая компостер.

Парень насмешливо оглядел его.

— Смешной ты, командир. Завтра у меня будут чистые права, а вот у тебя этого червонца не будет.

— Это ваше дело,— буркнул Николаев. В машине подал голос радиотелефон. Николаев открыл дверцу, взял трубку.

— Николаев, слушаю.

— Николаев? — донесся сквозь шипение и треск помех голос дежурного.— Позвони домой — жена просила.

Николаев почувствовал, что сердце проваливается в холодную пустоту, как тогда, в подвале, перед сидевшими у стены куклами с мутными полиэтиленовыми пакетами.

— Что там? — спросил он.

— Не знаю. Умоляла позвонить или приехать, как сможешь...

Николаев бросил трубку и врубил скорость.

— Эй, командир! — заорал вслед растерянный парень. — А права?..

Грохоча сапогами, Николаев взбежал по лестнице, распахнул дверь. Жена на мгновение обратила к нему безумное лицо, а затем кинулась в комнату дочери.

— Доигралась, дрянь! Нагулялась! Так тебе и надо, потаскуха!

Валерка, в изорванной, грязной рубашке лежавшая ничком на диване, поднялась на колени — разбитые губы сочились кровью, кровь коркой засохла под носом, по щеке тянулись следы от ногтей.

— Уйди!!! Уйдите все от меня! — она судорожно оглянулась по сторонам, схватила магнитофон и запустила им в мать.

Магнитофон грохнулся рядом с Николаевым, корпус треснул и разлетелся. Валерка снова упала ничком на диван, уткнув лицо в ладони.

— Господи... — мать, покачиваясь, пошла в другую комнату. — За что мне это... Господи, за что... Почему только мне... — она села, хватаясь за сердце.

— Сейчас, сейчас... — дед суетился, вытряхивая валидол на ладонь, рассыпая таблетки по полу. Обернулся к Николаеву: — Сообщить же надо... На экспертизу...

Николаев стоял молча, глядя на рыдающую жену. Потом вошел к дочери, осторожно присел рядом. Валерка дрожала всем телом, с силой вжимаясь лицом в ладони. Рубашка на спине у нее была изжевана.

— Я сейчас уйду... — сказал Николаев. — Только скажи... это они?..

Валерка вдруг повернулась, вцепилась в его шинель двумя руками, прижалась окровавленным лицом и не заревела даже — завывала страшным, низким голосом. Николаев торопливо гладил ее по свалянным желтым вихрам, сжимая дрожащие губы, чтобы не заплакать самому от жалости и отчаяния, смотрел с ненавистью куда-то в пространство...

Он оставил патрульную машину под аркой старого дома на Новокузнецкой. Позвонил в девятую квартиру и замер, ссутулившись перед броском.

В квартире было тихо.

Он позвонил еще раз — звонок гулко прогремел в тишине. Николаев толкнул дверь, она неожиданно открылась. Он нащупал выключатель, загорелась тусклая лампочка на кривом шнуре. Прошел в комнату, включил свет. Глянул на скомканную, чуть не узлом закрученную постель, отвернулся.

В прошлый визит не было времени разглядывать полутемную комнату, теперь же он заметил, что обставлена она старой и разнокалиберной мебелью, а пестрые плакаты с аппетитными японками прикрывают драные обои.

Он заглянул в смежную — здесь были только длинный стол с грязной посудой,

несколько колченогих стульев и батарея пустых бутылок вдоль стены.

Дом был давно выселен, а те четверо быстро свернули бордель и исчезли, растворились в огромном городе.

Николаев вдруг обнаружил, что держит ладонь на рукояти пистолета, отдернул руку и застегнул кобуру. И парням, и ему самому повезло, что они не встретились именно сегодня.

Спустившись на улицу, Николаев оглянулся: старый дом мрачно темнел среди расцветенных огнями соседей, окна скалились выбитыми стеклами.

На следующий день Николаев зашел в отдел регистрации. Кивнул молоденькой симпатичной девчонке в ладно пригнанной форме с лейтенантскими погонами.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич, — с готовностью улыбнулась та. — Что-то не видно вас, не заходите.

— Да... Дела... — Николаев ждал, пока выйдет капитан, завязывавший тесемки на пухлой папке. — Дела, все дела...

— Заметно, — хихикнула девчонка.

У Николаева было мятое, осунувшееся лицо, глаза ввалились — он всю ночь не спал, с замиранием сердца прислушиваясь к каждому шороху в комнате дочери.

— Алексей Николаевич, — понизив голос, сочувственно спросила девчонка, — а за что вам звание задержали?

— А?.. Да... — невпопад сказал он, с трудом понимая, о чем речь. Капитан, наконец, вышел, и Николаев наклонился к девушке. — Галя, можно вас попросить... личная просьба...

— Конечно.

— Владельцы «Жигулей», «восьмерка», слоновая кость или белая...

— По району?

— По городу.

— А номер?

— Мне бы фотографии посмотреть.

— Да что вы, Алексей Николаевич! — растерянно улыбнулась Галя. — Вы представляете, сколько их? А если по доверенности? Или угнанная?

— Да, конечно, — кивнул Николаев. — Не подумал. Извините...

На третий день Валерка сама собралась в школу. Николаев подвез ее. Валерка сидела рядом тихая, бесцветная, как собственная тень.

— Тебя встретить? — спросил он.

— Как хочешь.

— Валера... — начал Николаев.

— Я ничего не помню, — торопливо сказала Валерка.

— Послушай, я только...

— Я ничего не помню, — зазвеневшим от напряжения голосом повторила Валерка.

Она вышла и медленно направилась к школе, мгновенно исчезнув, растворившись в тол-

пе ребят и девчонок, одетых в одинаковую синюю форму.

На Калининском было столпотворение: из ресторанов выпроваживали посетителей. Солидные мужики со сбившимися набор галстуками и сопливые ребятишки в «вареных» штанах и со снятыми в ресторане девицами ловили такси. Вдоль проезжей части выстроилась длинная голосующая очередь.

Николаев, прикрывая лицо поднятым воротником плаща, двигался сквозь толпу и цепко разглядывал компании. Москва велика только для приезжего, для москвича она — лишь несколько привычных маршрутов. Валерка тусовалась в этом районе и, скорее всего, столкнулась с компанией загорелого где-то здесь. В любом случае, это была единственная возможность найти «восьмерку». Теперь Валерка сидела дома, а Николаев каждый вечер бродил по Калининскому, осторожно расспрашивал швейцаров, вглядывался в лица...

Южане по-хозяйски вели под руку толстоногих девок не первой свежести. Мальчик с холеным лицом и ледяными бесцветными глазами в сопровождении двух телохранителей сел в подъехавший «мерседес». Взрослые парни тащили в такси пьяную в дым девчонку, ровесницу Валерки. Девчонка упиралась, пыталась с пьяной деловитостью объяснить что-то заплетающимся языком, парни посмеивались у нее за спиной, таксист равнодушно ждал с открытой дверцей.

Николаев оглянулся: постовой милиционер скучно смотрел в сторону.

Такси шли одно за другим, будто собрались сюда со всех концов Москвы. Кто-то кинулся к зеленому огоньку, опережая стоявших впереди, ему поставили подножку, началось выяснение отношений, со товарищи разводили сцепившихся парней, один из них угрожающе держал в кармане напряженную руку.

Николаев спустился в переход. К нему подвалил крепкий коренастый парень в джинсовой кепке, глядя в сторону, спросил:

— Отец, девочку надо?

Николаев резко остановился. Сутенер понял это по-своему и кивнул себе за плечо. Там стояла, прислонившись к кафельной стене, тонкая девочка с милым чистым лицом отличницы, в короткой голубой, похожей на школьную, юбочке и черных ажурных чулках. Она безучастно смотрела перед собой плоскими невидящими глазами, зрачки были расширены.

— Эту? — спросил Николаев.

— Не нравится? — усмехнулся парень. —

Тогда извини...

— Сколько ей?

— Тринадцать.

— Сколько?!

— Тринадцать. Суеверный, что ли? — засмеялся своей шутке парень.

— Пошли, — сказал Николаев.

Сутенер грубовато взял девчонку за локоть, повернул, и она покорно пошла, так

же бессмысленно глядя в пространство.

— Давно она?.. — спросил Николаев, когда вышли на проспект.

— Не волнуйся, дело знает.

Свернули под арку.

— Погоди, — Николаев остановился. Быстро оглянулся — залитая желтым светом фонарей часть проспекта перед аркой была пуста — и изо всей силы ударил парня снизу в челюсть. Тот лязгнул зубами, отлетел, глухо стукнулся затылком в стену и стал сползать на асфальт. Николаев подхватил его, не давая упасть, замолотил кулаками, постанывая от ненависти. Схватил за волосы, повернул лицом к девочке:

— Дело знает? Ей же тринадцать, пес! Ей же в куклы играть!

В арку вошла женщина, тотчас кинулась обратно:

— Милиция! Милиция! Кто-нибудь, помогите!

Николаев, последний раз пнув парня, бросился бежать в проходной двор. На бегу оглянулся — сутенер кулем лежал у ног неподвижно стоявшей девочки.

Послышался стук подкованных сапог, в арке, усиленный эхом, залился милицейский свисток. Николаев, оскальзываясь на мокром асфальте, перепрыгивая через какие-то перила, детские песочницы, промчался по старым арбатским дворам, очутился на Садовом. Здесь остановился, переводя дыхание, огляделся, одернул плащ, сорвал с дерева несколько листьев и пошел к метро, вытирая кровь с дрожащих пальцев.

Как обычно в последние дни, он встретил Валерку после уроков. Она села в машину, накинула ремень и сложила руки на коленях, какая-то заторможенная, неживая.

— Как там? — спросил Николаев, трогая с места.

— Нормально...

— Ты бы гуляла хоть немного.

— Не хочу...

— А хочешь, — осторожно предложил Николаев, — пойдём вместе. Подышим немного...

— Не хочу, пап...

В стенном шкафу, там, где обувь, Николаев разыскал свою старую кожаную куртку. Примерил перед зеркалом. Она уже не сходилась на животе, он распахнул ее пошире, поднял воротник. Приколол пару Валеркиных значков с чьими-то ублюдочными рожами. Долго мрачно разглядывал себя в зеркале...

Оставил машину на стоянке и двинулся по вечерней улице, глубоко засунув руки в карманы, внимательно поглядывая по сторонам. Пробежался и запрыгнул в автобус.

Автобус был битком набит. Николаева прижали к толстой пожилой тетке. Та неприязненно оглядела его наряд, значки, покачала головой и демонстративно отвернулась.

— В чем дело? — спросил Николаев.

Тетка снова покачала головой. Громко сказала, привлекая внимание пассажиров:

— Совсем уж с ума посходили! Седина в бороду, а туда же...

— Вам что, мои значки жить мешают? — раздраженно спросил Николаев.

— А ты на меня голос не повышай! В милицию сдам, там тебя научат разговаривать!..

Николаев выскочил из автобуса на следующей остановке, постучал пальцем по лбу, крикнул:

— Лечиться надо, бабушка!

Железные дверцы захлопнулись, отсекая возмущенные голоса пассажиров. Николаев выудил из кармана сигарету, прикурил.

— Не выключай! — к нему подвалил подросток, склонился над спичкой, прикрывая огонь ладонями. Николаев сверху смотрел на взбитые «петушком» волосы...

— Слушай, чувак... — развязным тоном начал он.

— Чего-о? — подросток поднял голову, и Николаев разглядел в темноте покрашенные глаза и серьги в ушах. — Нанюхался, что ли? — девчонка заржала и пошла к своей компании, оглядываясь на Николаева.

Он усмехнулся, выбросил спичку и двинулся дальше. Тут и там тусовались разномастные компании. Николаев впервые обратил внимание, что, несмотря на угрожающий вид, дикие вопли и махание руками, вся энергия направлена внутрь компании, никому нет дела до испуганно шарахающихся прохожих. Большинство компаний сидели и стояли в кружок, отгородившись спинами от остального мира.

Он переходил от одной тусовки к другой, послушал орущий на всю улицу магнитофон, присел на корточки около хрипатога парня с гитарой, мимоходом спрашивая про «восьмерку». Принимали его без интереса, но и без неприязни.

Уютно светились окна домов. Все собирался и никак не мог собраться дождь. С детской площадки между домами вдруг раздался истошный девчоночий визг. Николаев резко обернулся — девчонка хохотала.

Николаев подошел ближе, присматриваясь. На низкой скамейке около песочницы тусовалась компания «металлистов». Девочка с большой нотной папкой свернула с улицы, срезая путь через площадку, но, заметив компанию, опасно обогнула ее по дорожке.

В компании шел треп. Рыжая девчонка, увешанная железными бляхами, как порохистый пес, тыкала пальцем из обрезанной перчатки в спину толстяка в кожаном картузе:

— Толстый, а толстый...

— Отста-ань...

— Толстый, а почему ты такой толстый?

— Ну, отста-ань...

— Нет, толстый, тебя кормили много, да?

Двое ребят напевали что-то забойное, отстукивая ритм по коленкам:

— Та-тата-тата! Тата-та! Не, здесь так: та-та...

— Да не: тата-та-та...

— Смотри, — вдруг напряженно сказала девчонка.

Все разом обернулись, замолчав: к площадке неторопливо приближались бесшумно возникшие из серой ненастной темени «квадратные» парни. Один бесцеремонно наклонил толстяка, глянул на замысловатый рисунок на спине, похлопал по плечу:

— «Металл»?

— А чего?

— Сиди, сиди, — остановил «квадратный». И вдруг резко ударил снизу. Толстяк перевалился через скамейку, картуз покатился в кусты.

Другой схватил значок на груди у девчонки.

— Чего... Отвали, — девчонка отбросила его руку, но «квадратный» ударил ее тыльной стороной ладони по лицу. Ослепленная девчонка отлетела в песочницу, закрываясь руками. Из разбитого носа хлынула кровь.

— Эй, парни! — Николаев шагнул вперед. — Вы что, озверели?

«Квадратные» обернули к нему одинаковые серые, безо всякого выражения лица, быстро глянули за спину и вокруг — один или кто-то еще на подходе? Тот, который ударил девчонку, так же взялся за значок на куртке:

— Ну, дядя, несолидно...

Николаев сбил захват, увернулся от пудового кулака, отскочил, крикнул:

— Сержант!

Сержант милиции, шествовавший по другой стороне улицы, неторопливо свернул за угол.

На Николаева бросились сразу трое. Он был не слабее любого, но он с ними дрался, а они — работали, именно работали: уверенно, профессионально, без лишних движений, крепко стоя на мощных ногах. Николаев упал, покатился по песку, его били ногами, он сумел-таки встать, выхватил из внутреннего кармана дубинку:

— А-а, суки! — с размаху достал одного по плечу, тот с повисшей, как плеть, рукой, согнулся и ушел куда-то в темноту.

Девчонка вдруг пронзительно, как звереныш, завизжала, бросилась на «квадратных» и вцепилась одному зубами в руку. Тот ударил ее по голове, пытаясь отодрать, взвыл, рванул руку — ноги девчонки оторвались от земли, она повисла на руках, как собачонка, — раскрутил и отбросил в сторону.

Открылось окно ближайшего дома, мужской голос крикнул:

— А ну, кончай! Милицию вызову! Каждый день!

«Квадратные» растворились в темноте. Избитые ребята поднимались с земли, отряхивались, толстяк искал свой кожаный картуз, потерянный в драке.

Николаев в бешенстве кинулся к сержан-

ту, который царственно возник из-за угла.

— Вы что, сержант, ослепли?!

Тот обратился к нему невозмутимое лицо.

— В чем дело?

— Как фамилия? Из какого отделения?

— Что? А ну, документы! — рявкнул сержант. — Быстро!

— Сейчас... Я тебе предъявлю, сволочь... — Николаев полез в карман за удостоверением.

— Пойдем, — сзади подскочила девчонка, схватила Николаева за рукав, потащила. — Не связывайся!

— Четвертый! — сержант демонстративно поднес к губам рацию. — Четвертый, я седьмой... Сейчас узнаешь, из какого, — кивнул он Николаеву.

— Ну, пойдем! — девчонка изо всех сил тянула Николаева в сторону.

— Пойди проспись, — насмешливо крикнул вслед сержант.

Николаев рванулся было к нему, но девчонка повисла на плече.

Один из компании провел их к двухэтажному обшарпанному «клоповнику» на задворках Арбата, открыл дверь своим ключом, вошли в длинный, заставленный старой мебелью, тускло освещенный коридор коммуналки.

Николаев осмотрел себя в рябом треснутом зеркале: в принципе, ничего страшного — ссадина на виске и разбитая губа. Обычное после драки напряжение ушло, теперь были усталость и безысходная тоска. Если подумать, эта рыжая девчонка спасла его — удостоверение не помогло бы; уличная драка — «телега» на работу в лучшем случае. А если бы нашли трубу с оплеткой, могло кончиться и хуже.

— Сломали, гадство, — сказала девчонка, ощупывая нос. — Теперь с горбом будет...

— А ты держи, чтобы правильно срослось, — посоветовал толстяк.

— За что они вас? — спросил Николаев.

— Пойди, спроси.

— В Подольске фестиваль, гадство, а я с таким рулем... Вообще!

— Во фишка! Я тащусь! — с восторгом сказал толстяк, разглядывая в зеркале багровый кровоподтек под глазом.

— А кто они вообще? — спросил Николаев.

— А-а...

— Хоть домой не ходи, — сказал третий парень. — Отец добьет.

— А ты чего полез? — спросил Николаева хозяин.

— А что — смотреть? — удивился Николаев.

— Все смотрят — ничего... Ладно, пошли, — хозяин провел их через громадную кухню и открыл смежную дверь. Раньше здесь была комната для прислуги или кладовка, всю длину комнаты занимал диван, впритык, без стула, стоял стол с разбросанными кассетами, учебниками и тетрадами.

Все, как могли, расселись на диване, дев-

чонка забралась с ногами. Хозяин врубил магнитофон.

— А ты кто вообще? — спросил толстяк.

— Да так... — Николаев пожал плечами. — Знакомых ищу. Не знаешь: Боб, здоровый такой, волосы светлые. Лет тридцать. Еще с ним загорелый, ну, смуглый такой. И еще длинный, каратист. На белой «восьмерке»...

— Не, не знаю.

— Выруби шарманку! — послышался голос из-за двери.

— Исчезни, череп!

— А меня кто-то спрашивал уже, — сказала девчонка.

Николаев напряженно глянул на нее.

— Ну да, Авария приходила... Ох, гадство, — она снова пощупала переносицу. — Боб, «восьмерка». А этот каратист — Алик. Или Олег...

— Когда приходила? — растерянно спросил Николаев.

— Да сегодня, — девчонка скосила глаза к носу, пытаясь разглядеть, растет ли горб...

Дома Николаев спрятал куртку в шкаф и вошел в комнату к дочери. Валерка сидела за раскрытыми учебниками и смотрела в окно.

— Занимаешься? — спросил Николаев.

Дочь медленно обернулась к нему.

— Занимаюсь, — тихо сказала она.

— Не гуляла сегодня?

— Нет.

Николаев пристально, испытующе смотрел в глаза дочери. Валерка спокойно выдержала взгляд. Николаев хотел сказать что-то, но только кивнул:

— Занимайся...

В обед на патрульной машине заскочил домой. С порога глянул на кухню: Валерка только что вернулась из школы и сидела с дедом за столом. Мать разливала суп.

— А вот и я! — торжественно объявил Николаев и поставил перед Валеркой магнитофон. Он отдавал его знакомым ребятам из мастерской, те склеили корпус так, что не было даже заметно швов.

Дочь равнодушно посмотрела на магнитофон.

— Спасибо, пап...

— Убери, мешает, — сказала жена.

Николаев переставил магнитофон на окно, пошел в прихожую, расстегивая портупею, крикнул:

— Наливай, мать, оголодал что-то! — вернулся на кухню, шаркая шлепанцами; сел за стол, искоса взглянул на дочь. Валерка сидела, опустив ресницы. Она не красилась и выглядела совсем ребенком, на бледной тонкой коже отчетливо проступили веснушки.

— Как здоровье, дед? — бодро спросил Николаев.

— Ничего, живой пока.

— А как гранит науки? — обратился он к дочери.

— Нормально.

— Это хорошо! — Николаев подул на суп, начал есть. Снова быстро глянул на дочь, засмеялся: — А у нас анекдот! Все отделение ржало! Как это — вор у вора... Нет: не рой другому яму, да! Тут народный мститель объявился: три раза у фарца машину потрошил. Японскую сигнализацию отключал. Ну, тот, умелец, самострел поставил! Где: между спинкой и сиденьем! А тот возьми и сработай, когда он сам по Садовому шел! Цепь замкнула. Машины кругом, ни остановиться, ни к тротуару прорваться — так и едет со стрелой в зад! Орет и едет!

Валерка улыбнулась. Отодвинула тарелку:

— Спасибо, мам,— и пошла к себе.

Николаев проводил ее взглядом, посмотрел на часы, негромко сказал жене:

— Давай быстрее, копаешься, как...

Щелкнул замок входной двери. Николаев успел заметить, как дочь, уже в джинсах и куртке, выскользнула из квартиры.

Он разломил котлету вилкой. Вдруг насторожился и, торопливо дожевывая, вышел в прихожую. Огляделся — и опрометью бросился в дверь. Из подъезда увидел мелькнувшую за углом дома Валеркину куртку и, теряя шлепанцы, побежал вдогонку.

— Валерка!.. Стой!..

Настиг ее в конце двора, схватил за руку.

— Отдай,— сказал он, с трудом переводя дыхание.

Валерка круглыми сумасшедшими глазами смотрела на него снизу вверх, часто дыша сквозь стиснутые, по-звериному оскаленные зубы.

— Ну,— Николаев протянул ладонь.

Валерка погасла, опустила голову. Вытащила из кармана пистолет. Николаев, взяв за руку, повел ее домой. Он ничего не спросил и не сказал больше ни слова.

Войдя в свою комнату, Валерка обернулась.

— Все равно убью,— сказала она с такой ненавистью, что Николаев похолодел...

Николаев с трудом дотянул до конца дежурства. Каждые полчаса он звонил домой и, услышав Валеркин голос, вешал трубку. Единственное, о чем он молил сейчас, — чтобы Валерка не ушла до его возвращения. Ясно было, что она нашла парней раньше, чем он. Стащить пистолет не удалось, что она еще придумает? Подождет несчастную «восьмерку»? Угонит грузовик, чтобы проутюжить ее вместе с парнями? Теперь уже Николаеву наплевать было на этих подонков, пусть живут, как хотят, пусть дышат и топчут землю — только бы с ней ничего не случилось.

Он сдал оружие и, проскакивая светофоры на красный свет, помчался домой. Увидев за матовым дверным стеклом силуэт дочери, немного успокоился. Закурил. Посадить ее под замок, пока не перегорит? Все равно не уследишь. Удержишь сегодня — сбежит завтра, через неделю, через месяц

уйдет из дома. А главное — уже никогда не простит ему, снова будет смотреть сквозь него, жить рядом, как на необитаемом острове.

Николаев услышал: дочь одевается за стеной. Отчетливо звякнули металлические бляхи на куртке. Он встал, затянулся последний раз, раздавил сигарету в пепельнице и, надевая на ходу кожанку, вышел из квартиры.

Он ждал за углом дома, не спуская глаз с подъезда. Вернулась с работы жена, она, видимо, задержала Валерку очередным скандалом, потому что появилась дочь только минут через двадцать.

Николаев двинулся следом.

Валерка спустилась в метро. Николаев стоял на эскалаторе на несколько ступенек выше. С середины лестницы Валерка побежала вниз, чтобы успеть на поезд. Николаев, прыгая через три ступеньки, вылетел на платформу в тот момент, когда двери с тяжелым пневматическим вздохом закрывались. Двое мальчишек придержали створки, и он вскочил в последний вагон. Не глядя, кивнул мальчишкам. Валерка ехала, привалившись спиной к торцевой двери.

Выйдя за дочь из метро, Николаев некоторое время переживал, пока она поговорит с окликнувшей ее компанией «металлистов». Валерка на мгновение обернулась — и заметила отца. С одеревеневшей спиной, ощущая его взгляд, прошла еще квартал и юркнула за телефонную будку, замерла, откинув голову к стене. Потом осторожно выглянула сквозь грязное треснувшее стекло — отец панически метался взад и вперед, не зная, в какую сторону идти.

Валерка постояла немного, сосредоточенно глядя под ноги, решительно вышла из-за автомата и, уже не скрываясь, зашагала по проспекту. Наклонилась на ходу, будто бы проверить шнурок на кроссовке, стрельнула глазами назад — отец шел следом. Николаев не подозревал, что дочь уже сама ведет его, и Валерке приходилось тормозить, когда он отставал, слишком уж тщательно маскируясь среди прохожих.

Они вышли на тихую арбатскую улицу, Валерка резко остановилась, прислонившись к стене за полуколонной старого дома. Николаев тотчас отступил за чугунную решетку, ограждающую черный безлистный сквер. Улица была безлюдна, по всей ее длине стояли, въехав двумя колесами на тротуар, машины, и среди них — белая «восьмерка». Николаев сразу понял, что та самая.

Они ждали долго. Николаев докуривал третью сигарету, когда вышли Боб и загорелый с какой-то девицей. Остановились у машины, загорелый обнимал девицу за бедра, та кокетничала, смеялась.

Валерка, чуть отступив от стены, глянула назад — удостовериться, что отец видит. В это же мгновение Боб случайно бросил взгляд в ее сторону. И перестал улыбаться. Негромко сказал что-то приятелю. Тот отпустил девицу, убрал руки в карманы и досад-

ливо покачал головой. Появились двое других парней, загорелый шагнул им навстречу и, приобняв, зашептал что-то. Каратист скрылся во дворе дома, а загорелый похлопал девицу по плечу, прощаясь, подталкивая в сторону. Та удивленно улыбалась, не веря, что ее гонят, потом надулась и, оскорбленно пожав плечами, застучала каблуками прочь по тротуару.

Николаев видел, что парни заметили Валерку и что она не подозревает об этом. Он бросил сигарету и, расстегивая куртку, шагнул из-за ограды. Между тем, каратист, обойдя дом со двора, возник за спиной у Валерки. Машина с остальными тотчас рванулась назад, на ходу распахнулась дверца. Николаев бросился бегом, но не успел — каратист затолкнул Валерку в машину, и «восьмерка» отъехала.

Николаев заметался по пустынной улице. «Восьмерка» уже сворачивала за угол. Он локтем разбил стекло новенького, сверкающего, как елочная игрушка, «Жигуленка», открыл дверь, вырвал жгут проводов из замка зажигания, замкнул накоротко и, прокрутив колесами по асфальту, рванулся следом. Из дома выскочил лысоватый мужичок в очках, попытался ухватиться за заднее крыло своего «Жигуля», будто надеялся удержать его, и побежал к автомату.

В «восьмерке» Валерка сидела сзади, зажатая между двух парней. Ее держали за руки, но она даже не пыталась вырваться, только поглядывала в заднее стекло.

— Ну? — раздраженно обернулся загорелый. — Что, понравилось? Да? Еще хочешь?

Валерка наконец заметила в шедшей позади машине отца. Она злорадно ухмыльнулась и сказала:

— Ага, хочу!

Николаев догонял «восьмерку».

— Ну вот что, — сказал загорелый. — Давай договоримся: еще раз тебя увижу, и ты свое получишь! Плохо будет, поняла? — Валерка все ухмылялась, и это сбивало его с толку. — Поняла?! Забудешь, как мать зовут! Ч-черт, связались... Все, вали отсюда! Дешевка! Боб, останови.

Боб затормозил, и тут же парней бросило назад — Николаев не успел остановиться и ударил «восьмерку» в бампер. Они разом обернулись — Боб, набычившись, даже дверцу приоткрыл, чтобы выйти разобраться, — и увидели, наконец, Николаева.

— Боб, гони! — но тот сам уже врубил скорость, и «восьмерка» рванулась с места.

Валерка торжествующе захохотала.

— Что, навалили, скоты?! Вы свое получите, поняли? Он вас всех убьет! У него пистолет, понял, ты?!

Был вечерний час пик, когда центр Москвы запружен машинами. «Восьмерка» и Николаев лавировали в плотном потоке, мчались то в затылок, то расходясь на разные полосы. Впереди вспыхнул желтый свет, и машины замигали стоп-сигналами, выстраива-

ясь в ряд перед светофором. «Восьмерка» успела протиснуться у тротуара. Николаев проскочил по встречной полосе. Постовой свистнул вслед и побежал к своему стеклянному «стакану», к рации.

— Чего ему надо?.. — загорелый беспрерывно оглядывался через заднее стекло. — Боб, оторвись! Что ты плетешься, как...

— Как я оторвусь — пять человек! У меня не грузовик!

— Да выбросить ее.

— Здесь?

— Ха! Зря спешите! — торжествовала Валерка. — Он все равно догонит! Он в милиции работает, поняли!

— Да заткни ей пасть!

На следующем перекрестке зажегся красный, «восьмерка» вылетела на разделительную полосу, но по поперечной улице уже пошел поток транспорта. «Восьмерка» развернулась, как по льду, и юркнула в переулок. Николаев шел следом. Попетляв по переулкам и дворам, они выскочили на широкую прямую улицу. Здесь Николаев достал «восьмерку», стал заходить слева. Послышалась сирена — вдогонку шла патрульная машина.

— Ч-черт, еще ментов не хватало! Влипши!

— Твоя идея была! Кретин! Я же говорил...

— Нас же четверо, в конце концов! — крикнул каратист. — Боб, там мост будет — переезжай и вниз. Там разберемся!

Пронзительно визжа шинами, «восьмерка» с заносом вошла в поворот и остановилась в темном проезде под мостом. Трое парней выскочили из машины, четвертый остался держать Валерку, вывернув ей руки за спину, вжав лицом в сиденье.

Через несколько минут парни вернулись, тяжело дыша, молча вытолкнули Валерку из машины и уехали.

Она пошла к отцу, ничком лежавшему около развернутого поперек дороги «Жигуля» с распахнутой дверцей. Присела над ним на корточки и тихо, без слез, завывала, глядя на огни города в ночном небе.

Ей откликнулась сирена. Патрульная машина, проскочившая далеко вперед, вернулась и сворачивала под мост.

Юркине Медведевой из Москвы: Барри Манилоу родом из бедной бруклинской семьи. В 11 лет начал играть на аккордеоне, через два года — на фортепиано. Становиться профессиональным музыкантом не собирался, однако судьба свела его с удивительной певицей Бетти Мидлер. Вначале он помогал ей работать в студии, потом стал делать аранжировки и писать музыку. Первый успех пришел в 1975 году после песни «Иэнди». В конце 70-х Барри был исключительно популярен. Первый из американских рок-исполнителей получил премию за развитие национального искусства. Сейчас Манилоу занимается в основном продюсерской деятельностью.

Сергею Шморгилову из Брестской области: «Псюдо Экоу» — «Фальшивое эхо» — группа не столько «новой волны», сколько «старого диско». Подобного рода исполнителей в последнее время появилось на удивление много. Группа австралийская, в составе — два международных шлагера «Жизнь в мечтах» и «Город страха». Брайан Канек — гитара, вокал, Пьер Гильетти — бас-гитара, Винс Лай — ударные и Джеймс Лай — клавишные.

Елене Симоновой из Уфы: странно, но факт: музыкантам группы «Август» Бах и Гайдн столь же близки, как «Металлика», «Экsept» и прочий «металл». Не только потому, что музыка Гайдна звучит в качестве заставки перед концертом «Августа». Здесь ищут и находят параллели и пути соединения музыки академической и современной, классики и рока. Насколько успешны эти поиски,

вы можете решить, послушав музыкальную программу «Августа» 1987 года. К этой программе Олег Гусев (клавишные), Геннадий Ширшаков (гитара), Лев Лемберский (бас-гитара), Андрей Круглов (ударные), Павел Колесник (вокал), Владимир Грушин (вокал) шли пять лет. «Не наша вина, что приходилось играть шлягеры, переключаться с «диско» на брейк», — говорит руководитель «Августа» Олег Гусев, — тратили больше сил на худсовет, на пересдачу своих программ, чем на музыкальные эксперименты. Теперь мы собираемся играть тяжелый рок всерьез и надолго».

Группе ребят из Тольятти: об «Эй Си/Ди Си» сейчас очень даже слышно. Во-первых, одна песня группы вышла на пластинке фирмы «Мелодия» — это событие я рассматриваю как крупную сенсацию. Во-вторых, недавно появился очередной альбом под названием «Разбей свое видео». На обложке альбома Ангус Янг эффектно разбивает экран телевизора. Но, к сожалению, ничего нового или оригинального диск не содержит, несмотря на то, что работа над материалом была долгой. Вот, кстати, причина некоторого затишья вокруг «Эй Си/Ди Си». Есть еще одна причина: в отличие от многих «тяжелых» команд, растущих от альбома к альбому — «Деф Леппард», «Дио», «Уайтснейк», — группа

«Эй Си/Ди Си» в своем развитии остановилась. Состав ее последние годы неизменен: Брайан Джонсон, братья Ангус и Малькольм Янг, Клифф Уильямс и Фил Радд.

Семену Филатову из Южно-Сахалинска: ленинградская группа «Аукцион» (смотри на снимке) известна прежде всего своими веселыми шоу, в которых выделяются солисты: Олег Гаркуша (снялся в кинофильме «Взломщик»), Сергей Рогожин, Леонид Федоров (автор музыки). Правда, Рогожин перешел в группу «Форум», но оставил за собой право вернуться в родной коллектив. С «Аукционом» сотрудничает известный художник-авангардист К. Миллер.

Юле Дзюба из Мирного: о французской певице Дизайелесс заговорили после шумного успеха ее первого сингла «Вояж, вояж». Не так давно вышел еще один сингл с песней «Джон». Фирма Си-Би-Эс, с которой у Дизайелесс заключен контракт, предполагает выпустить новый альбом певицы не ранее весны 1989 года.

Юрий БУДЬКО

Фото Натальи ВАСИЛЬЕВОЙ

В июне редакция получила 358 писем с музыкальными вопросами, просьбами, замечаниями. Всем написавшим — большое спасибо. Постараемся учесть ваши пожелания.

с мира
по нотке

— Потанцуем! — спросили мы читателей и организовали «Весенние ритмы».

И вот наш конкурс прошел уже во второй раз. Налицо явный его рост. Во-первых, он теперь включен в план Министерства культуры СССР как традиционный и ежегодный. Во-вторых, он стал международным — на этот раз в «Весен-

«ВЫ ПОДАРИЛИ ГОРОДУ ПРАЗДНИК!»

В Минске состоялся II конкурс исполнителей бальных танцев «Весенние ритмы» на призы «Паруса»

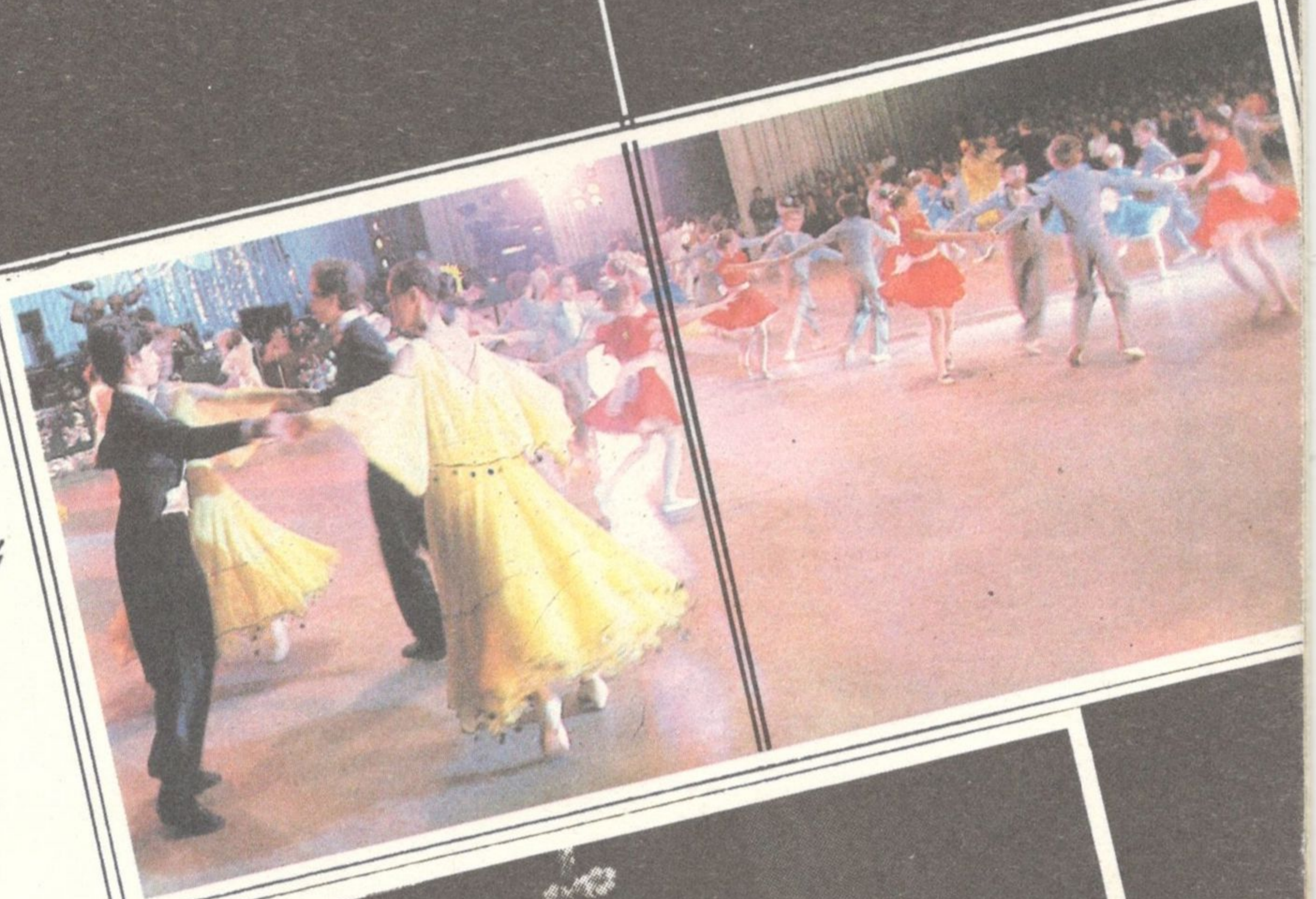
«Зачем журналу танцы!» — этот вопрос нам задавали не раз. Дескать, дело редакции — печатать разные полезные статьи, тем самым отвлекая молодежь от всяких

бесполезных занятий. Мы с такой позицией не согласны. Мы считаем, что все наши заклинания против примитивных или вредных увлечений молодых будут иметь не много смысла, если мы не предложим им взамен, на выбор, нечто более содержательное.

ИЗВИНИТЕ,
Я СЕГОДНЯ
НЕСКОЛЬКО
РАССЕЯН...

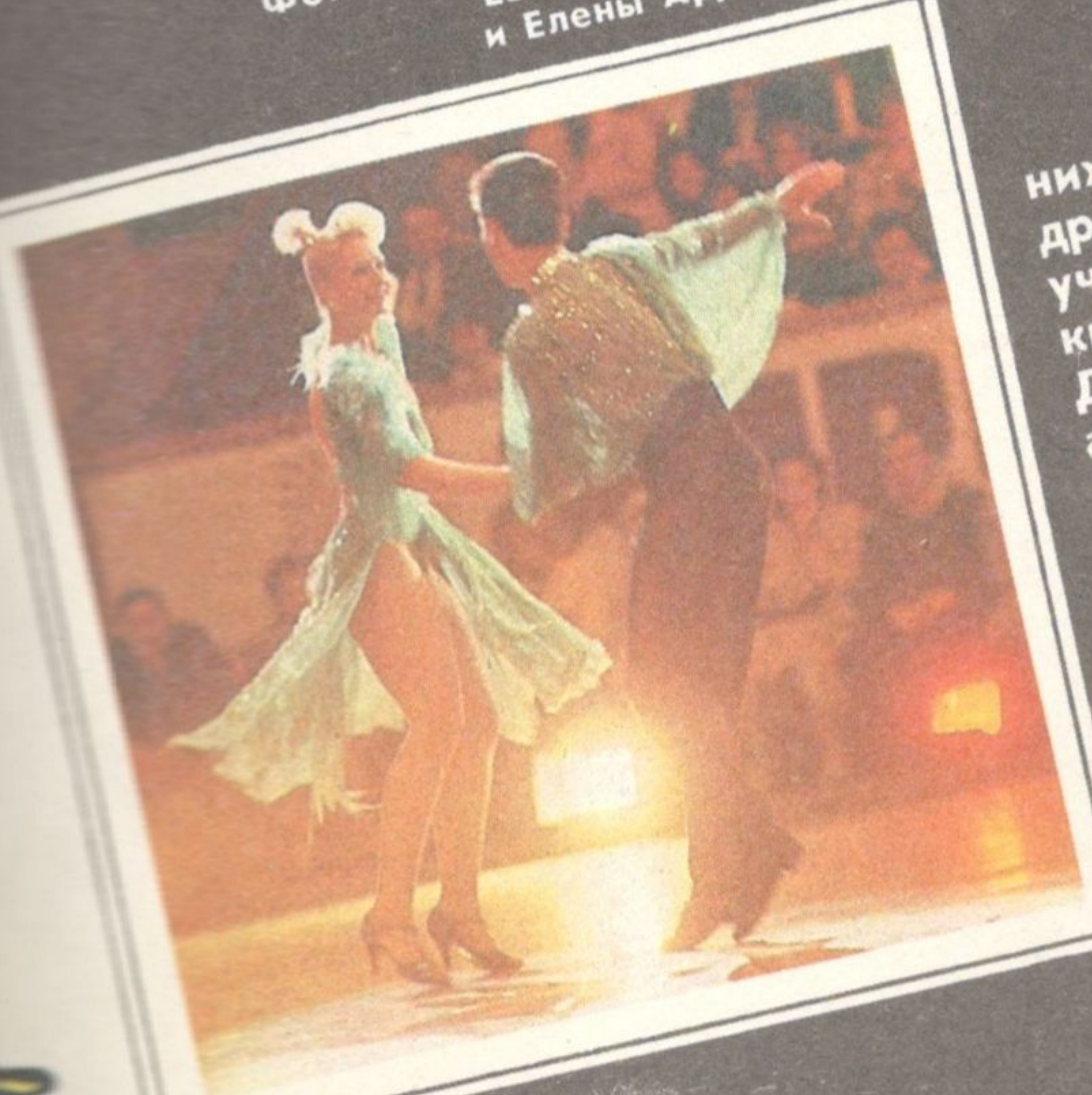
Специальный приз «Паруса» — большой букет, изготовленный мастерами стеклозавода Дзержинского — вручен любительской танцевальной паре страны, москвичам Ирине Саломатиной и Александру Мельникову.

Специальный приз братиславского молодежного журнала «Млады розлеты» получила лучшая пара хозяев конкурса — Ивочка Елена и Юрий Царевы.

Овацией встречал зал лучшую профессиональную танцевальную пару страны — Людмилу и Станислава Поповых, которые выступили с показательной программой.

Фото Владимира МЕЖЕВИЧА, Евгения КОКТЫША и Елены АДАМЧИК

них ритмах», кроме танцоров из других городов СССР, приняли участие гости из ГДР, Чехословакии, Польши, Болгарии. В-третьих, Дворец спорта был переполнен, а в подземных переходах за полкилометра от него спрашивали лишние билетки...

«Вы подарили минчанам праздник!» — так оценило конкурс руководство города.

Ежегодно на берегу Мечигментского залива в поселке Лорино на Чукотке проводится праздник Кита.

Вы, наверное, пожимаете плечами: мол, чего только не выдумают, лишь бы не работать. Почему бы не устраивать тогда праздник сельди иваси, или, скажем, медведя коала — тоже вполне достойные представители фауны! Чуть помельче кита, но не в размерах же дело.

А в чем?

...Наверное, это выглядело так.

Ледяные брызги пытались догнать быстроходные байдары из моржовых шкур. Гребцы наваливались на весла, и вот уже рядом с байдарой исполинская голова и видно покрытое глубокими складками белое горло, и горб, и черная блестящая спина...

Тогда начинался поединок Охотника и Кита. Человек поднимал копье с зазубренным костяным наконечником. У кита

не было оружия, но в любой момент одним движением своего могучего тела он мог пустить ко дну и охотника, и гребцов, и лодку. Это был честный поединок, в котором часто жертвой оказывался охотник.

Но если человек побеждал, то на берегу его встречали как героя, этот день становился праздником для всего племени. А в песнях, сложенных в честь Охотника, пелось и о его противнике — могучем морском исполнине, чья смерть спасла от голода целый народ.

Так было много веков.

Утлые байдары сменились огромными китобойными судами, а самодельные гарпуны — пушками. Поединок Охотника и Кита превратился в кровавую бойню. Ежегодно гибли десятки тысяч этих удивительных животных, чей мозг ученые-биологи сравнивают с человеческим.

Старый рыбак Арт, герой книги Фарли Моузта «Кит на заклание», говорит автору:

— Да, сынок, скучно мне без китов, скучно. Вот стран-

но: многие считают, что кит — все равно, что рыба. Ну нет! Слишком уж он умен. Если хочешь знать мое мнение, так умнее кита никого нет во всем океане... А может, не только в океане, но и на всей земле.

Сам Моузт, не раз встречавшийся с китами, пишет, что после каждого свидания с морским гигантом «с необычайной остротой ощущал бесконечное изящество этих животных, достигших такой совершенной гармонии со своим миром, какой никогда не добиться человеку, будь то в воздухе или на суше, в природе или в искусстве».

А еще в одной из своих книг он написал о попавшей в западню китихе так:

«До конца моих дней я сохраню в памяти ее голос, и он всегда будет напоминать мне, что величайшее чудо на земле — не человек, а жизнь — во всех ее формах и проявлениях. И если наступит день, когда в оскверненном океане... смолкнут голоса китов — даже тогда стон олдриджской плен-

ЕДИНСТВЕННАЯ

ОХОТА

ду — «душа кита должна вернуться в родную стихию и рассказать своим сородичам, что к ней хорошо отнеслись и у нее нет обид на людей».

Не будем лить крокодиловых слез по убиенному киту: эта единственная в году охота — дань народной традиции. Воспоминание о честном поединке.

А потомки охотников за китами сейчас получают в Провиденском профтехучилище вполне современные специальности: трактористов, оленеводов-радиотов, оленеводов-механизаторов...

Олег ПОПОВ
Фото автора

иногда будет звучать у меня в ушах».

Иногда я думаю, что если бы каждый из нас мог слышать смятённые стоны так же, как мигают, может, их на Земле и поубавилось бы...

Вот, наверное, в чем дело.

Трудно сказать, то ли человек поумнел, то ли просто испугался, что скоро ему некого будет убивать, но коммерческий промысел китов, наконец, запретили. И все же одно судно с парусной пушкой у нас в стране есть — китобоец «Звездный».

«Звездный» выходит на охоту один раз в году: накануне праздника. А ранним утром все жители поселка — от детей до стариков — собираются на берегу, чтобы встретить «священного» кита. По традиции старейший охотник Анканро провозносит древние заклинания, благодарит доброго духа моря за щедрый подарок, бросает несколько кусочков мяса в во-

стихотворная тропа

В этом году я окончила десять классов.
Хочу быть учителем начальной школы,
поэтому собираюсь поступать в Ростов-
ское педагогическое училище. Если мое
желание осуществится, то постараюсь
своим будущим ученикам с первого клас-
са прививать любовь к прекрасному.

Инна Демьянова

в частности, к стихам. Я уверена, что поэ-
зия не только развивает эстетический
вкус, но и формирует нравственные ка-
чества, способность глубоко чувствовать,
сострадать, сопереживать, делить чужую
радость и боль.
Стихи пишу с четырнадцати лет. Зани-
маюсь в литобъединении «Лазоревый
цветок» при ростовской писательской ор-
ганизации.

ЧЕРНОВИК

— Я листаю старую тетрадку —
Формулы, примеры, уравнения...
Не всегда уверенны и гладки,
А местами списаны решенья.
Я листаю старую тетрадку
И смотрю с невольным удивленьем:
В ней как будто сделаны закладки —
Старые мои стихотворенья.

* * *

Осыпая позолотой, отмеряет
 осень возраст.
 Тополиным длинным шлейфом
 покрывает нас, шурша.
 Где-то там остались детство и
 доверчивые звезды,
 Что летели прямо в руки,
 с неба синего спеша.
 Где-то там осталась сказка.
 Из нее вела дорога
 Сквозь дремучий и волшебный, необычно
 синий лес.

Мы вырастем, и немного
 Иногда бывает страшно
 Просто взять и оторваться
 от заманчивых чудес!

* *

Верите, я это знаю тоже,
 Как в войну с земли
 сдирали кожу.
 Ей лечить болезненные раны
 Требовалось очень много лет.
 Мама без отца осталась рано,
 У меня, у внучки, деда нет.
 Лишь теперь я только
 понимаю:
 Дедушка ушел, чтоб жизнь мою
 Защитить, не думая, не зная,
 Что погибнет в первом же бою.

* * *

Вспоминаю забытое богом
 То село, где крестьянствовал дед.
 Там ныряет в сугробах дорога,
 На которой теряется след.
 Месяц парнем кружит в хороводе,
 Вырывается дым из трубы.
 Так и кажется: это выходят
 Все несчастья из каждой избы.

* * *

Февральский снег, нам голову мороча,
 Срывался и идти переставал.
 Как будто там, на небе, кто-то в клочья
 Свои стихи в рассеянности рвал.

В КАРПАТАХ

Мы идем через сосняк пахучий
 И напасти никакой не ждем.
 Но внезапно маленькая туча
 Разразилась яростным дождем.
 Кутаются мокрые Карпаты
 В темную растительность лесов.
 Мы стучимся в старенькую хату:
 «Можно переждать?»
 Скрипит засов.
 Мы заходим. В комнате старинной

Чувствуем себя чуть-чуть не так,
 Будто в очень старую картину
 Поместил какой-то нас чужак.
 И за наш визит бесцеремонный,
 Кажется, со стен в который раз
 Старые хозяйские иконы
 Смотрят укоризненно на нас.
 Нам пора. А ливень нескончаем.
 И немного грустно от того,
 Что об этих людях мало знаем.
 Нет, совсем не знаем ничего.

ДРУЗЬЯМ

Я вас люблю. О вас мне думать
 в радость.

Я знаю: эта фраза не нова.
 Со временем утрачивают святость
 И самые прекрасные слова.
 Я вас люблю.

Простите, вышло блекло,
 Но просто замечала много раз:
 На холоде оттаивают стекла
 Зимой, когда я думаю о вас.

ЧИТАЯ Н. РУБЦОВА

Почерневшие избы деревни,
 Утонувшие звезды в реке,
 И толкуют о чем-то деревья
 На крестьянском своем языке.
 Скоро солнце взойдет. Будто чудо,
 Заблистают церковью купола,
 И звенеть над деревнею будут
 Запоздавшие колокола.
 Здесь останутся чистыми росы
 И такая же будет заря...
 Может, Русь тут навечно и бросит
 Золотые свои якоря?

* * *

Электричка прищурилась слепо,
 Обгоняя в пути поезда.
 Потому-то завистливо с неба
 В наши окна смотрела звезда.
 А потом были шорохи ночи,
 Звон гитары и свет костерка.
 И хотелось записывать строчки
 На зеленом сердечке листка.

* * *

У меня с приходом осени
 Счастье, будто по весне.
 Что она в меня забросила?
 Что посеяла во мне?
 Листопад кружит над городом —
 Мне же радость не унять.
 Подкупила ль осень золотом?
 Расплатилась за меня?
 За мои ошибки, промахи
 В сумасшедшую весну.
 Задремавших листьев шорохи
 Не тревожат тишину.

«БЕССИЛА «ЯИЛИЯ»

РОСТ

Когда Юрик Хачатрян в первый раз вернулся из Чернобыля, Кристина, старшая дочь, тронула его доверчиво за рукав и, смущенно опустив глаза, спросила:

— Папа, ты псих?

Юрик вздрогнул. Таких вопросов ему еще никогда никто не задавал.

— Почему? — спросил он.

— Так про тебя соседи говорят.

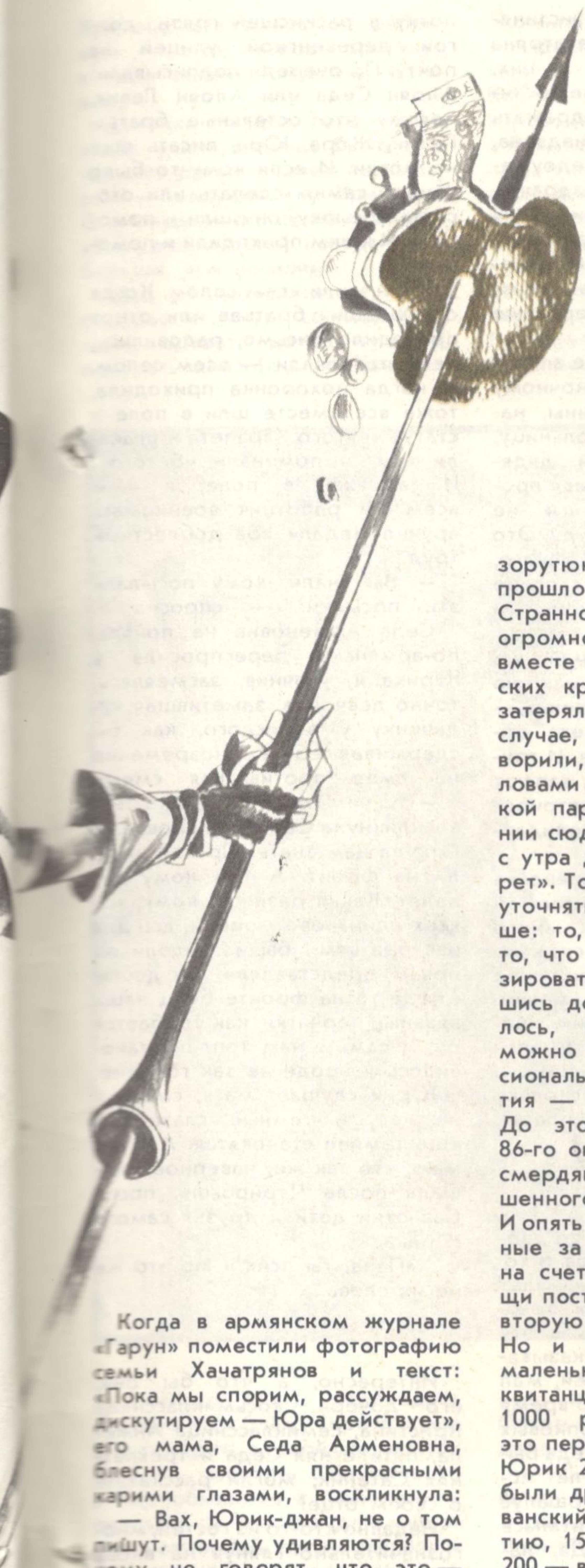
Юрик улыбнулся.

— Они ошибаются.

Они бы и сами поехали туда, но, видно, не смогли.

Врал, конечно.

«Туда» не многие поехали. «Туда» и по приказу не все с желанием ехали, а уж добровольно...

Когда в армянском журнале «Гарун» поместили фотографию семьи Хачатрянов и текст: «Пока мы спорим, рассуждаем, дискутируем — Юра действует», его мама, Седа Арменовна, блеснув своими прекрасными карими глазами, воскликнула:

— Вах, Юрик-джан, не о том пишут. Почему удивляются? Почему не говорят, что это — нормально, так должно быть у людей, чтобы брат брату помогал?

— Так, конечно, так, мама, — живнул Юрик.

Он в этом убежден. И в стихах, в поэме своей «Анзорутюн» тоже об этом пишет. О том, что если что-то и спасет мир, так это доброта.

О Юрике Хачатряне, о его добрых делах и о поэме «Ан-

зорутюн» я впервые узнал в прошлом году в Сванетии. Странное дело, на фоне той огромной беды, пришедшей вместе с лавинами в дома сванских крестьян, имя Юрика не затерялось. В Местии, во всяком случае, о нем знали многие и говорили, удивленно покачивая головами и цокая языками: «Какой парень, слушай. Из Армении сюда сам пришел, работает с утра до ночи, а денег не берет». Тогда, помнится, я не стал уточнять, что же удивляло больше: то, что «сам пришел», или то, что денег не берет. Анализировать стал позже, вернувшись домой. Ведь, как выяснилось, Юрик Хачатрян, если можно так выразиться, профессиональный доброволец. Сванетия — не первая его поездка. До этого в июле и августе 86-го он отработал две вахты у смердящего излучением разрушенного реактора в Чернобыле. И опять же — деньги, заработанные за первую вахту, перевел на счет № 904, в фонд помощи пострадавшим от аварии. За вторую вахту — в Фонд мира. Но и это не все. Есть еще маленькие зеленые бумажки — квитанции. На них цифирки: 1000 рублей — в Чернобыль, это первый перевод, сделал его Юрик 23 мая 1986 года. Потом были другие: 100 рублей в Севанский фонд, 200 — в Сванетию, 155 и 150 — в Фонд мира, 200 — в Детский фонд имени Ленина...

«Ты там посмотри, может, его родные дети голодают, а он дурью мается», — говорили мне перед отъездом в Эчмиадзин знакомые.

«Хочет прославиться», — утверждали одни.

«Не в славе дело, здесь явно какой-то интерес, знать бы какой», — судили другие.

«Подпольный миллионер, грехи замаливает», — качали головами третьи.

«А может, он верующий?» — осторожно намекали четвертые.

Надо сказать, предположения сами по себе довольно занятные, но Юрик при близком знакомстве оказался интересней.

Когда после двухнедельного перерыва он вновь приехал в Чернобыль, один из руководителей строительства, не зная, что Юрик уже отработал вахту, явно ерничая, осмотрел его ладно сбитую фигуру, ухмыльнулся: «Значит, говоришь, доброволец. Это что-то новое. И что, радиации не боишься?» Юрик промолчал. «Ну-ну, — покачал головой начальник, точно сокрушаясь чему-то совершенно жуткому, что открылось ему сейчас, — это ж надо. Хотя, ясное дело, кавказский народ, на все готовы, лишь бы деньги зашибить». Юрик рванул было к столу, но вовремя сдержался, желваки только заходили на скулах. Он молча достал из кармана бумаги, молча кинул на стол — читай. Начальник подвинул бумаги к себе: «Справка. Дана Хачатряну Юрику Саркисовичу в том, что он действительно работал по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 2.07.86 г. по 16.07.86 г. и заработанные деньги перечислил в фонд помощи пострадавшим на счет № 904». Начальник осторожно покашлял в кулак, скрывая неловкость.

— Понимаешь, — говорит Юрик, — пока сам с этим не столкнешься, ни за что не поверишь, но сейчас я могу точно сказать: добровольцев не любят. Нет, не то что не любят — ненавидят. Я убедился в этом. Вначале, ну, как тот начальник, ищут скрытую выгоду: зачем приехал, почему бесплатно работаю. А ведь заработки там, в «зоне», были сумасшедшие. Значит, если ты и вправду не псих, какая-то корысть тобой движет. А поскольку неясно, какая может быть выгода у человека, ежедневно бесплатно работающего в зоне повышенной радиации, это очень раздражает.

— Ну хорошо, — сказал я Юрику, — два года прошло с того времени. Тогда, может, спонтанно все было, эмоции там и все такое. Ну, а теперь? Ты ж все же не пацан, как-никак — отец семейства.

— Ясно-ясно, — чисто по-кавказски вскинув руки, перебил меня Юрик. — Это все слова. Я тоже слова могу говорить.

Но считаю, что сначала должно быть дело. И не хочу и не буду ждать, пока мне скажут, что нужно делать. Я сам выбираю. Понимаешь? Я работаю завхозом и электриком. Я портной высшей квалификации, у меня шестой разряд оператора КИПиА, моториста, слесаря... Если надо, могу заработать много денег. Я и зарабатывал. — Юрик провел ребром ладони по горлу. — Вот когда зарабатывал, греб под себя, ни у кого вопросов не возникало. Это — нормально. Это — в порядке вещей. Так? Да мы сами не замечаем, что нас годами дрессируют, натаскивают, как дуровских зверюшек, на такое понимание жизни. Знаешь, сколько у нас в Армении стоит место продавца в магазине автозапчастей? А инспектора ГАИ?..

— И вот сел Юрик Хачатрян на своего верного Росинанта, вооружился копьём и кинулся на мельницу...

Юрик растер в пепельнице сигарету, усмехнувшись, искоса глянул на меня:

— А ты вроде как против Дон Кихота?

Не могу сказать, что вопрос его застал меня врасплох: еще тогда, после нашей первой встречи в Сванетии, я много думал о Юрике, о его воинствующем альтруизме, о желании помогать, отдавать — вот так вот, просто, неизвестно кому — людям — и деньги свои, и труд. А они, люди, брали и недоуменно пожимали плечами, и качали головами, а то и смеялись за спиной. И в том, что каждое действие, каждый порыв Юрика я пытался каким-то образом объяснить (а может, оправдать?), было, как это ни странно, нечто унижительное, нет, не для Юрика, — для меня, для всех нас, выискивающих рациональные подпорки не укладываемымся в наши понятия поступкам. А Юрик не нуждался в защите.

И еще. Почему альтруистические порывы Юрика Хачатряна у многих, слышавших о них, порождали не зависть, не восхищение, не желание подражать Дон Кихоту из Эчмиадзина, а как раз наоборот — недоумение, иронию, а то и раздражение? А ну как прав Юрик, а ну как и впрямь нас выдрессировали? И мы, сами того не замечая, заглотнули золотую наживку. С крючком... И теперь уже сами на этом крючке.

У женщины обострение аппендицита, муж мечется по ночному городу в поисках машины, наконец привозит ее в больницу, а добрый и гуманный дядя-доктор ничтоже сумняшеся провозглашает: пока деньги не дашь, оперировать не буду. Это гдей-то такой негодяй? В Чикаго, что ли? Нет, отвечу, в столице солнечного Азербайджана, и сам я тому свидетель.

«Кто пойдет на первомайскую демонстрацию, тому закрою наряд за один рабочий день», — объявляет начальник цеха одного из минских заводов. И труженики, мало смущаясь, хапают червонцы и идут демонстрировать международную солидарность.

И уж чтобы совсем далеко не ходить, в родной и почитаемой мною редакции не так много найдется желающих, ну, скажем, занести в издательство срочную бумагу: начальству не можно (начальство!), творческим работникам лень «за так», а непосредственным исполнителям столет это не нужно, поскольку все равно денег мало платят. И лежит бумага...

Когда девочки играют во дворе, в квартире Хачатрянов тихо. Седа Арменовна рассказывает о себе, о своей жизни тоже тихо, точно вслушиваясь в эту тишину. Что она ей подсказывает? Как они, пятеро детей, мал мала меньше, сменили во время войны взрослых на хлопковых полях и виноградниках? Седа была старшая в семье, 13 лет исполнилось. В их селе Аршалус в те годы она уже считалась взрослой, работницей. Да, наверное, не только в их селе и даже не только в Армении — во всей стране дети тогда рано становились взрослыми. Осенью и зимой в домах было холодно. Дети сидели, прижавшись друг к другу, и готовили посылки солдатам: вязали носки, перчатки, шапки, махорку укладывали в самодельные ящики, похинд — смешанные с виноградным соком шарики из муки. А потом все вместе шли, утопая по щико-

лотку в раскисшей грязи, долгой деревенской улицей на почту. По очереди подписывали: Алоян Седа или Алоян Левик, потому что остальные братья, Петик, Жора, Юра, писать еще не могли. И если кому-то было трудно самим сделать или отослать посылку, они шли и помогали. И к ним приходили и помогали.

Так и жили всем селом. Когда от ушедших братьев или отцов приходило письмо, радовались, пели, танцевали — всем селом. И когда похоронка приходила, тоже все вместе шли в поле к статуе святого Карапета и плакали там, и поминали убитого... И там же, в поле, в 44-м всем им работник военкомата вручил медали «За доблестный труд...»

— Вы знали, кому посылали эти посылки? — спросил я.

Седа Арменовна не поняла, по-армянски переспросила у Юрика и, уточнив, засмеялась, точно девчонка, заметившая чудачинку у взрослого, как бы сдерживая себя и одновременно не смея противиться смеху.

— О чем говоришь, сынок?! — воскликнула Седа Арменовна. — Откуда нам знать? Просто писали на фронт. А там кому попадет. Какая разница, кому, мы всех одинаково любили, все для нас братьями были. Сидели по ночам, представляли, как достает где-то на фронте боец наши вязанные перчатки, как улыбается он, и самим нам теплей становилось и вроде не так голодно.

Юрик слушает мать, смотрит на нее, и темные глаза его еще темнее становятся. А я думаю, что так же, наверное, слушали после Чернобыля, после Сванетии дети и друзья самого Юрика.

...«Папа, ты псих?» Но это же не их слова...

Интересно, а что бы они, его дочери, восьмиклассница Кристина, семиклассница Ангела, пятилетняя Седа и трехлетняя Сатеник, могли рассказать о своем отце?

Недавно кто-то из гостей, многозначительно глянув на вновь пополневшую жену Юрика Лиану, пошутил: «Не боишься, что опять дочь будет?» Лиана мягко улыбнулась, оглянулась на Юрика: «Боялась, когда Кристина родилась. Чего только не насмотрелась в роддоме: отцы отказывались от дочерей, матери рыдали — не угодили. Я не знала, как Юрик встретит дочь. А он был такой счастливый!..» — «Слушай, — возмутился Юрик, — дурь, средневековье какое-то!

«Как это отказаться от ребенка?» — и он ласково притянул к себе самую младшую, Сатеник.

Девочки знают: папа хочет, чтобы у них в семье было тринадцать детей. «Зачем так много?» — спросил я у Кристины. Она смущенно пожала плечами: «Папа любит детей. Говорит, чем больше, тем веселей».

Ну, а где взять средства, чтобы содержать такую семью? Кормить, одевать детей и жену, покупать книги (в доме Хачатря-

окончил Ереванский электромеханический техникум, потом — курсы операторов КИПиА. Так сложилась его жизнь, (а было в ней разное — и безотцовщина, и школа-интернат), что до многого ему пришлось доходить самому, ошибаясь, спотыкаясь, а то и падая. Но он никогда не роптал. И поднимался. Сам. Нужны были деньги семье — научился шить «супермодные» брюки и куртки. Работал по ночам, без выходных, без праздников — как каторж-

молодежного литературного объединения «Арагатская долина». На заседаниях объединения они чаще всего встречаются, если Гайк нормально себя чувствует и кто-то заедет за ним. Сам Гайк ходит с трудом, скверно у него с ногами.

— Последнее время совсем скверно, — спокойно, точно о ком-то другом, а не о себе, говорит Егян.

Он молод и красив. Красивой молчаливой, какой-то одухотворенной, внутренней, иду-

нов много книг), переводить деньги на благотворительные нужды, брать за свой счет отпуск и летать работать бесплатно то в Чернобыль, то в Сванетию — реально ли все это для имеющего скромный оклад завхоза и электрика Эчмиадзинского отделения Госбанка?

— Юрик, может, тебе привалило шальное наследство от какого-нибудь американского дядюшки?

— Вот мой дядюшка и вот мое наследство, — показал крепкие мозолистые руки Юрик.

С пятнадцати лет он слесарил, а после СПТУ и вечерней школы работал электриком на консервном заводе. Заочно

окончил Ереванский электромеханический техникум, потом — курсы операторов КИПиА. Так сложилась его жизнь, (а было в ней разное — и безотцовщина, и школа-интернат), что до многого ему пришлось доходить самому, ошибаясь, спотыкаясь, а то и падая. Но он никогда не роптал. И поднимался. Сам. Нужны были деньги семье — научился шить «супермодные» брюки и куртки. Работал по ночам, без выходных, без праздников — как каторж-

ный. И зарабатывал много. Потом вдруг плюнул — всех денег не заработаешь. — Видишь, сколько у меня книг, — повел рукой Юрик. — Я раньше верил писателям. До Чернобыля. А там понял, что если у человека горе, а ты пишешь о красотах природы, никакой ты не писатель. Не болит у тебя внутри. Ованез Шираз свой гонорар отдавал в детдом, сам голодал, но о детях думал. А мы... Неважно, писатели, врачи, рабочие — для чего мы живем, что сможем сказать своим детям, что дети скажут о нас внукам?..

Гайк Егян, как и Юрик, член

молдежного литературного объединения «Арагатская долина». На заседаниях объединения они чаще всего встречаются, если Гайк нормально себя чувствует и кто-то заедет за ним. Сам Гайк ходит с трудом, скверно у него с ногами. — Последнее время совсем скверно, — спокойно, точно о ком-то другом, а не о себе, говорит Егян. Он молод и красив. Красивой молчаливой, какой-то одухотворенной, внутренней, иду-

щей из древности веков, красотой кавказского мужчины, немало испытавшего, а потому взирающего на мир без особого почтения, но с интересом и терпеливым ожиданием, — ну, что дальше... — А дальше — полная неподвижность и... — Гайк обрывает себя, с тихой улыбкой смотрит в окно, поглаживает бороду и, не меняя интонации, предлагает: — Еще кофе?

Мы говорим о ереванских и московских лечебницах, говорим о Валентине Дикуле, о стихах, о смысле жизни, о Юрике, о перестройке, об инвалидных колясках, об одиночестве...

Хорошо говорить с Гайком.

Гайк не суетлив. Гайк умен. Гайк чувствует и знает больше, чем я, много больше, чем мы все, не испытывавшие того, что испытывает он.

— Хорошо бы, чтоб никто этого не испытал,— спокойно говорит он.— Но так не бывает. Инвалидов много. Но о них почти не заботятся. Как будто, если не замечать инвалидов, делать вид, что их нет, их и правда станет меньше. Сейчас хоть писать начали о бедах одиноких, всеми покинутых людей. Хоть писать стали...— повторил он и задумчиво побарабанил по столу.— А знаешь, от чего все? Кто-то хорошо сказал: у нас в стране много думают о народе, но мало — о людях. Мы заплесневели в лозунгах, словоблудием покрываем коррупцию, косность, безразличие ко всему. Может быть, в том, что делает Юрик, мало какой-то конкретной пользы для всей страны, но главное, что он вселяет надежду. Когда есть такие люди, как Юрик, легче жить. Понимаешь, Юрик сохранил в себе то, что большинство теряет, так до конца и не ощутив,— романтический юношеский максимализм. Он из тех немногих, кто считает: если не я, то кто же? Его порывы могут казаться наивным мальчишеством, но они искренни. И поэтому мне ближе Юрик, чем те, кто красиво излагает и гребет под себя.

— Между прочим,— сказал Гайк, когда я уже собирался уходить,— о том, что он дважды ездил в Чернобыль, я в курсе, а о его работе в Сванетии узнал совсем недавно. Тоже вроде чудачество: чего скрывать, ведь хорошее ж дело. А выходит так, что ему как будто неловко об этом говорить. Так вот выходит...

«Анзурютюн» — поэма, которую Юрик Хачатрян пишет уже несколько лет. В переводе с армянского «анзурютюн» — бессилие. Что снится художнику,

почему боится он этого долгого, бесконечно долгого сна? Пожар, полыхающий над горами, голодные плачущие дети, ядерный взрыв, пожирающий каменные здания древних монастырей, книги, старика, прижавшего к груди ребенка... От него, от художника, зависит, сможет ли он встать, защитить этот мир. И в голодных детях угадывается детство его матери, в сдвинутых горах — Сванетия 87-го года, в ядерном облаке — Чернобыль, в старике — отчим Юрика, Гегам Захарович Минасян, ставший ему отцом, а его дочерям — бабушкой... Но кто этот художник, почему не может проснуться он, страхнуть с себя этот ночной кошмар?

— Я вам так скажу: в каждой нации и в каждом народе есть свои герои и свои выродки. Вы согласны со мной? — Мой сосед по купе, седовласый поджарый мужчина, аккуратно двумя пальцами поправляет тяжелые роговые очки.— Вы-то сами как относитесь к этому парню, о котором сейчас рассказывали?

Я пожимаю плечами:

— Не знаю, а у вас, кажется, уже есть позиция?

— Моя позиция — это моя жизнь, а она, простите великодушно, прямо противоположна жизни этого эчмиадзинского парня. Как там бишь его?

— Юрик,— подсказываю я.

— Так вот,— чуть назидательно продолжает сосед,— этот ваш Юрик, полагаю,— не лучший представитель своего народа. Во всяком случае, мне он не симпатичен. Знаете ли, донкихотство — забава давно прошедшего времени. Эдакий плюсквамперфект. Пользы от его самопожертвований на фоне того, что может и обязано дать государство,— ноль. Но пример дурной. Государство рвануло реактор—будьте добры, раскошесьтесь. Утопили «Нахимов», разворовали детские дома, загромили Арал, Севан, Ладогу — башляйте, дорогие,— и мужчина в роговых очках выразительно похлопал по карману.— А этот карман — мой. Будьте уверены, из него на благотворительные нужды не уйдет ни цента.

— Вы можете платить валютой? — пошутил я.

— Я могу платить чем угодно. И поверьте, денег у меня в десятки раз больше, чем у сотни ваших юриков вместе взятых со всеми их шестыми рядами.

— Простите, вы...

— Это не суть важно,— пере-

бил он мой вопрос.— Ну, скажем так, коммерсант. Фирма моя в Прибалтике, а торгую везде. Но дело не в этом. Деньги мне нужны, чтобы иметь свободу. И я их делаю. Считайте, что моя работа — делать деньги. Я их извлекаю из всего, как цирковой иллюзионист. Между прочим, увлекательная работа. Он замолчал, пристально взглянул на меня:

— Вы что-то хотите спросить?

— Нет-нет,— сказал я,— продолжайте, пожалуйста.

— Собственно, я уже закончил,— мой сосед по купе вновь поправил очки.— Я делаю деньги для себя, а ваш Юрик — неизвестно для кого.

— Юрик не делает деньги.

— Нет, делает,— возразил коммерсант,— но бездарно разбазаривает их. Может быть, он недалновиден, может, пижон, но уж никак не герой, поверьте мне.

— Возможно, — согласился я.— Во всяком случае, ваша позиция, и правда, намного убедительнее.

Мой сосед снисходительно улыбнулся, кивнул и пошел к проводнице заказывать себе чай. О Юрике мы больше не говорили. Как, впрочем, и о деньгах.

На следующее утро была Москва. У вокзала моего нового знакомого ждала машина. Нам оказалось в разные стороны. Перед тем как проститься, он неожиданно спросил:

— Напомните, как называется эта поэма?

Я понял, о чем идет речь, и сказал:

— «Бессилие».

— Ну вот, видите,— удовлетворенно, точно утверждаясь в какой-то только ему ведомой мысли, воскликнул коммерсант,— даже название поэмы выдает слабость автора. Разве не так?

Он хлопнул дверкой черной «Волги» и укатил куда-то в сторону улицы Горького. Очень красивый и самоуверенный, точно теплоход «Адмирал Нахимов», выходящий в открытое море из Новороссийской бухты...

Александр РОСИН

г. Эчмиадзин,
Армянская ССР

Фото Мхитара ХАЧАТРЯНА
Рисунок Валерия РУЛЬКОВА

намеренно раздуто и фактически превращено в процесс над рок-н-роллом. Менее всего замешанный в скандале Фрид стал козлом отпущения. Расисты и обыватели отомстили ему за пропаганду черной музыки и совместные концерты для негритянских и белых подростков. Не перенеся позора, Фрид спился и умер в неизвестности пять лет спустя. А Дик Кларк, между прочим, вышел сухим из воды.

Но и это было еще не все. Весной 1960 г. в автомобильной катастрофе погибает Эдди Кокрэн, а чудом уцелевший Джин Винсент, потрясенный смертью друга, надолго уходит со сцены.

Последний удар рок-н-роллу нанес сам король. Вернувшись из армии, он послушно запел, по указке своего менеджера Тома Паркера, песни из репертуара... неаполитанских теноров начала века. Собственноручно прикончив рок-н-ролл, Элвис подписал себе приговор как личности. Он превратился в преуспевающего развлекавателя публики с полумифическим бунтарским прошлым. Миллионы не сделали его счастливым. В 1977 г. в возрасте 42 лет, Пресли умер, не имея рядом ни одного близкого человека.

Часть II. Острова в океане

Справив панихиду по рок-н-роллу, деловые люди, которым было все равно, что произ-

46

что и Алан Фрид, и с коммерческой точки зрения был, пожалуй, самой влиятельной фигурой в американском шоу-бизнесе 50-х. Но по сути Кларк являлся полным антагонистом крестного отца рок-н-ролла. Участие в «Америкэн Бэндстэнд» гарантировало стопроцентный успех, и симпатичные мальчишки, которых он подбирал, строго следовали указаниям шефа. Идолом для новообращенных «рокеров» стал Пэт Бун. И питомцы Кларка нисколько не уступали «всеамериканскому парню» по количеству сахара на минуту звучания. Козырями «Америкэн Бэндстэнд» были Фабиано Форте и Фрэнк Аваллоне. Первый выступал под именем **Фабиан**, второй — **Фрэнки Авалон**. Фабиану шел шестнадцатый год. Красивый парень, он, к сожалению, совершенно не умел петь. Но дяде Дику это не помешало сделать из него «звезду». Самой известной песней Фабиана (тираж миллион экземпляров!) была такая: «Я твой тигр, у-у-у. Ты — моя крошка». В роли певца он продержался недолго и вскоре с отяжелевшими карманами ушел в Голливуд.

Его приятель Фрэнки Авалон (между прочим, Авалон — это остров, на который, по кельтским преданиям, отвезли тело короля Артура) был постарше, не так красив, зато пел не в пример лучше. Две дюжины хитов

43

была посвящена Кэрол Кинг. Но прежде всего необходимо отметить **Фила Спектора** (Филлип Харви Спектор) — великолепного мастера аранжировки и бесспорного продюсера № 1 на протяжении первых двадцати лет существования рока. Он разработал концепцию т. н. «уолл оф саунд» — «звукового вала»: превращал простенькие песенки в изысканный букет звуков, симфонии страсти и эмоций. Эти люди принесли в рок отточенность и профессионализм, которых ему на первых порах явно не хватало.

Молодежный рынок требовал чего-нибудь остренького. Природа шоу-бизнеса не терпит пустоты: если мода на один танец прошла, значит, нужен другой. И он не заставил себя ждать.

В медицине есть такое понятие: плацебо. Это нейтральное лекарство, эффект применения которого основан на уверенности пациента, что ему дают сильнодействующее средство. И развлекательная индустрия изобрела плацебо для подростков — **твист**.

(Продолжение следует)

48

в переплет!

Эдуард ДУБРОВСКИЙ

ТРИ ПРАВИЛЬНЫХ АККОРДА

КРАТКАЯ ХРОНИКА РОКА

1959—1962

РОК-Н-РОЛЛ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТВИСТ!

Часть I. Великий закон шоу-бизнеса

У легенды о рыцарях Круглого стола короля Артура конец печален. Пали в боях и исчезли по воле злого рока доблестные паладины, отправившиеся на поиски Святого Грааля. В последней битве с коварным Мордредом, который пытается узурпировать власть, славный король Артур поражает изменника, но и сам погибает от его руки, руки своего незаконнорожденного сына...

Так завершилась и история Королевства рок-н-ролла. В шоу-бизнесе действует парадоксальный, на первый взгляд, закон: начало популярности — начало упадка. Или, другими словами, куда приходят деньги — оттуда уходят музы.

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 4, 5, 6 за этот год.

41

за четыре года говорят сами за себя. Большинство же «рокеров» в лучшем случае удостоивались титула «герой одной песни». Как исключение надо отметить канадца **Пола Анку**, записавшего 35 боевиков со знаменитой «Дайаной» во главе, и **Конни Фрэнсиз** (настоящее имя Кончетта Франконера) — первую белую королеву рок-н-ролла (второй не было из-за отсутствия конкуренции).

Короче, к 1959 году рок-н-ролл был уже тяжело болен, если можно так выразиться, сахарной болезнью и грозил превратиться в заурядную эстраду. Положение усугублялось еще и тем, что его создатели по разным причинам начали покидать сцену. Хэйли практически исчез с рампы в 1957 г., оказавшись в густой тени Элвиса и других более молодых и талантливых рокеров. Литтл Ричард в том же году неожиданно прекратил выступления и заявил, что посвящает свою жизнь служению богу. Как уже говорилось, карьере Карла Перкинса оборвала в 1956 г. автомобильная катастрофа, а Джерри Ли Луиса — скандал во время английского турне 1958 г. Наконец, в марте того же года Пресли был призван в армию. Король на 24 месяца превратился в сержанта 32-го разведвзвода 3-й бронетанковой дивизии США, расквартированной в Западной Германии...

Казалось, сама судьба ведет прицельный

44

Королевство рок-н-ролла воистину было волшебной страной. Вчера никому еще не известный шофер грузовика, отставной моряк, пианист из захудалого кабачка, безусый школьник — любой мог мгновенно превратиться в общенациональную знаменитость и за один вечер заработать столько, сколько иной зарабатывает за год. Агенты компаний звукозаписи рыскали по всей стране в поисках новых талантов. Увы! Таланты по заказу не появляются, и на всех их не хватало. Менеджеры не стали ждать милостей от природы и принялись сотворять новоявленных «звезд» сами...

Первым признаком того, что не все ладно в Королевстве рок-н-ролла, стало появление на сцене музыкантов, которые переняли внешнюю форму, но начисто утратили дух рок-музыки. Дистиллированные мелодии и пресные тексты, воспевавшие вечеринки и любовные страдания пятнадцатилетних и слегка приправленные для пикантности острыми ритмами, охотно проглатывались подростками, но уж больно были просты. Главным поваром на этой кухне был диск-жокей из Филадельфии **Дик Кларк**. Кларк вел одну из наиболее популярных телепрограмм «Америкэн Бэндстэнд» — «Американская эстрада». Он в общем-то занимался тем же,

42

огонь по звездам рока. Но это была лишь пристрелка. Стрельба началась через год.

3 февраля на заснеженное поле близ аэропорта Мэйсон-сити рухнул маленький самолет. Все пассажиры погибли. Их было трое: 22-летний Бадди Холли и две восходящие звезды рок-н-ролла — 17-летний **Ритчи Валенс** и 20-летний **Биг Боппер** (настоящее имя — Джей Пи Ричардсон). В том же роковом году Чаку Берри было предъявлено обвинение в нарушении т. н. «закона Манна» — провозе несовершеннолетней без согласия родителей через границу штата. Похоже, что процесс был подстроен, как в свое время с Чарли Чаплином. После двух лет судебного разбирательства не признавший себя виновным Берри был осужден и приговорен к двум годам тюрьмы.

21 ноября 1959 г. во время очередной программы Алан Фрид, не скрывая слез, сообщил слушателям, что не считает для себя возможным продолжать передачи. Разразился скандал — дело о подкупе диск-жокеев, которые проталкивали в хит-парады заказанные (и оплаченные) граммофонными компаниями пластинки, используя известный принцип: дважды повторенное — нравится. Не вполне корректная с точки зрения закона, такая реклама практиковалась в шоу-бизнесе с давних пор. Однако дело было

45

водить: музыкальные «консервы» или сосиски, вдруг обнаружили, что покойник не только имел трудный характер, но и, оказывается, вносил приятное оживление в застоявшуюся индустрию звукозаписи (правда, кое-кто из уцелевших рокеров продолжал выступать, но это погоды не меняло. Появилось даже несколько одаренных новичков: первый инструментальный рок-н-ролловый состав саксофониста Джона Париса — «**Джонни энд зе Харрикенз**», приятель Пэта Буна по колледжу **Рой Орбисон**, которого открыл все тот же Филлипс, и **Нил Седака**, с равным успехом делавший крутые роки, эстрадные шлягеры и сентиментальные баллады). И все же это были только жалкие островки в Тихом океане привычных штампов коммерческой эстрады. Впрочем, и она под влиянием роковых 50-х сильно изменилась. Из рядов профессиональных сочинителей шлягеров, сотрудничавших с бродвейским «Брилл Билдингом», вышли самые знаменитые авторские дуэты этой эпохи: **Джерри Лейбер** и **Майк Столлер** (их песни исполняли все, начиная от «Дрифтерз» и «Коустерз» и кончая Элвисом) и **Кэрол Кинг** (настоящее имя Кэрол Клейн) со своим мужем **Джерри Гоффином**. Кстати, через школу «Брилл Билдинга» прошел и Седака. Одна из его лучших песен «О, Кэрол»

47

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на

70795

(индекс издания)

журнал «ПАРУС»

Количество комплектов

1

на 1989 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

пв

место

ли-тер

на

70795

(индекс издания)

журнал «ПАРУС»

Стоимость

подписки
пере-адресовки

— руб. — коп.
— руб. — коп.

Количество комплектов

1

на 1989 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА

на лучшие телевизионные и радиопередачи об учебе, труде и отдыхе учащихся профессионально-технических учебных заведений

В соответствии с постановлением Секретариата ЦК ВЛКСМ, коллегии Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию и коллегии Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию был проведен Всесоюзный конкурс на лучшие телевизионные и радиопередачи об учебе, труде и отдыхе учащихся профессионально-технических учебных заведений, посвященный 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Жюри приняло решение присудить:

ПЕРВОЕ МЕСТО — передаче, подготовленной Литовским телевидением,

о судьбе сестер Пашкявичюте, выпускниц Кайшядорского сельского СПТУ № 83; передаче, подготовленной Главной редакцией Таджикского радио, рассказывающей о проблемах трудоустройства выпускников ПТУ, занятости молодежи в общественном производстве;

ВТОРОЕ МЕСТО — передаче, подготовленной Анадырской студией телевидения, о проблемах подготовки кадров молодых оленеводов в Магаданской области на примере СПТУ № 2; передаче, подготовленной молодежной редакцией Красноярского краевого телерадио о проблемах молодежи Красноярска, о равнодушии одних и активной позиции других, необходимости знать и уважать свою историю;

ТРЕТЬЕ МЕСТО — передаче, подготовленной Главной редакцией научно-популярных и учебных программ ЦТ, о профессиональной подготовке учащихся в СПТУ № 127 г. Москвы и о значении электроники в нашей жизни; циклу передач,

подготовленных Главной редакцией радиовещания для молодежи Ленинградского комитета по телевидению и радио, рассказывающих об опыте подготовки рабочей смены в Ленинграде и Ленинградской области;

ЧЕТВЕРТОЕ МЕСТО — передаче, подготовленной Узбекским телевидением, о трудовой и профессиональной подготовке учащихся СПТУ № 29 г. Янгиабада, о судьбах многих трудных подростков;

ПЯТОЕ МЕСТО — передаче, подготовленной Украинским телевидением, о труде и отдыхе учащихся СПТУ № 35 г. Одессы;

ШЕСТОЕ МЕСТО — передаче Главной редакции научно-популярных и учебных программ ЦТ о заслуженном учителе системы профтехобразования РСФСР А. И. Шмакове (СПТУ № 24 Шиловского района Рязанской области)

и наградить ряд работников радио и телевидения дипломами Всесоюзного радио- и телевизионного конкурса и туристскими путевками бюро международного молодежного туризма «Спутник».

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО», производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

 Парус

Главный редактор
Александр КЛАСКОВСКИЙ

Редакционная коллегия:

Владимир ВЕРХОВЕЦ, Тамара ГЛАВАК, Василий ГУРИН, Алексей ДУДАРЕВ, Борис ЖУРАВЛЕВ, Евгений КЛИМОВ, Валентин МАСЛЮКОВ (отв. секретарь), Ирина ПАВЛЮЧИК, Борис ПАСТЕРНАК (зам. главного редактора), Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАЙЧ

ЗВОНИТЕ:

20-41-30

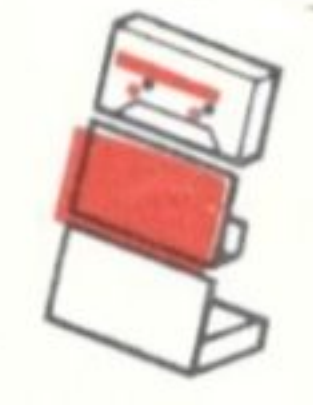
20-24-00

20-31-27

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП,
ул. Короля, 12

Издательство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Сдано в набор 13.06.88. Подписано к печати 29.07.88. АТ 08149.
Формат 70×108¹/₁₆. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр. отт. 15,05. Уч.-изд. л. 8,45. Зак. 1011. Тираж 400 000 экз. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79

А		А	<p>«Веселые картинки» выделились из состава популярной московской группы «ДК» в 1986 г. по инициативе лидер-гитариста Дмитрия Яншина. К Яншину присоединились Игорь Белов (вокал, гитара), Виктор Клемешев (вокал, саксофон), Олег Андреев (бас-гитара); за ударные сел техничный Владимир Кузнецов. Концепция группы — так называемый «фольклорный рок» — восходит к старым программам группы «ДК», но выражается принципиально новыми музыкальными средствами. «Картинки» владеют всеми стилями: от «хэви-метал» до эстрадного «попса» (в котором открылась бездна скрытого смысла). Они сотрудничают с этнографическими коллективами и, несмотря на противодействие музыкальных чиновников, с неизменным успехом выступают на всесоюзных фестивалях: «Фольклор-87», Подольском, Черноголовкинском. На последнем Яншин был признан гитаристом номер один. «ВК» считаются одной из ведущих и самых концертирующих групп столицы. Подробнее об истории и эстетике «ДК»/«ВК» читайте в журналах «Знание — сила» (№ 3, 87) и «Театр» (№ 5, 88).</p>
ДАТА			
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐ СТЕРЕО			
☐			
Б		Б	
ДАТА			
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐ СТЕРЕО			
☐			

А		А	<p>Группа создана в 1984 году студентом филфака ЛГУ Михаилом Борзыкиным. Она успешно продолжила ленинградские «нововолновые» традиции, стала лауреатом городских рок-фестивалей 1984 и 1985 годов. Песни того времени были, в основном, лирическими, с некоторой дидактичностью в текстах и преобладанием мелодекламации.</p>
ДАТА			
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐ СТЕРЕО			
☐			
Б		Б	<p>В 1986 году произошел перелом: вместо гитары и баса появились басовые клавиши, но самое главное — Борзыкин обратился к более высоким точкам нашего общества (весьма заметной стала песня «Выйти из-под контроля»). В следующем сезоне «Телевизор» много гастролировал. Подлинный успех ждал группу на Ленинградском фестивале 1987 г., где она заняла второе место, пропустив вперед лишь «ДДТ».</p>
ДАТА			
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐ СТЕРЕО			
☐			
<p>Магнитоальбомы: «Шествие рыб» (выходит сейчас на пластинке фирмы «Мелодия») и «Отечество иллюзий».</p>			
<p>Состав: Михаил Борзыкин (вокал, клавишные), Александр Беляев (гитара), Игорь Бабанов (бас-клавиши), Алексей Рацен (ударные).</p>			

Вырезав эти вкладыши, вы сможете оформить футляры своих магнитофонных кассет.
 Текст Марины Тимашевой и Александра Старцева.
 Фото Георгия Молитвина и Евгения Матвеева.
 Оформление Сергея Стельмашонка.

ВЕСЕЛЫЕ

ЖАРТИНКИ

А

Б

А

Б